

ISBN 978-5-9905914-8-6

МАТЕМАТИКИ ОБ ИСТОРИИ

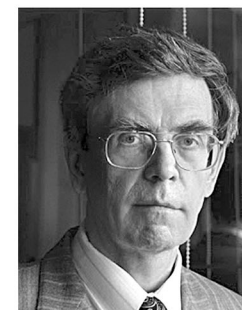
Н.Г. БАРАНЕЦ, А.Б. ВЕРЁВКИН

Н.Г. БАРАНЕЦ, А.Б. ВЕРЁВКИН

МАТЕМАТИКИ ОБ ИСТОРИИ

**ВЕХИ ОДНОГО
НАУЧНОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ**

Н.Г. БАРАНЕЦ, А.Б. ВЕРЁВКИН

**МАТЕМАТИКИ ОБ
ИСТОРИИ**

**ВЕХИ ОДНОГО
НАУЧНОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ**

Ульяновск – 2014

ББК 22.3ф 22.3г 87.1 63.3.

***Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект № 14-13-73002***

Рецензенты:

Доктор философских наук, профессор А.А. Тихонов,
Кандидат философских наук Е.В. Кудряшова

***Математики об истории. Вехи одного научного
противостояния.*** Издание 2-е, исправленное. – Улья-
новск: Издатель Качалин Александр Васильевич, 2014. –
210 с.

ISBN – 978-5-9905914-8-6

Монография посвящена одному из наиболее ярких познавательных конфликтов отечественного научного сообщества последней четверти XX века, в который вовлечены математики и историки. Новая Хронология А.Т. Фоменко и Г.В. Носовского поляризовала мнения учёных-естествоиспытателей, математиков и историков. В монографии проанализирована историологическая программа Н.А. Морозова, продолженная в Новой Хронологии. Описаны историко-культурные и методологические обстоятельства появления Новой Хронологии. Изучена логика рассуждений математиков – М.М. Постникова и Г.Е. Шилова. Представлена методология и система доказательств авторов Новой Хронологии – А.Т. Фоменко и Г.В. Носовского. Выявлены мотивы критики и специфика аргументации оппонировавших им – В.И. Арнольда и С.П. Новикова. Проанализирована реакция исторического сообщества на альтернативную исследовательскую программу. Вскрыты корни познавательного конфликта между сторонниками традиционной истории и Новой Хронологии.

ISBN – 978-5-9905914-8-6

© Баранец Н.Г., Верёвкин А.Б., 2014

В конце 1960-х годов после десятилетий забвения возродился интерес к историческому проекту Н.А. Морозова. В 1970–80-х годах советские учёные стали разрабатывать новые надёжные методы датирования древних событий. Для этого использовалась современная математика (топология, статистика, небесная механика) и обширные компьютерные вычисления. Главные идеи такой работы были высказаны Морозовым полустолетием ранее, когда их реализация по техническим причинам была затруднена. Первые же полученные критические результаты и созданная на их основе новая реконструкция мировой истории вызвали резкое противодействие гуманитарной аудитории. Они также поляризовали отечественную естественнонаучную общественность. История этого явления интересна для изучения, поскольку она выявляет различие эпистемологических подходов гуманитариев и математиков на общем поле исторического исследования. В ходе публичного обсуждения Морозовской историологии и Новой Хронологии чётко вскрылись механизмы научных конфликтов, регулирующих нормы научного сообщества. Прежде они кропотливо изучались эпистемологами и историками идей лишь на затёртых или искажённых за давностью лет примерах становления гелиоцентризма или теории относительности. Новая арена исторических баталий дала прекрасную возможность прямого наблюдения табуированных уважаемой наукой процессов, и даже – непосредственного участия в них. Обо всём этом мы расскажем в нашей книге, начав с короткого изложения научного пути Н.А. Морозова и основных положений его историологии.

Н.А. МОРОЗОВ И ЕГО ПРОЕКТ ПЕРОСМЫСЛЕНИЯ ИСТОРИИ

Главный герой нашего повествования, Николай Александрович Морозов (1854–1946), в молодости был членом исполкома и одним из главных идеологов «Народной воли».

Примечательно, что второй вдохновитель революционного террора, честолюбивый ренегат Лев Александрович Тихомиров (1852–1923), в 1889 году публично покаялся перед российским императором Александром III и был помилован. Впоследствии он служил монархии маловыразительным публицистом охранительного направления. В конце жизни Тихомиров стал религиозным философом, получая от советской власти паёк третьей категории, как нетрудоспособный гражданин республики.

Судьба Н.А. Морозова сложилась существенно иначе. В зрелые годы, после четвертьвекового заключения, он стал писателем, учёным и организатором науки. Исследовательский интерес к природе и жажда научного знания возникли у Морозова в детские годы. Ему не была свойственна оторванная от жизни эрудиция, не приносящая конкретной пользы людям и обществу в целом.

Всеми замечаемое и часто эксплуатируемое бескорыстие Морозова, полное отсутствие у него тщеславия, возможно, объясняются особенностью его происхождения. Николай Александрович был старшим из семи незаконнорождённых детей богатого помещика Петра Алексеевича Щепочкина и его бывшей крепостной крестьянки Анны Васильевны Морозовой. Забота о младших детях и жалость к матери, долгое время

жившей в доме гражданского мужа в неопределённом, социально униженном состоянии, наверняка обострили его естественное чувство справедливости и воспитали неприятие сословного устройства российского общества. Не окончив гимназии, он присоединился к революционному кружку «чайковцев», вместе с Сергеем Михайловичем Степняком-Кравчинским «ходил в народ» для социалистической пропаганды. В 1874 году Морозов нелегально эмигрировал в Швейцарию для издания революционного журнала. Здесь он стал членом I Интернационала, встречался со всеми значительными деятелями европейского революционного движения. В 1875 году, по возвращению в Россию, Морозов был арестован и во время 3-х летнего предварительного заключения по «процессу 193-х» самостоятельно прошёл университетский курс истории, выучив несколько иностранных языков. Суд засчитал Морозову годы предварительного заключения и освободил его на поруки отца. Морозов в тот же день скрылся из-под полицейского надзора и вскоре участвовал в организации «Народной Воли», став идеологом её террористического крыла. В 1880 году он снова эмигрировал в Швейцарию для издания революционной литературы, где познакомился с П.А. Кропоткиным и К. Марксом. При нелегальном возвращении в Россию в 1881 году Морозов был арестован под именем студента Женевского университета Локьера (этот псевдоним он взял в честь английского астрофизика Дж.Н. Локьера, открывшего гелий).

В феврале 1882 года Морозова осудили на «процессе 20-ти» к вечной каторге, которая свелась к пожизненному заключению в тюрьме. Сначала Морозова содержали в Алексеевском равелине Петропавловской

крепости. Ранее там держали декабристов, петрашевцев и выданного швейцарцами нигилиста С.Г. Нечаева. В 1884 году всех выживших государственных преступников перевели в новопостроенную тюрьму Шлиссельбургской крепости, а здание Алексеевского рavelина было закрыто и снесено в 1895 году.

Н.А. Морозов отбывал одиночное заключение в камере №4 Шлиссельбургской крепости до своего освобождения по амнистии 1905 года. Он покинул крепость с черновиками 26 томов сочинений по математике, физике, химии и истории¹.

В 1909 году вышла книга Н.А. Морозова «В поисках философского камня», где рассматривалась история познания вещества и новейшие открытия в свете идеи единства и эволюции природы. Сочинение пользовалось популярностью, как и его публичные лекции, по материалам которых была написана его книга.

Но за десять лет до этого его идеи, изложенные в работе «Периодические системы строения вещества», были отвергнуты учеником Д.И. Менделеева, профессором химии Петербургского университета Д.П. Коноваловым (1856–1929).

В конце 1890-х Морозов попросил посетившего крепость министра внутренних дел И.А. Горемыкина передать научную рукопись для просмотра Д.И. Менделееву или Н.Н. Бекетову. Но министерство сочло этих учёных недостаточно благонадёжными и передало монографию Д.П. Коновалову, который в 1890 году занял кафедру неорганической химии после политического увольнения Менделеева. Коновалов не знал, что

¹ *Валянский С.И., Недосекина И.С.* Отгадчик тайн, поэт и звездочёт, – М.: Крафт+, 2004; Николай Александрович Морозов учёный-энциклопедист, – М.: Наука, 1982.

получил на отзыв рукопись государственного преступника. Его отзыв был краток, благожелателен и бесполезен в идейном отношении. Он категорически не принимал Морозовской теории сложного строения атомов (его словами – химических элементов). Вслед за Менделеевым, в то время Коновалов считал наблюдения радиоактивности, свидетельствовавшие об изменчивости атомов, ошибочными¹.

Идея Морозова об эволюции элементов опиралась на аналогию гомологических рядов углеводов с таблицей Менделеева, а также на спектральном анализе небесных светил. Морозов самостоятельно занимался химией и знал об открытиях Рамзая, Рэлея и Локьера. Научно-популярные журналы в тюрьму поначалу нелегально проносил арестантам их врач, затем научные книги были допущены в тюремную библиотеку.

Новые открытия в химии происходили параллельно с теоретическими рассуждениями Морозова и в значительной мере их подтверждали. Научная интуиция Морозова направляла его по правильному пути. Развитие физики и химии в 1920-30-е годы подтвердило правильность высказанных Н.А. Морозовым идей о сложном строении атомов, их изменчивости и превращаемости, о возможности искусственного получения радиоактивных элементов и огромном запасе внутриатомной энергии.

¹ Тридцать лет спустя Д.П. Коновалов написал: *«Учение о сложности химических элементов не остаётся без влияния на течение научной мысли в химии. Оно открывает новые горизонты не только в отношении процессов, совершающихся в мировом пространстве в массах светил, находящихся в условиях иных, чем наши земные, но и намечает новые пути для нашей земной химии».* (Послесловие к 9-ому изданию «Основ химии» Д.И. Менделеева, 1928, 2-й т., стр. 690).

Менделеев познакомился с Морозовым 20 декабря 1906 года. Он одобрил мемуар «Периодические системы строения вещества», развивающий его идеи, и представил Морозова к учёной степени доктора наук Петербургского университета без защиты диссертации. Больше они не встречались, поскольку Дмитрий Иванович в начале 1907 года простудился и умер.

В том же 1907 году по приглашению П.Ф. Лесгафта (1837–1909) Морозов стал профессором Высшей вольной школы, читая курсы органической и общей химии, и проводя лабораторную практику по аналитической химии. На Высших курсах Лесгафта и в Психоневрологическом институте он читал курс «Мировой химии», где излагал химическую эволюцию звёзд и планет, а химические процессы, протекающие на Земле, рассматривал как часть общего процесса эволюции Вселенной. В 1911 году на II Менделеевском съезде Морозов доложил работу «Прошедшее и будущее миров с современной геофизической и астрофизической точки зрения», где озвучил гипотезу о возникновении новых звёзд в результате взрыва старых светил, происходящего вследствие разложения радиоактивных атомов вещества.

Н.А. Морозов состоял в Русском, Французском и Британском астрономических обществах. В 1911 году его вновь осудили как *«призывающего к учинению бунтовщического деяния и к ниспровержению существующего в России государственного и общественного строя»* на год заключения в Двинской крепости за переиздание сборника стихов «Звёздные песни», впервые нелегально опубликованного в конце 1870–х. В Двинском заключении он написал воспоминания – «Повести моей жизни», выучил для занятий историей древнееврейский язык и написал

книгу «Пророки». В тюрьмах он провёл в общей сложности около 29 лет. В 1908-10-х годах по приглашению князя Д.О. Бебутова Морозов состоял в Санкт-Петербургской масонской ложе «Полярная звезда». В это время его интересовали исторические документы революционного и политического содержания, которые могли храниться у масонов. Не видя пользы от занятий Морозова, вскоре масоны тихо вывели его из состава активных членов. Накануне революции 1917 года Морозов вступил в партию кадетов, но политической деятельностью почти не занимался, отдав все силы науке. В конце 1917 года из-за всеобщей хозяйственной разрухи почти совсем остановилась деятельность лаборатории, основанной П.Ф. Лесгафтом в 1894 году. Морозов вместе с несколькими учёными обратился к руководителям советского государства с просьбой о создании научного института на базе лаборатории Лесгафта. Это ходатайство поддержал нарком просвещения А.В. Луначарский. 26 апреля 1918 года Н.А. Морозов был назначен директором биологической лаборатории и вскоре преобразовал её в научный институт. Существовавшие ранее отделения (анатомическое, ботаническое, зоологическое с музеем зоологии и сравнительной анатомии, физиологическое, физическое и химическое) были расширены. В институте были созданы новые отделения: микробиологии, экспериментальной патологии (физиологической химии), астрофизики (вместо физического), физиологии животных и физиологии растений, морфологии человека и сравнительной морфологии животных. Административная идея Морозова была следующей – отделения института должны представлять такой круг дисциплин, который даёт физико-математическую и хими-

ческую базу для решения биологических проблем. В ноябре 1918 года по плану Морозова было создано астрономическое отделение (с обсерваторией), в 1933 году переименованное в лабораторию прикладной астрономии. Научная деятельность лаборатории состояла в приложении астрономических методов к проблемам истории, постепенным развитием историологии и исторической критики, а также наблюдениями за космосом на принадлежащей институту обсерватории в сотрудничестве с другими соответствующими учреждениями. *«Главной специальностью моего Отделения будет то, чего ещё нет на земном шаре: исследование древних документов астрономическими способами, выработанными мною ещё в Шлиссельбургской крепости».* Суть этого метода ему виделась так: *«по нескольким планетам путём просеивания сроков одного светила через сроки другого, а потом третьего даёт часто не более одного решения на целое тысячелетие назад и вперед, т.е. решает дело».* Н.А. Морозов хотел с помощью молодых астрономов и математиков *«начать всеобщую обработку египетских, ассиро-вавилонских, еврейских, латинских, китайских и японских древних документов с астрологическими и астрономическими указаниями, чтобы дать строгую научную хронологию»*¹.

С 1919 по 1946 годы Н.А. Морозов был ответственным редактором журнала «Известия Научного института им. П.Ф. Лесгафта». Он организовал регулярное издание научного журнала в очень трудный в материальном и идеологическом отношении период. Институт Лесгафта стал центром стажировки советских учёных. Морозов имел редкий талант – с бескорыстным интересом участвовать в исследованиях всех

¹ Организация науки в первые годы Советской власти (1917–1925): Сб. докладов, – Л.: Наука, 1968, с. 257.

отделений и увлекать сотрудников, ставя и решая вместе с ними научные проблемы. Отметим, что учёных разных специальностей, работавших в институте Лесгафта под руководством Морозова, объединяла общая идея единства науки во всём её многообразии.

В 1924–1932 годах Н.А. Морозов опубликовал 7 томов мультидисциплинарного исследования «История человеческой культуры в естественно-научном освещении», известного под коротким названием «Христос». Неоконченное продолжение этой работы частично сохранилось в рукописях, и было опубликовано уже в XXI веке. Многотомное исследование Морозова излагает историю не только человеческой культуры, но и эволюцию Земли. Оно насыщено интуитивными озарениями и размышлениями, подтверждёнными и принятыми естествоиспытателями через несколько десятилетий. Так, подтвердилось мнение Морозова о том, что океаны и континенты являются относительно первичными формами, изменяющимися за счёт химизма внутренних процессов. Повторяющиеся оледенения Земли Морозов связывал с прецессией земной оси, приводящей к изменению наклона эклиптики к земному экватору, а также с вариацией галактического воздействия из-за изменения ориентации земной оси по отношению к плоскости вращения Млечного Пути. С учётом этих факторов Морозов заключил, что последнее оледенение было около 14 тысяч лет назад (11–12 тысяч лет назад – по современным расчётам, опирающимся на иные соображения). Морозов полагал, что объяснение геологических процессов должно учитывать космические факторы. Он организовал проверку своих гипотез, анализируя 115 алтайских и 110 приохотских землетрясений.

В монографии «Христос» Морозов обосновал «теорию непрерывной преемственности человеческой культуры». На основе критического пересмотра хронологии мировой истории он построил новую реконструкцию исторических событий, противоречащую всем общепринятым в то время представлениям о древности.

Морозов обосновывал тесную связь геолого-географических и социальных явлений, отражённую в древних документах, мифах и легендах. Он исследовал совместимость геолого-географической и астрономической обстановки с условиями предполагаемых исторических событий, использовал данные динамической геологии для проверки сложившейся хронологии. Опираясь на географо-геологические соображения (наличие полезных ископаемых, характер береговой линии) Морозов оспорил существование процветающих древних городов – Тира, Спарты, Афин и Рима, господствующих в Средиземном море. Он заметил, что памятники древности после их обнаружения учёными стали быстро разрушаться, хотя до первого научного описания их руины будто бы существовали в неизменном виде уже несколько тысячелетий. От древних городов Палестины – Иерусалима, Тира и Сидона ничего не осталось, при том, что там сохраняются мегалитические памятники.

Морозов высчитал возраст Карнакских колоссов, исходя из современной скорости отложений нильского ила (1 дм за 20 лет). Поскольку в 1862 году погружение составляло 72 дм, по Морозову, возраст их около 1500 лет, а не 3500–4000 лет, как до сих пор было принято считать. Заметим, что геологическая наука полагает,

что скорость геологических процессов неизменна последние три тысячи лет¹.

Переосмыслению традиционной истории способствовали два научных наблюдения Морозова. Во-первых, он заметил, что в библейских текстах и других памятниках допечатного периода используемые образы могут нести конкретный астрономический смысл². Во-вторых, при анализе истории алхимии и химии он обнаружил легендарность многих древних деятелей «герметического искусства» (Гермеса Трисмегиста, Демокрита, Зосимы из Панополиса). Опираясь на исследование истории химии П.Э.М. Бертло, Морозов утверждал, что достоверными историческими документами в этой области могут считаться только трактаты не ранее XIII века н.э. *«Никаких таких манускриптов совсем нигде не существует. Всё, что мы знаем о сочинениях древних*

¹ *Серебровская К.Б.* Представления Н.А. Морозова о происхождении жизни // Николай Александрович Морозов учёный-энциклопедист, – М.: Наука, 1982, с. 127.

² В «Откровении в грозе и буре» Морозов объясняет апокалиптические видения Иоанна Богослова конкретными астрономическими событиями 30 сентября 395 года н.э. Он заключает, что «Апокалипсис» написан Отцом Церкви Иоанном Златоустом в конце IV века. Христос для Морозова – реальная личность того времени, попавший в различные сочинения под разными именами (одно из них – Василий Великий). Евангельский сюжет является ключевым для европейской истории, и хронологическое перенесение его приводит к изменению расстановки исторических событий. В работе «Христос» Морозов усомнился в том, что из захолустной Палестины могли прийти идеи, увлёкшие огромные людские массы. Он заключает, что евангельская история произошла в центре тогдашней цивилизации – в Помпеях, где у подножия Везувия возникло арианское единобожие (иудейство), регламентированное Иудой Великим. Время распространения евангельского христианства, по Морозову, с VIII по IX век н.э.

авторов, почти целиком берется современными историками из сборников XV, XVI и XVII веков, т.е. от лиц, живших через целую тысячу лет после смерти цитируемых ими писателей, от лиц, в высшей степени легковерных... Здесь нужно специальное международное общество разработки исторических первоисточников древней истории, которое, пользуясь широким материальным содействием цивилизованных государств, задалось бы гигантской целью сфотографировать на цинковые клише и кроме того перевести на один из общедоступных европейских языков с научными комментариями специалистов всё, что дошло до нас в рукописях, написанных ранее XVI века. Изданные таким образом и разосланные во все крупные государственные и университетские библиотеки, такие документальные издания сделали бы древнюю историю до некоторой степени наблюдательной наукой и дали бы возможность каждому, разрабатывающему какие-либо вопросы древности, иметь под своими ногами прочную точку опоры и лично проверять справедливость выводов, сделанных его предшественниками»¹. Морозов предлагал изучить историю самой исторической науки, чтобы понять, как она создавалась и почему возникли те искажения, которые он обнаружил.

Историология, – по определению Н.А. Морозова, – это история истории. Она должна изучать преемственность и развитие исторической науки, основываясь на психологических и эволюционных законах. История как наука может возникать лишь у зрелого общества, уже прошедшего стадии детства и юности. Этот процесс подобен развитию отдельного человека. Подростка обычно не интересует то, что с ним было прежде – он погружён в настоящее и нацелен на бу-

¹ Морозов Н.А. В поисках философского камня// Великое дело, – Киев: Новый Акрополь, ООТ «Бронт-ЛТД», 1995, с. 147.

дущее. Но зрелый человек анализирует прожитое, чтобы сделать продуктивные выводы.

Первыми должны были появиться династические летописи, как политические истории, заказанные царями. По мнению Морозова, это случилось не ранее IV века н.э. В V–VII веках появляются исторические монографии, *«которые по преемственности своей художественной эволюции развились в исторический роман, а по научной преемственности в разные национальные истории, в роде английской – Маколея, или русской – Карамзина, и, наконец, во всеобщие истории, как у Шлоссера в XIX веке»*¹. Исходя из эволюционной преемственности и развития психики человека с каждым поколением, Морозов относит сочинения Геродота и Фукидида по сложности их языка, конструкции и жанру в начало книгопечатного периода эпохи Возрождения. Ренессанс был подготовлен экономическим и культурным развитием Европы. Его интеллектуальные и технические достижения вполне объяснимы предыдущими периодами, в отличие от ничем не подготовленных достижений Античного мира. Первые произведения античных авторов были «открыты» именно в эпоху Возрождения на заре эры книгопечатания. Причины этого удивительного обстоятельства Морозов усматривает в следующем: молодые авторы из-за дороговизны книжного производства не могли опубликовать свои работы, и по рекомендации издателей выпускали их под именем уже прославленного древнего лица. В предисловии обычно сообщалась история находки: *«рукопись обыкновенно оказывается найденной у безграмотных монахов и в каком-нибудь отдаленном монастыре, принадлежит такой-то знаменитости, и вот книга*

¹ Морозов Н.А. Христос, т. IV. Во мгле минувшего при свете звёзд, – М.: Крафт+Леан, 1998, с. 478.

выходит в свет и быстро раскупается. А если и появляются обличители, лично знавшие автора и его работу, то после громкого успеха книги, они скоро принуждены бывают умолкнуть как клеветники»¹. В этом главная причина появления в начале книгопечатного периода большого количества апокрифов, т.е. приписываемых древним авторам произведений нового времени.

Морозов также заметил, что в древности, будто бы, нарушаются все закономерности развития обществ нового времени. При этом, не подчиняясь естественным материально-экономическим законам, события прошлого хорошо соответствуют правилам драматического литературного жанра. Неправильные представления о прошлой жизни людей оказались зафиксированными в летописях и исторических произведениях.

С другой стороны – где и как могли сохраниться древние рукописи исторических источников? Как выяснить их истинный возраст? Как определить древность описываемых в них событий? Согласно теории Морозова, содержание рукописей сохранилось только в печатных вариантах, а они сами были уничтожены при подготовке к печатному набору. Оставшиеся рукописные тексты являются не прототипами печатных книг, а копиями дорогих печатных изданий, изготовленными коллекционерами и любителями чтения для личного пользования. По прошествию времени ветхий вид таких рукописей стал аргументом их древности, чему способствовало и удешевление производства книг. В итоге Морозов формулирует эмпирический закон историографии: *«Всякое значительное литера-*

¹ Морозов Н.А. Христос, т. IV. Во мгле минувшего при свете звёзд, – М.: Крафт+Леан, 1998, с. 480.

турное и научное произведение написано незадолго до своего обнаружения».

Н.А. Морозов высказал ряд принципиальных положений своей теории, из которых можно выделить следующее. Законы эволюционного развития общества действуют и в новой, и в древней истории. В эволюции человечества существует непрерывная преемственность культуры. Благодаря такой преемственности общий уровень культуры народов не понижается, если не ухудшаются географические условия региона, но, возможно, перемещается инициатива дальнейшего прогресса. Всякая цивилизация распространяется из богато одарённых природою областей в менее одарённые.

Морозов также указал три основных фактора эволюции государства: психическая эволюция человеческого организма, проявляющаяся в усовершенствовании его мозга и в увеличении его знаний; экономическая эволюция, определяемая развитием техники; гражданская эволюция, выражающаяся в объединении народов через нормирование правительствами их гражданственности. При этом ключевая роль принадлежит психической эволюции. В истории человечества нет разрывов, смен упадков и возрождений. Ложное понимание хода исторического развития произошло из-за отсутствия общей хронологии, а также согласованной исторической и географической номенклатуры на начальном этапе исторической науки, приведшего к описанию одних и тех же событий в разных непохожих вариантах. Позднее при сведении разных хроник в общую историю, эти различные варианты описаний были приняты за самостоятельные истории разных мест и событий в различные времена.

Целью исторического проекта Морозова было согласование исторической науки с современным естествознанием. Задача требовала не разыскания новых исторических фактов, а новой систематизации и освещения всего известного ранее. Историология Н.А. Морозова и Новая хронология А.Т. Фоменко – последовательные этапы новой исследовательской программы, оспаривающей выводы и методы доминирующей в настоящее время версии исторической науки, называемой «традиционной». Несмотря на кажущееся многообразие уважаемых исторических теорий, все они опираются на хронологический каркас, заложенный Иосифом Юстусом Скалигером¹ (1540–1609). Поэтому традиционная история и лежащая в её основе хронология именуются «скалигеровскими». Это название является условным, поскольку первоначальная схема И. Скалигера подвергалась несущественным до-

¹ Французский филолог, сын гуманиста Юлия Цезаря Скалигера (1484–1558), кальвинист с 1562 года. В «Исправлении хронологии» (1583) и «Сокровищнице времен» (1606) заложил общепринятую хронологию мировой истории, синхронизировав хаотичные хронологические сведения средневековых хроник (Евсевия, Юлия Африканского, Иеронима, Идация и др.), исправив их посредством созданного им метода «дивинаторной критики», – медитативного озарения, восполняющего недостаток данных. Первым привлёк в историческую науку археологические сведения о нумизматике и эпиграфике. Для упрощения хронологических вычислений изобрёл «юлианские дни», датирующие события от условной даты полудня 1 января 4713 г. до н.э. по современному стилю. При этом Сотворение Мира он отнёс на 25 октября 3950 г. до н.э. Занимался также и геометрией – во «Вторых началах измерения круга» (1594) дал ложную квадратуру круга. В конце жизни занимал кафедру истории и права Лейденского университета Нидерландов. Завещал университету свою библиотеку. В 2000 году при Лейденском университете был создан Скалигеровский институт.

полнениям и правке. Скалигер имел много открытых сторонников среди протестантских математиков и астрономов. Его почитали Сет Кальвиц¹ (1556–1615), Иоганн Кеплер² (1571–1630) и Джеймс Ашшер³ (1581–1656).

Католические учёные поначалу ожесточённо возражали Скалигеру, и даже готовили учёных для его опровержения, но вскоре приспособили его теорию для своих нужд. Продолжателями скалигеровской хронологии стали Дионисий Петавиус⁴ (1593–1652) и Джованни-Батиста Риччиоли⁵ (1598–1671).

¹ Немецкий астроном и музыкант, противник гелиоцентризма. Его «Хронологический труд, подкреплённый авторитетом Священного Писания и движением небесных светил» (1605) высоко ценил Скалигер, но критиковал Кеплер. Рассчитал более 300 исторических констелляций, лёгших в основу скалигеровской хронологии.

² В неоконченном мюнхенском издании сочинений Кеплера, начатом в 1938 году, Скалигер упоминается в пятом хронологическом томе (*Chronologische Schriften*, 1953) и в переписке с учёными (тт. 13–18). Кеплеру принадлежат слова: «*Scaliger me seduxit*» (Скалигер сбил меня с пути).

³ Глава англиканской церкви Ирландии, богослов и хронолог. Вычислил точные, до часа, даты всех событий Библейской истории. В частности, определил Сотворение Мира на 6 часов вечера 22 октября 4004 г. до н.э.

⁴ Французский учёный-иезуит, богослов. Дополнил Иосифа Скалигера в сочинениях «Учение о времени» (1627), «Счёт времени» (1633) и «Пробный камень хронологии» (1635). Автор счёта лет от Рождества Христова. Он предложил для ранних событий идею обратного отсчёта – предыдущий Рождеству Христову год становится 1 годом до РХ.

⁵ Итальянский учёный-иезуит, астроном. Написал ряд книг против идеи движения Земли. В «Новом Альмагесте» (1651) предложил систему Мира, близкую модели Тихо Браге. Опубликовал «Исправленную хронологию с надёжными выводами, содержащую учение о времени» (1669).

Обнаруженные закономерности традиционной истории древности указывают на каббалистические и астрологические основания датировок легендарных событий. Лежащая в её основе хронология изначально была привязана к Библии. В современном изложении древней истории библейским легендам не отводится значительного места, но они там присутствуют неявно. Так, начало цивилизации связано с Всемирным Потопом, а евангельский сюжет пропитывает собою европейскую культуру.

Библейское происхождение имеет средневековая идея упадков и возрождений. Она опирается на Книгу пророчеств Даниила, где описана циклическая смена царств. В современную историческую науку её вернул Джамбаттиста Вико¹ (1668–1744). Та же идея воскресалась Освальдом Шпенглером² (1880–1936) и Самюэлем Хантингтоном³ (1927–2008). Живучесть подобных представлений обусловлена скалигеровским хронологическим каркасом традиционной истории. Но ещё

¹ Итальянский историк и философ. Опубликовал трактат «Основания новой науки об общей природе наций, благодаря которым обнаруживаются такие новые основания естественного права народов» (1725), в 4–5 книгах которого высказал идею общего жизненного пути всех народов. Возродил средневековую теорию вечного круговорота одних и тех же явлений в мировой истории. Философско-историческая концепция Вико сочетает историзм со стихийной диалектикой, за что была одобрена К. Марксом, считавшего его идейным предшественником Ф.А. Вольфа и Б.Г. Нибура. Вико признан основоположником цивилизационного подхода.

² Немецкий философ, автор «Заката Европы» (1918–1922), где доказывает разделённость культур и их естественное угасание.

³ Американский политолог, автор «Столкновения цивилизаций» (1993), в которой преподносит мировую историю как борьбу несочетаемых и враждебных культур.

Жан Боден¹ (1530–1596) отрицал эти идеи, критикуя астрологические методы современников.

Традиционная история, помимо теории «смены царств», принесла из Средневековья эсхатологические настроения. Цивилизованной жизни человечества отведено примерно 7 тысячелетий, которые уже истекли. Как и 500 лет назад европейско-американская культура живёт в ожидании губельного кризиса или «конца истории», по Френсису Фукуяме² (р. 1952).

Можно выделить другие неявные научные положения, унаследованные от Скалигера: отсутствие в историческом развитии преемственности, накопления научно-технических знаний и прогресса; хаотичность истории, которая более подчиняется правилам драматического искусства и произволу личностей, чем закономерности и логике; историк должен обладать особым чутьём «духа эпохи» и безошибочно разбираться в артефактах без помощи второстепенных «вспомо-

¹ Французский гуманист, историк и юрист. В «Шести книгах о республике» (1576) разработал теорию суверенитета. Написал пособие для инквизиции «Демономания колдунов» (1580). В «Методe лёгкого познания истории» (1566) оспорил теорию «смены царств», порицал реконструкции древних латинских и греческих источников, отрицал достоверность астрологических методов в исторической науке. Взамен предложил нумерологическую теорию исторического процесса и «теорию климатов». «Метод» был популярен и переиздаваем до 1650 года, но после торжества скалигеровской парадигмы был надолго забыт. Первый французский перевод издан в 1941 году, русский – в 2000 году. Книга свидетельствует об ошибочности традиционных исторических представлений и пренебрегаема историками господствующей доктрины.

² Американский идеолог, политолог и экономист, ученик С. Хантингтона. В «Конце истории и последнем человеке» (1992) объявил о завершении человеческой истории, поскольку она после победы либеральной демократии потеряла свой смысл.

гательных дисциплин»; сведения о древности способны передаваться без материальных условий для такой передачи, так, рукописи тысячелетиями без ущерба могут сохраняться в заброшенных кладовках, монеты – в земле, памятники – под открытым небом. Очень часто можно услышать заявление профессионалов о том, что мнения историков в целом адекватно соответствуют реальной исторической картине прошлого. Это конвенция непоколебима уроками времени.

Нужно учитывать, что пересмотр хронологии является следствием воплощения определённых исследовательских принципов научной программы Н.А. Морозова. Значительное хронологическое разногласие исторических реконструкций Скалигера и Морозова – наиболее заметный результат отличия их программ.

Философские основы научно-исследовательской программы Н.А. Морозова (и А.Т. Фоменко) порождены позитивизмом и созвучны идеям исторического конструктивизма. Концептуально зрелые историки в философско-методологическом плане могут быть ориентированы на неокантианство, марксизм либо позитивизм. Их позиция в отношении возможности исторической реконструкции может лежать в широком спектре – от исторического скептицизма до наивного реализма. Что накладывает отпечаток на манеру работы, выбор методов исследования и критерии оценки результатов. Есть несомненные различия в практике исторического исследования позитивиста, неокантианца или марксиста, но вместе с тем принимаемая ими глобальная периодизация истории в итоге выступает теоретическим каркасом, присоединяющим их к исследовательской программе. А.И. Ракитов заметил, что «с эпистемологической точки зрения историческая периодизация,

хотя и в неявном виде, выполняет функции теоретического знания. Она, по существу, задаёт определённую классификацию и типологию, особым образом систематизирует материал, фиксирует внимание на тех сторонах, которые при ином подходе могли бы остаться незамеченными»¹.

Развитие исследовательской программы в области исторической науки, которую мы условно называем традиционной, совершалось усилиями многих учёных, формировавших исследовательские и методологические установки историков. Созидание её происходило «естественным» образом, стихийно – большинство авторов исторических трактатов, исследователей мало задумывались над принципами своей науки и её методами. Но мировоззренческая база их работы определялась философскими идеями, к которым они тяготели. Так, в рамках исторических исследовательских программ существенные отличия задаются циклизмом и прогрессизмом, историзмом и антиисторицизмом, натурализмом и культурцентризмом². В мировоззрении конкретного историка установки из полярных пар могут сочетаться почти произвольно (историзм с прогрессизмом, циклизм с историзмом и натурализмом, и т.п.). Реализуя выбранные подходы, историки традиционного направления не покидают границы созданной до них картины истории цивилизации во временном и пространственном измерении. Скалигеровский хронологический каркас этой исследовательской программы врос в её жёсткое ядро.

¹ *Ракитов А.И.* Историческое познание: системно-гносеологический подход, – М.: Политиздат, 1982, с. 142.

² *Социальные знания и социальные изменения*, – М.: Изд-во ИФРАН, 2001, с. 132–150.

При описании механизма взаимодействия и развития исследовательских программ Имре Лакатос отметил, что «некоторые из самых значительных исследовательских программ в истории науки были привиты к предшествующим программам, с которыми находились в противоречии... Когда же росток привитой программы войдёт в силу, приходит конец мирному сосуществованию, симбиоз сменяется конкуренцией, и сторонники новой программы пытаются совершенно вытеснить старую»¹. И мы знаем, что в начале своего исследования истории Н.А. Морозов не проектировал принципиально новую исследовательскую программу, развивая на новом уровне подход, намеченный Генри Томасом Боклем² (1821–1862). Лишь встретив ожесточённый отпор своим работам³, в которых историки разглядели безнравственное покушение на религиозные догматы, Н.А. Морозов расширил исследование

¹ Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ/ Методология исследовательских программ, – М.: АСТ, 2003, с. 91–92.

² Английский историк, социолог и философ-позитивист. Задумал, но не исполнил написание полной истории человечества. Кроме ряда коротких работ, опубликовал два тома «Истории цивилизации в Англии» (1858–1861), переведённых на множество языков. Книга вызвала резкую критику – автора обвиняли в атеизме и безнравственности. Третий том вышел посмертно (1866). Бокль развивал идею закономерности исторического развития, к главным факторам истории относил умственный и географо-климатический. Прогресс цивилизации связывал с расширением гражданских свобод. Он использовал социологические, политэкономические методы и был популярен в демократических кругах России XIX века.

³ «Откровение в грозе и буре. История возникновения Апокалипсиса», – СПб: Изд-во журнала «Былое», 1907, 304 с.; М.: Изд-во В.М. Саблина, 1907, 322 с.; «Пророки: История возникновения библейских пророчеств, их литературное изложение и характеристика», – М.: Типография Товарищества И.Д. Сытина, 1914, 310 с.

методами естественных наук. В 1924 году он обнаружил свою версию реконструкции мировой истории¹, вскоре разросшуюся до многотомного исследования². Но с середины 1930-х годов Н.А. Морозов уже не обращался к проблемам хронологии, поскольку труды его по этому вопросу перестали публиковать, а в прессе обвиняли в пропаганде религии. В советской исторической науке тогда победило мнение о мифичности Христа, чему противоречили выводы о его историчности. Уход от разработанной темы Н.А. Морозов принял, заявив: *«Мой товар от времени не портится. Придёт время – мой труд выйдет в полном объёме».*

Рассмотрим структуру научно-исследовательской программы³ Н.А. Морозова в области истории.

¹ Христос, т. I. Небесные вехи земной истории человечества, – Л.: ГИЗ, 1924, 543 с.

² Тираж последнего прижизненно опубликованного тома «Христос, т. VII. Великая Ромея. Первый светоч средневековой культуры» (М., Л.: Соцэкгиз, 1932, 920 с.) попал в спецхран. Но в архиве Н.А. Морозова сохранились черновики ещё трёх полноценных томов (изданных в 2000–2003 годах) и пока необработанные фрагменты XI и XII томов.

³ Опишем структуру научно-исследовательской программы, по Лакатосу. Её «жёсткое ядро» содержит несколько бесспорных внутренних положений. Для защиты ядра выстраиваются сменяющие и уточняющие друг друга теории – «защитный пояс» программы. Так, Лакатос принимал за «жёсткое ядро» программы И. Ньютона его три закона механики и закон тяготения. Защитный пояс был создан Ньютоном при уточнении теории и приложении её к изучению Солнечной системы. Рассматривая Солнце и выделенную планету как тяготеющие точечные массы, из закона обратных квадратов он получил кеплеровский эллипс (эллиптичность орбиты сам Ньютон называл «законом Коперника»). Затем Ньютон стал рассматривать Солнце и планеты как массивные шаровые тела, изучая их собственное вращение и взаимодействие между собою.

Базовые положения (ядро) Историологии как исследовательской программы: универсальность исторических законов эволюционного развития общества; непрерывная преемственность человеческой культуры; накопление общего уровня культуры народов при сохранении природных условий региона, но при этом возможно перемещение центра дальнейшего прогресса; распространение цивилизации из богато одарённых природою областей в менее одарённые. Сюда же можно отнести открытый Н.А. Морозовым закон историографии: всякий значительный литературный памятник создан незадолго до его широкого опубликования.

Защитный пояс Историологии: гипотеза о трёх основных факторах эволюции государства. К ним Н.А. Морозов относил психическую эволюцию человеческого организма, проявляющуюся в усовершенствовании мозга и в увеличении знаний, экономическую эволюцию, заданную развитием техники, и гражданскую эволюцию, выражающуюся в объединении народов через нормирование их гражданственности. Историология изначально была нацелена на переосмысление и новое освещение известных исторических фактов. Поиск новых исторических деталей становится актуальной при научно безупречном восстановлении общей картины прошлых событий. Благодаря существенному сокращению хронологии мировой истории, задача согласования исторических данных, традиционно считаемых малосвязанными, приобретает особую значимость. Историческая реконструкция сочетает множество привлечённых и разработанных Н.А. Морозовым методов. К таковым он сам относил – астрономический, геофизический, лингвистический, матери-

ально-культурный, психологический, статистический и этнопсихологический методы. Цивилизационная история человечества по Н.А. Морозову начинается с «Великого переселения народов» IV–V веков нашей эры, состоящее в переселении небольшого числа людей – в основном интеллектуальной элиты древнего общества, что вызвало образование теократических государств. Следующим переломом истории человечества стали крестовые походы XI–XII веков, распространившие цивилизацию в Ойкумену. Третий значительный период социальных революций протекает с конца XVIII века до середины XX века.

Эволюцию исследовательской программы¹ историологии можно видеть в работах самого Н.А. Морозова и его продолжателей – М.М. Постникова, А.Т. Фоменко и других. Развитие историологической программы начал профессор мехмата МГУ М.М. Постников, который статьями и лекциями привлёк к ней внимание московских математиков.

ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ ИСТОРИОЛОГИИ М.М. ПОСТНИКОВЫМ

Советский математик Михаил Михайлович Постников (1927–2004) был учеником академика Льва Се-

¹ При прогрессивном развитии исследовательской программы теории её защитного пояса успешно согласовываются с имеющимися фактами и дают подтверждающиеся предсказания в областях нового применения. Напротив, регрессивное развитие программы отличается сосредоточением её теорий на уточнении своих главных определений, на переобъяснении старых фактов или отрицании новых.

мёновича Понтрягина (1908–1988), под руководством которого в 1949 году защитил кандидатскую диссертацию¹ по алгебраической топологии, усилив в ней результат самого Понтрягина. С того времени и до последних дней он работал в Отделе геометрии и топологии Математического института имени В.А. Стеклова. В работах 1949–1951 годов Постников выяснил, что гомотопные типы клеточных пространств зависят не только от гомотопических групп, но и от дискретных наборов «высших препятствий», называемых сейчас «системами Постникова». Гомотопическую классификацию он свёл к чисто алгебраической проблеме. Его работы способствовали развитию теории гомотопий и были признаны международным математическим сообществом. В 1953 году М.М. Постников защитил докторскую диссертацию². В 1957 году его удостоили премии Московского математического общества для молодых учёных. За цикл статей по теории гомотопий в 1961 году ему присудили Ленинскую премию. С 1954 по 1960 год М.М. Постников преподавал на кафедре Высшей алгебры мехмата МГУ, а в 1965 году стал профессором кафедры Высшей геометрии и топологии. На мехмате он создал научно-исследовательский семинар по алгебраической топологии, активно действующий и до сих пор. М.М. Постников написал 39 математических статей (последнюю из них – в 75-летнем возрасте), 17 математических книг и учебни-

¹ «Классификация отображений $(n+1)$ -мерного полиэдра в n -связное топологическое пространство», оппоненты – П.С. Александров, М.Ф. Бокштейн, В.А. Ролин.

² «Исследование по гомотопической теории непрерывных отображений», оппоненты – А.Г. Курош, П.С. Александров, М.Ф. Бокштейн.

ков, участвовал в переводе десяти зарубежных монографий и сборников работ по алгебраической топологии. Его историологическим наследием стал трёхтомник, в котором лаконично изложены и развиты некоторые идеи Н.А. Морозова. Предварительные записи к этой книге были выполнены А.С. Мищенко и А.Т. Фоменко. Она была закончена в 1978 году, но опубликована гораздо позднее¹.

М.М. Постников написал об истории своего интереса к работам Морозова. По его словам, примерно в 1965 году он приобрёл в букинисте семитомник «Христос» и прочёл эти книги с безмерным изумлением. Поначалу он не верил, что в традиционную историю могли закрасться столь значительные ошибки, как сообщал Морозов. Не найдя в рассуждениях Морозова логических ошибок, Постников решил обратиться за разъяснениями к профессиональным историкам, которые, вроде бы, в силу своих глубоких дисциплинарных знаний должны были легко разбираться в проблеме пятидесятилетней давности. Но захваченные врасплох товарищи с исторического отделения Академии наук нервно реагировали на все его вопросы, не представив вразумительных возражений. Некоторые не постеснялись наругать Ленинскому лауреату. Самый вежливый ответ дал Лев Николаевич Гумилёв (1912–1992), чья собственная историческая теория этногенеза в ортодоксальных гуманитарных кругах до сих пор считается маргинальной. Он лаконично предостерег всех будущих исследователей хронологии: «Мы, исто-

¹ Постников М.М. Критическое исследование хронологии древнего мира. В 3-х томах, – М.: Крафт+Леан, 2000, 448 + 400 + 400 с.

рики, не лезем в математику и просим вас, математиков, не лезть в историю!».

Надо заметить, что, будучи добросовестным профессионалом в своей дисциплине, М.М. Постников излишне доверял суждениям партнёров по научному цеху. Забегая вперёд, отметим, что простодушие в этом вопросе помешало Постникову создать собственную историческую концепцию. Вместо последовательной математической и историографической работы он напрасно ждал помощи историков по должности.

Ранее, даже встречая непонимание и критику коллег в силу объективной сложности понимания и восприятия новых топологических идей, он в целом видел доброжелательное отношение к себе и своей работе. В новых обстоятельствах он вполне ощутил от учёного истеблишмента тот холод пренебрежения и даже ненависти, ранее сопутствовавший Морозову в его научных открытиях. Может быть, подобные же чувства испытывал когда-то Николай Иванович Лобачевский, читая о себе очередной столичный пасквиль.

Самостоятельность в суждениях и публикация неортодоксальной книги по хронологии дорого обошлись памяти М.М. Постникова. На его кончину 27 мая 2004 года отозвался только информационный портал механико-математического факультета МГУ. Ни Московское Математическое Общество, членом которого М.М. Постников был более 50 лет¹, ни один из профессиональных журналов не опубликовали полагающегося ему некролога.

Но вернёмся к началу этой истории на сорок лет ранее. М.М. Постников считал, что науку должны раз-

¹ М.М. Постникова избрали членом ММО на заседании 11 апреля 1950 года (Заседания ММО// УМН, 5:4(38), 1950, с. 143).

вивать профильные специалисты, однако, если они не могут ответить на закономерные вопросы, то разбираться в науке приходится заинтересованным дилетантам: *«Моё чтение по истории обнаружило удивительный феномен – практически в каждом абзаце любого сочинения по истории античности пристрастный «морозовский» взгляд обнаруживает подгонку и логические скачки, совершенно незаметные «ортодоксальному» читателю. Это более всего убедило меня в справедливости Морозовской точки зрения»*¹.

М.М. Постников охотно делился с коллегами новыми представлениями об истории, но реакция их на открытия Н.А. Морозова была разной – негативной, равнодушной, удивлённой. Молодой сотрудник мехмата А.Т. Фоменко отнёсся к рассказам М.М. Постникова с интересом и попросил изложить теорию Н.Н. Морозова подробнее. Постников прочитал серию воскресных лекций об историологии в своей интерпретации, приглашая дюжину слушателей к себе домой. Лекции записывались на магнитофон, и на их основе в 1975 году Фоменко и Мищенко написали тысячестраничную рукопись, которую отдали лектору. Но Постников не согласился с представленным развитием морозовских идей. Поданный ему текст он переделал так, что с этим уже не согласились его соавторы. С этого времени Постников опять остался в одиночестве.

Вскоре А.Т. Фоменко и А.С. Мищенко организовали на мехмате МГУ специальный семинар по математическим методам хронологии, где разбирали и уточняли историологические выводы Н.А. Морозова. Но М.М. Постников в нём не участвовал. Судя по его позднейшим высказываниям, он не считал поиск но-

¹ *Постников М.М. Критическое исследование хронологии древнего мира. Античность. Т. I, – М.: Крафт+Леан, 2000, с. 6.*

вых методов необходимым. Всё, сделанное Морозовым, он принимал за вполне достаточное, а порою даже – за излишнее. И оно казалось таковым на уровне выводов Постникова. Ведь он не признавал реконструкционную часть историологии Морозова, довольствуясь частью критической (название его монографии сообщает об этом). Всю древнюю историю М.М. Постников считал плодом художественной фантазии гуманистов Возрождения. Чтобы прийти к подобному заключению, современные математические методы не нужны и даже мешают. Постников, по сути, отвергал статистические и астрономические закономерности скалигеровской истории, которые несовместны с допущением её хаотического характера и произвольного происхождения. Из этих закономерностей вытекает возможность новой исторической реконструкции – новой хронологии¹. Полнота и целостность реконструкции напрямую зависят от более глубокого использования естественнонаучных методов в исторической науке, что понял Морозов на начальном этапе своих

¹ Российский историк Н.М. Никольский (1877–1959) первым назвал «новой хронологией» покушения на общепринятую периодизацию истории в статье «Астрономический переворот в исторической науке. По поводу книги Н.А. Морозова «Христос»» (Новый Мир, № 1, 1925, с. 156–175). Ответ Морозова Никольскому опубликован в №4 того же года (с. 133–143). Обе статьи перепечатаны в 2000 году (*Морозов Н.А. Новый взгляд на историю Русского государства*, – М.: Крафт+Леан, 2000, с. 687–709). Вскоре происхождение термина было забыто. В 1980-х годах в России Новой Хронологией стали называть теорию академика А.Т. Фоменко и его соавтора Г.В. Носовского. В кругу англоязычных историков древности термин «new chronology» принят для альтернативной теории современного английского египтолога Д.М. Рола, сокращающей длительность древнеегипетской истории примерно на 300 лет (из конвенциональных 3-х тысяч).

исследований. И в этом смысле Новая Хронология Фоменко и Носовского стала последовательным воплощением морозовской научной программы. М.М. Постников избрал иной путь. В историологии он не переступил черту, отделяющую энтузиаста-любителя от скрупулёзного профессионала. А за этой границей, возможно, и начинается настоящая наука.

В 1978 году М.М. Постников самостоятельно переработал спорную рукопись и задепонировал её в ИНИОН¹. Из этого текста в 2000 году произошёл трёхтомник, упомянутый ранее.

М.М. Постников направил рукопись для обсуждения в историческое отделение Академии наук. Как отмечалось ранее, диалога с историками не вышло. Постников опубликовал несколько статей в научно-популярных журналах с изложением своих и морозовских взглядов на мировую историю, неизменно вызывавших интерес читателей. От профессиональных историков, наоборот, поступала резкая критика с идеологическим подтекстом. Ведь классики марксизма были воспитаны на скалигеровской хронологии. Поэтому выступления против традиционной периодизации древней истории можно было выдать за посягательства на основы исторического материализма и марксову теорию формаций. Любопытно, что вскоре рос-

¹ Институт научной информации по общественным наукам при Академии наук. Создан в 1969 году на основе Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР для информационно-библиотечного обслуживания. Был освобождён от цензуры Главлита. Выполнял депонирование работ по социальным и гуманитарным наукам (особая система безгонорарной публикации с сохранением авторских прав). Сейчас в электронной базе ИНИОН ссылки на рукопись М.М. Постникова отсутствуют.

сийские гуманитарии легко отреклись от истмата, марксизма и его методологии, сохранив при этом верность наследию Скалигера и Петавиуса. Неудивительно, что исчезновение советского бытия привело к попранию советских кумиров. Сложнее выявить онтологический фундамент преданности средневековой исторической концепции. Теперь хронологическая ревизия порицается отечественными историками либо как постмодернистский наскок на русскую культуру, либо как черносотенное отчуждение от прогресса.

Период конца 1970-х годов многими в СССР воспринимался как возврат к идеологической тирании и преследованию инакомыслия. Противники историологии из академических кругов сумели подключить административный ресурс. Так, неназванных исследователей глобальной хронологии одёрнул журнал «Коммунист», обвинив в помехах *«прогрессу мировой исторической науки»*¹. В условиях партийной монополии на истину это выглядело пугающим предупреждением.

Тогда, в силу непростого характера Постникова, его отношения с коллегами и учениками стали ухудшаться. Об историологии он забыл на многие годы, объясняя своё охлаждение так: *«В течение следующих 20 лет я больше ко всему этому не возвращался, поскольку для себя я всё понял, а дальнейшее развитие этой тематики я считал (и считаю) делом профессиональных историков, которые рано или поздно будут, безусловно, принуждены оставить чисто негативное отношение и содержательно во всём разобраться»*².

¹ Манфред А.З. Некоторые тенденции зарубежной историографии // Коммунист, 1977, №10, с. 106–114.

² Постников М.М. Критическое исследование хронологии древнего мира. Античность. Т. I, – М.: Крафт+Леан, 2000, с. 8–9.

По масштабу хронологических выводов М.М. Постников меньше, чем иные последователи историологии отошёл от изначальной концепции Н.А. Морозова. Трёхтомник «Критическое исследование хронологии древнего мира» является своеобразным изложением основных положений Н.А. Морозова с некоторыми уточнениями, учитывающими новые археологические данные. М.М. Постников попробовал модернизировать идеи Н.А. Морозова. Взгляд на «астральное» истолкование Библии, как ядро историологии, он считал устаревшим и считал, что основные утверждения Морозова могут быть обоснованы и обсуждаемы самостоятельно. В этом запечатлён факт безрелигиозности советского общества. Если для читателей Морозова Библия представляла собою нечто хорошо знакомое, то интеллигенции последней четверти XX века библейские истории уже были малоизвестны и неинтересны. У Постникова упоминание Библии начинается со второго тома. Он также считал астрономический метод Морозова не определяющим для его теории.

К важнейшим идеям историологии Постников относил идею апокрифирования древней литературы. В согласии с нею, вся «классическая» литература была создана в эпоху Возрождения, искажённо отражая события Средневековья. Атрибуция античных произведений опирается на ныне забытые авторитеты и объективно не подтверждается. Вся древняя история апокрифична. В общепринятом представлении о ней нарушены закономерности развития материальной, социальной и духовной культуры, состоящие в непрерывности эволюционного развития цивилизации. В работе с древней исторической реальностью историки отходят от собственных стандартов исторической ра-

боты, предполагающих кропотливую демонстрацию всей цепочки: «событие – фиксация в источнике – обнаружение источника – установление исторического факта – интерпретация исторического факта». Научное исследование в этом случае подменяется некритической апперцепцией¹: *«Когда историк сообщает нам, что «Юлий Цезарь был», он должен сообщить не только, кто первый об этом объявил, но также и информировать, где это было сказано, при каких обстоятельствах, на чём основано это заявление и где хранятся документы, на основании которых это заявление сделано. В противном случае обсуждение вопросов древней истории превращается в туманные рассуждения о «предании» и об «устной традиции», прикрывающие отсутствие всякой действительной информации. Надо сказать, что историки, вообще говоря, всё это хорошо понимают и, как правило, требуют выполнения этих условий. Исключением является древняя история, в которой целый ряд положений принимается без обсуждения как истины, не требующие доказательств»².*

М.М. Постников отмечает неправдоподобие истории Античности и при этом её потрясающую подробность. Так, описания исторических битв не считаются с требованиями стратегии, выбирая такие неудобные позиции и условия, которые не могут способствовать победе. Историкам известны все дела и мнения древних героев по малейшим поводам. И это при тоталь-

¹ Психологический термин, заимствованный Н.А. Морозовым у российского лингвиста и философа Александра Афанасьевича Потебни (1835–1891), обозначающий подсознательно видоизменённое впечатление. Влияние апперцепций на исторические представления изложены в книге «Христос, т. III. Бог и слово», – М.: Крафт+Леан, 1998, с. 296–303.

² Постников М.М. Критическое исследование хронологии древнего мира. Античность. Т. I, – М.: Крафт+Леан, 2000, с. 408–409.

ном отсутствии древних источников, и том, что хорошо документированные события 200–300 летней давности знакомы историкам гораздо хуже. В традиционной исторической парадигме последний феномен принято объяснять скрупулёзным копированием древних текстов в средневековых монастырях людьми, плохо понимающими язык, смысл и ценность попавших им в руки памятников.

В новых условиях М.М. Постников вслед за Н.А. Морозовым анализирует методологию исторических наук. Указав доминирующее значение письменных свидетельств, он спрашивает об их надёжности, а также внешней и внутренней их критике. Неизбежна и неустранима субъективность специалиста, от чьей эрудиции зависит выносимое экспертное заключение. Постников указывает, что важные вопросы внешней критики, такие как происхождение и датировка текстов, не имеют в отношении источников древности убедительного ответа. При этом внутренний анализ документа по его содержанию, направленный на обнаружение указаний об авторе, времени и месте написания, разбор почерка и грамматики текста не являются достаточным основанием для достоверных заключений. М.М. Постников отмечает непоследовательность рассуждений о возможностях внешней критики источников: *«... Ланглуа и Сеньобос хорошо осознают односторонний характер внешней критики: «Критика происхождения, равно как и критика исправления документов, имеет подготовительный характер и результаты её отрицательные. В конце анализа она приводит лишь к устранению из документов негодных и вводящих в заблуждение экземпляров и только». ... Однако это не мешает им на той же странице превозносить*

критику источников за «окончательное и вполне достоверное» установление надёжности многих документов»¹.

Было отмечено ранее, что важнейшим положением историологии является идея о непрерывности культурной эволюции. М.М. Постников отмечает, что эта идея не отрицает революционных социальных изменений: *«Человеческая культура никогда не прерывалась и не возникала через несколько столетий, как птица Феникс из пепла. Лишь гегемония её преемственно переходила из страны в страну, следуя развитию производительных сил и производственных отношений. Вся культура никогда не гибла; гибли только отдельные центры в результате локальных социально-экономических катастроф (землетрясений, эпидемий, неурожая, нашествий врагов)»².*

Исходя из этого, возможна иная интерпретация древних событий. Например, если в традиционной истории примитивные географические познания Козьмы Индикоплова считают испорченными к VI веку обрывками выдающейся античной науки, то в историологии Морозова – это первая ступень географии. В целом, Средневековье – это не эпоха деградации культуры, а её начального постепенного развития.

М.М. Постников добавил в историологию критический анализ физических методов датировки, изобретённых во второй половине XX века. Он считал, что археология не способна ни подтвердить, ни опровергнуть традиционную историческую схему. Ведь артефакты, в конечном счёте, датированы в согласии с письменными источниками. А те, в свою очередь, датированы произвольно, что порождает порочный круг,

¹ Постников М.М. Критическое исследование хронологии древнего мира. Античность. Т. I, – М.: Крафт+Леан, 2000, с. 419.

² Постников М.М. там же, с. 425.

призванный оправдать произвол научными ухищрениями. Неудовлетворительность радиоуглеродного метода Постников связывал с его возможной погрешностью до 1000–1500 лет на сравнимом историческом промежутке. Это происходит, в частности, из-за переменного содержания изотопов углерода в атмосфере и их химической неэквивалентности при органических реакциях в природе¹. Другие физические методы (оценка деформации колон и усадки зданий, наносов ила, археомагнитная и термолюминесцентная датировки керамики) слабо разработаны и подвержены неучитываемым переменным факторам. Дендрохронологический метод из-за специфичности климатических условий в различных регионах, а также по причине отсутствия деревьев-долгожителей на территории Европы, имеет ограниченные возможности применения. Археологические методы без опоры на письменные памятники в лучшем случае дают лишь относительные даты: *«Единственное, что пока могут дать археологические методы, это установление относительной последовательности слоёв и культур. Между этими результатами и абсолютным возрастом этих слоёв – целая пропасть, которая до сих пор заполнялась исходя из традиционной сетки <хронологии>»*².

Герменевтический метод ограничен априорными установками исследователя об эпохе создания документа, налагая отпечаток на его интерпретацию: *«чтение документа есть функция понимания этого документа»*. В итоге, большинство древних докумен-

¹ Постников М.М. Критическое исследование хронологии древнего мира. Античность. Т. I, – М.: Крафт+Леан, 2000, с. 311–318.

² Постников М.М. там же, с. 433.

тов описывают не ту эпоху, которая искусственно привязана к ним.

Каковы последствия принятия историологических положений для исследовательской работы? Во-первых, при любой исторической реконструкции следует отделять надёжно известное от домыслов и догадок. Во-вторых, описание древних событий не может быть сколь угодно подробным. Любые уточнения исторических схем вне имеющихся фактов приводят к фантазированию. Историологическую реконструкцию событий древности М.М. Постников считал более удачной. Она имеет меньше «натяжек, допущений и объяснений», чем традиционная версия, но результат Н.А. Морозова нуждается в развитии. В-третьих, необходима полная ревизия традиционной хронологии, поскольку вопрос о её справедливости не ставился много столетий. Историки лишь согласовывали изучаемые события со скалигеровской исторической шкалой, связанной с библейскими мифами. Переосмысление оснований хронологии и принципов её построения приведёт к изменению истории культуры, науки и техники. Гуманитарные дисциплины, в силу своей культурно-ориентированной специфики, не могут быть упорядочены вне достоверной глобальной хронологии.

**ОТЗЫВ Г.Е. ШИЛОВА
НА ЛЕКЦИЮ М.М. ПОСТНИКОВА**

При исследовании методологических установок российского математического сообщества в июне 2011 года мы познакомились с материалами из личного фонда профессора Георгия Евгеньевича Шилова, пе-

реданными его вдовой Софьей Владимировной в Центральный Московский архив-музей личных собраний (ЦМАМАС). Тщательно собранные документы отражают судьбу и личность талантливого советского математика, его взаимоотношения с научным окружением, а также воззрения его на общекультурные темы. Г.Е. Шилов интересен характерными для своего времени взглядами на историю науки. Он – один из немногих учёных советского периода, оставивших свои суждения об историологии Н.А. Морозова. Ниже мы публикуем и комментируем малоизвестную рецензию Г.Е. Шилова на хронологическую лекцию М.М. Постникова. Но прежде обрисуем научную биографию Г.Е. Шилова и содержание его архива.

Георгий Евгеньевич Шилов родился 3 февраля 1917 года в городе Иваново-Вознесенске. В то время его отец, – Евгений Алексеевич Шилов, – был студентом МГУ, впоследствии он стал профессором органической химии, действительным членом и членом Президиума АН УССР. Мать Георгия Евгеньевича, – Анна Александровна Фролова, – состояла в партии большевиков с 1907 года, в 1911–12 годах была сослана в Вологодскую губернию, позднее участвовала в Гражданской войне политработником Южного фронта. После победы революции она заведовала парткабинетом Московского Комитета ВКП(б) и работала доцентом в Институте Маркса-Энгельса при ЦК ВКП(б). Своего отца Г.Е. Шилов не знал, так как мать разошлась с ним приблизительно в 1919 году, и 1921–30 годы была замужем за Георгием Густавовичем Боссе, учёным-ботаником, впоследствии профессором, работавшем в Управлении заповедников при Совете Министров СССР. До смерти матери в 1937 году Г.Е. Шилов носил

имя Юрия Георгиевича Боссе, но, найдя в документах матери своё свидетельство о рождении, он вернул себе имя, под которым он остался в истории советской математики. Эпизод смены имени отразился на его биографии во время работы в Киевском государственном университете имени Т.Г. Шевченко в 1950–54 годах. Некоторые коллеги по факультету писали на него доносы в «компетентные органы», обвиняя в «космополитизме».

Г.Е. Шилов окончил сначала школу-семилетку, затем – химический техникум и в 1938 году с отличием – мех-мат МГУ, после чего учился в аспирантуре у И.М. Гельфанда, получал Сталинскую стипендию и защитил кандидатскую диссертацию «О регулярных нормированных кольцах» (1941). С начала войны по январь 1946 года он служил артиллеристом в Советской Армии, имел много медалей, а в 1944 году получил орден Красной Звезды за усовершенствование прибора управления огнём. С февраля 1946 года Г.Е. Шилов работал в МГУ на кафедре математической физики. В 1950 году он защитил докторскую диссертацию «Кольца типа С» и уехал в Киев, где до 1954 года возглавлял кафедру математического анализа мех-мата КГУ. Потом он вернулся на мех-мат МГУ и до своей скоропостижной смерти от сердечного приступа 17 января 1975 года работал профессором на кафедре теории функций и функционального анализа.

Г.Е. Шилов был всемирно признанным специалистом по теории функций, функциональному анализу, обобщённым функциям и коммутативным банаховым алгебрам. Его первая математическая публикация вышла в 1937 году, всего же он опубликовал 117 работ и написал около 20 книг. Шилов организовал на мех-

мате МГУ продуктивный научно-методологический семинар, через который прошли многие специалисты по функциональному анализу не только Советского Союза, но и некоторых социалистических стран.

Г.Е. Шилов был увлекающимся человеком с многосторонними интересами за пределами математики. Он страстно любил классическую музыку, сам прекрасно играл на рояле, пел оперные арии, собирал музыкальные записи. С 1950-х годов он стал интересоваться проблемами философии науки и философии искусства. Шилов состоял в переписке с недогматичным философом–марксистом Эвальдом Васильевичем Ильенковым, дискутируя с ним о роли науки в обществе.

В его архиве хранятся: отзыв на проект второго издания книги Б.В. Гнеденко «Очерки истории математики в России» 1952 года; отзыв на статью А.Н. Колмогорова «Математика» для БСЭ 1954 года; отзыв на «Очерки по истории математики» Н. Бурбаки 1963 года; методологические замечания к переводу «Оснований современного анализа» Ж. Дьедонне 1964 года; написанный под псевдонимом Георгий Кацивели трактат «Математика и действительность» 1973 года¹.

Философские представления Г.Е. Шилова о науке эволюционировали от диалектического материализма к формализму Бурбаки. Он разрабатывал собственную концепцию истории развития науки, как пути от метафизики через диалектику к этапу формализации теорий. Шилов негласно полемизировал с Колмогоровым, давшим классическое для марксистской парадигмы определение математики и её истории, по Энгельсу: *«Поворотным пунктом в математике была Декартова*

¹ Опубликован в «Историко–математических исследованиях, выпуск XX», – М.: Наука, 1975, с. 11–27.

*переменная величина. Благодаря этому в математику вошли движение и диалектика, и благодаря этому же стало немедленно необходимым дифференциальное и интегральное исчисление...»*¹. Колмогоров в своей статье «Математика» для 2-го издания Большой Советской Энциклопедии переформулировал эту идею: «С употребления переменных величин в аналитич. геометрии франц. учёного Р. Декарта и создания дифференциального и интегрального исчисления начинается период математики переменных величин...»². Возражая этому канонизированному мнению, в свои последние годы Шилов заявлял: «Нет никаких переменных величин!» За этим суждением скрывалась оригинальная позиция, взгляд на всю математику изнутри теории обобщённых функций, которую он развивал всю свою жизнь. Так, в 1950-х годах он предложил к изданию забракованный рецензентами учебник высшей математики, в котором дифференцируемость функции определялась ранее непрерывности.

Но историю науки ранее XVIII века Г.Е. Шилов знал неглубоко. В своей периодизации он относил всю науку вплоть до Ньютона к метафизическому этапу. Об истории древности он имел поверхностное представление, а Библейскую мифологию, лежащую в фундаменте традиционной истории, в силу атеистического воспитания, знал ещё меньше.

В архиве сохранился черновик отзыва Шилова на доклад Постникова на мехмате МГУ об историологической теории Морозова. Её Шилов категорически не

¹ *Энгельс Ф. Диалектика природы/ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. В 50 томах, 2-е изд., т. 20, – М.: ИПЛ, 1961, с. 573.*

² *Колмогоров А.Н. Математика/ Большая Советская Энциклопедия, 2 изд., т. 26, – М.: БСЭ, 1954, с. 465.*

принял. Судя по его записям, он полностью доверял профессиональным историкам.

Следующий текст сохранился в напечатанном на машинке виде в личном фонде профессора Г.Е. Шилова, в Центральном Московском архиве–музее личных собраний (ЦМАМЛС, ф.167, оп. 2, дело 100, лист 1). Текст подписан «Г.Е. Шилов», дата не указана, но есть примечание, что он не ранее 1963 года. По-видимому, заметка предназначалась к публикации – в тексте оставлено место для иллюстрации.

БЫЛ ЛИ ДРЕВНИЙ МИР?

«Недавно на нашем факультете состоялся доклад М.М. Постникова о сомнительности общепринятой хронологии древней истории. Докладчик привёл сравнительные диаграммы академика Н.А. Морозова. Оказывается, последовательность времён правления правителей древнего Рима в период с -1-го до +2-го века в точности совпадает с аналогичной последовательностью в период с +2-го века по +5-й век. Так как вероятность случайного совпадения этих последовательностей имеет порядок 10^{-20} , делается вывод, что в действительной истории не было двух периодов один за другим, а был только один период: он породил описание на разных языках, а хронисты 8–9 века, впервые устанавливавшие хронологию Рима, не сумевшие (или не желавшие) найти истину, решили, что перед ними описания двух разных периодов и расположили их последовательно.

Нетрудно понять, что такое заключение переворачивает все наши представления о древней истории. Открытие Н.А. Морозова было опубликовано в 1924 году в I томе его сочинения «Христос» (все семь томов этого сочинения, вышедшие у нас с 1924 по 1932 год, имеются в Фундаментальной библиотеке МГУ на Моховой). Следует заметить, что за прошедшее время оно не нашло сторонников; пока ещё ни один историк не присоединился

к концепции Морозова. А ведь в XX веке многие сенсационные открытия завоевали себе признание! Не будучи историком, я не собираюсь критиковать теорию Н.А. Морозова по существу. Но я хочу напомнить историю другого открытия.

В 1877 году итальянский астроном Скиапарелли направил усовершенствованный им телескоп на Марс и увидел там систему прямых линий. Телеграф разнес сообщение: каналы! На Марсе – развитая цивилизация! Ещё бы – вероятность случайного образования рисунка Скиапарелли имеет порядок 10^{-20} , значит, они – неслучайны, значит, они – свидетельство Разума! Но прошло время, на Марс были направлены более мощные телескопы, и строгие линии «каналов» превратились в неправильные цепочки пятен. Гипотеза о высокой марсианской цивилизации, увы, рассыпалась. Вот вам и вероятность 10^{-20} !

Н.А. Морозов утверждает, что вся так называемая древняя история сочинена авторами средневековья и раннего Возрождения. Если так, то последующие открытия независимых литературных и археологических памятников неизбежно должны были бы рано или поздно приходиться в противоречие с этой «выдуманной» древней историей, которую мы учили в школе. Интересно, что сказал бы Н.А. Морозов об открытиях 50-х гг. в районе Мёртвого моря. Рукописи, найденные там в огромном количестве, пока что полностью совместимы с «выдуманной» древней историей; наоборот, они не укладываются в теорию Морозова, поскольку он отвергает (по «физико-географическим соображениям») саму возможность существования древней цивилизации в Палестине, а библейский Иерусалим отождествляет с Помпеей, погибшей при извержении Везувия.

В общем, чем более сенсационна новая теория, тем более надёжные факты должны лежать в её основании, чтобы она могла претендовать на внимание современников. Иначе она разделит судьбу теории Морозова, к которой никто из учёных не относится серьёзно».

Прокомментируем некоторые высказывания Г.Е. Шилова, довольно типичные для читателей, впервые ознакомившихся с идеями историологии.

«Недавно на нашем факультете состоялся доклад М.М. Постникова о сомнительности общепринятой хронологии древней истории...» (Г.Е.Ш.)

Ни Шилов, ни Постников в своей монографии «Критическое исследование хронологии древнего мира. В 3-х томах» не указывают точного времени проведения упоминаемого доклада. В этом отражается известная доля пренебрежения к хронологическим данным, часто присущая сторонникам традиционной исторической науки. Но дата смерти Г.Е. Шилова и следующая цитата позволяют указать хронологический диапазон этого события – 1965–1974 годы: *«Я познакомился с книгой Морозова году в 1965-ом, но мои попытки обсудить его соображения с профессиональными историками ни к чему не привели»¹.*

По-видимому, это произошло в 1974 году, последнем для Шилова: *«В 1974 году А.Т. Фоменко обратился к М.М. Постникову с просьбой прочесть несколько обзорных лекций по работам Н.А. Морозова. После некоторых колебаний М.М. Постников согласился и в этом же 1974 году прочитал пять лекций для группы математиков, работавших на механико-математическом факультете МГУ»².*

«Оказывается, последовательность времён правления правителей древнего Рима ... в точности совпадает ...» (Г.Е.Ш.)

¹ Постников М.М. Критическое исследование хронологии древнего мира. Античность. Т. I, – М.: Крафт+Леан, 2000, с. 6.

² Носовский Г.В., Фоменко А.Т. Введение в новую хронологию. Какой сейчас век? – М.: Крафт+, 2001, с. 371.

Точное совпадение хронологий дубликатных династий в разных источниках при многократных их искажениях и редакциях почти невозможно. Напротив, их расхождение является одной из причин дублирования династии в традиционной хронологии. Вот как об этом написано у Морозова: *«Мне очень трудно продолжать эту часть моей работы, так как никто лучше меня не понимает, что для всякого, кто не посвятил этому предмету многих лет своей жизни, – а я занимался им, хотя и с перерывами, с 1883 года, – все, что я говорил сейчас и что буду говорить далее, покажется лишь праздной попыткой сокрушить несокрушимое. ... на нашей диаграмме, надо поражаться не отдельными мелкими разницеми в годах, а тому, как хорошо сохранились на протяжении полуторы тысячи лет первоначальные записи, сделанные в двух разных странах, отдельно друг от друга и на двух разных языках»*¹.

Таблица XXII, прилагаемая к I тому «Христа» иллюстрирует следующие наборы времён правления «Второй» и «Третьей Римских Империй»:

4–5; 22–21; 1–1; 37–31; 24–24; 4–2; 13–13; 12–14; «около года» – «менее года»; 10–9; 16–17; 2–2; 19–13; 22–28; 23–21; 20–11; 13–16; 1–1; 18–17; 29–33.

Полного совпадения, мы видим, не наблюдается.

«... вероятность случайного совпадения этих последовательностей имеет порядок 10^{-20} ...». (Г.Е.Ш.)

Указание здесь Шиловым значения вероятности не имеет математического обоснования. Такие оценки возможны только после построения адекватной математической модели распределения подобных последовательностей. Но это было сделано позднее, при реали-

¹ Морозов Н.А. Христос. Т. I. Небесные вехи земной истории человечества, – М.: Крафт+Леан, 1997, с. 390, 394.

зации А.Т. Фоменко «математико–статистических методов» глобальной хронологии. По всей видимости, 20-й порядок малости величины вероятности указан здесь оттого, что в морозовской таблице параллелизмов XXII сравниваются 20 пар чисел. Но сам Морозов об этом пишет так: *«... каждый царь Второй империи имеет аналога в Третьей, так что в количественном отношении нельзя и желать лучшей проверки одной хронологии посредством другой. О случайности сходства обеих кривых и здесь смешно даже и подумать с точки зрения математической теории вероятностей. Даже и в нескольких случаях, где допустимо поставить сопоставителей то одного, то другого впереди (располагая их в одночленном ряду), меняется только конфигурация чертежа, а не величина его выпуклостей и впадин»*¹.

Прослеживая хронологию «богоборческих» и «богославных» царей в романских и ромейских списках, Морозов пишет: *«... годы их царствования соответственно почти совпадают, ... две вышеприведённые диаграммы, где обнаружился такой полный параллелизм от начала и до конца обоих, что даже и помимо моих вышеприведённых астрономических вычислений, а по одной только теории вероятностей, пришлось бы заключить, что богоборческое и богославное царство не только параллельны романским и ромейским, но и тождественны с ними»*².

Сравнив генеалогии Иисуса в Евангелии от Луки и Рамзеса Великого на «Царственной Таблице» Абидосского храма, Морозов обнаружил: *«... поразительное количественное и качественное сходство, что с точки зрения математической теории вероятности, как я показал в первом томе, абсолютно невозможно считать обе эти родословные за что–*

¹ Морозов Н.А. Христос, т. I. Небесные вехи земной истории человечества, – М.: Крафт+Леан, 1997, с. 401.

² Морозов Н.А. там же, с. 415.

либо иное, как за два разнономенклатурные воспроизведения одной и той же родословной»¹.

По мнению Морозова: «Теория вероятностей показывает, что если времена царствований естественны, а не вымышленные, то они будут подчиняться закону вариаций, т.е. естественных отклонений от средней нормы, говорящему, что чем дальше отклонение от нее, тем меньше будет число индивидуумов, подходящих под это уклонение»².

Отметим, что во времена написания Морозовым «Христа» теория вероятностей ещё не приняла своего современного математически точного формализованного характера, заложенного А.Н. Колмогоровым в 1930-х годах. Но и после аксиоматического обоснования этой дисциплины она продолжала существовать и применяться в естествознании в нестрогом эмпирическом качестве. По-видимому, здесь долее всего продержалась «частотная концепция» Р. фон Мизеса, 1919 года. Позднее её совершенствовали А.Я. Хинчин, Б.М. Гессен, Г. Рейхенбах, В. Салмон и К. Поппер.

Н.А. Морозов, расширяя приложения математической статистики, стоял на передовых рубежах этой науки. И здесь проявилось отличие его материалистического, естественнонаучного мировоззрения от «платонистских» представлений отдельных теоретиков, отводящих математическим законам место лишь в «идеальном мире» научных концепций, ограничивая их применение к реальному миру какими-то конвенциями избранных членов учёного сообщества. Такие огра-

¹ Морозов Н.А. Христос, т. VI. Из вековых глубин, – М.: Крафт+Леан, 1998, с. 1039.

² Морозов Н.А. Христос, т. X. Миражи исторических пустынь между Тигром и Ефратом. Клинопись, – М.: Крафт+Леан, 2002, с. 153.

ничивающие научный поиск представления можно считать «научной робостью», но можно заподозрить в них негласное желание оставаться непоколебимым авторитетом в области своей прямой компетенции, в обмен на отказ от вторжения в чужие области исследования.

«... хронисты 8–9 века, впервые устанавливавшие хронологию Рима, ... решили ...» (Г.Е.Ш.)

Известно, что хронологию традиционной истории упорядочили гораздо позднее, лишь в XVI–XVII веках. Морозов указал на авторов этой работы, и его пояснения важны для понимания этой темы: *«Ведь только во вторую половину XVI века лейденский профессор Скалигер (1540–1609) основал современную историческую хронологию, а его последователи и преемники, астрономы Петавиус, Риччиоли и др., старались подтвердить её астрономически, руководясь уже заложенной им хронологической схемой и не решаясь восставать против его авторитета в тех случаях, когда дело не сводилось к мелким поправкам, а нужно было передвигать целые эпохи. Признавая, что великий Иосиф Скалигер (и действительно огромная научная величина!) мог ошибиться на несколько лет в определении того или другого частного сообщения, они не допускали даже и мысли о том, что при датировании событий, описываемых без обозначения лет, например, у Тита Ливия, Плутарха и т.д., у него могут быть систематические сдвиги хронологии на целые столетия, а в некоторых других старинных источниках – даже на тысячелетия. Поэтому, не находя точного совпадения своих вычислений с его схематическими указаниями, они искали солнечное или лунное затмение, ближайшее к этому времени, и делали соответственные – с научной точки зрения не только ни на что не годные, но даже страшно вредные для будущих исследований – мелкие поправки, придавая древне-исторической хроно-*

логии Скалигера внешний вид научной и даже математической разработанности. Это же предварительное руководство схемой Скалигера, якобы уже окончательно подтвержденной Петавиусом и Риччиоли не только для средних веков, где она почти безукоризненна, но даже и для более глубокой древности, помешало и дальнейшим астрономам поставить дело в более широкие научные рамки. Голландский астроном XVIII века Струйк, затем Тихо Браге, а в XIX веке Цех, Гофман и, наконец, Гинцель¹ в своих многочисленных работах, резюмированных Гинцелем в его большом «Специальном каноне солнечных и лунных затмений для области знаний классической древности в промежуток от –900 до +600 года нашей эры», – все до одного руководились древне-историческое схемой Скалигера и своих путешествиях в отдалённые века человеческой истории, как безусловно непогрешимой географической картой, и, благодаря этому, подыскивали к каждому случаю ближайшие затмения (а такие при неопределённости старых указаний всегда найдутся на промежутке менее 10 лет взад или вперед от любого данного случая) и, благодаря своей доверчивости, всё более и более укрепляли фикцию непогрешимости современной хронологии в области древней истории. Но во имя беспристрастной науки, стремящейся исследовать собственным разумом всё, что раньше было в области чистой веры (т.е. внушения), и, несмотря на должную дань глубокого уважения к Скалигеру, как творцу существующей теперь историче-

¹ Н.А. Морозов указывает сочинения N. Struyck (1770), Zech (1853), Hoffmann (1885), F. Ginzell (1884, 1886, 1887). Но мемуар Тихо Браге «Hisloria coelestis» указан Морозовым без даты. В списке прижизненных изданий Тихо Браге такая книга отсутствует. Возможно, имелся в виду сборник работ баварского иезуита и астронома Альберта Курца, публиковавшегося под псевдонимом Люций Барретт, – «Historia Coelestis: Ex Libris Commentariis Manuscriptis Observationum Vicennialium Viri Generosi Tichonis Brahe Dani» 1666 года или более позднего переиздания.

ской хронологии, мы должны подвергать все древнеисторические факты совершенно независимой от него и от его школы разработке, как делает всякий астроном при наблюдениях в телескоп»¹.

Г.Е. Шилов не скрывает свою конвенциалистскую позицию в отношении научного познания.

«Следует заметить, что за прошедшее время оно не нашло сторонников; пока ещё ни один историк не присоединился к концепции Морозова. А ведь в XX веке многие сенсационные открытия завоевали себе признание!» (Г.Е.Ш.)

Здесь Георгий Евгеньевич провёл неоправданную параллель между сенсационными открытиями естественных наук, в своих идеалах ориентирующихся на достоверное и практически полезное знание, и традиционной исторической наукой, нацеленной на идеологическую целесообразность. Революционные переломы в естественных науках обусловлены научно-техническим прогрессом, а в науках общественных – изменением социальной конъюнктуры. Поэтому эмпиричность естественных наук преобладает над их конвенциональностью, но для наук гуманитарных и социальных в настоящее время это соотношение обратное. Это различие проявляется и в характере научной деятельности. В естествознании истинность (достоверность) теории определяется в первую очередь опытом и лишь затем – научным авторитетом сообщества, разделяющего эту теорию; полезность теории здесь означает приложимость избранной модели к реальным явлениям и плодотворность внутри господствующей парадигмы. Гуманитарные и общественные дисциплины изначально имеют дело с менее детерминированными

¹ Морозов Н.А. Христос, т. IV. Во мгле минувшего при свете звёзд, – М.: Крафт+Леан, 1998, с. 308–310.

социально опосредованными процессами. В настоящее время их предмет недостаточно определен для строгого описания, поэтому достоверность знания этого типа определяется конвенциональностью и доктринальным соответствием доминирующим мнениям учёных. И этим же, в виду малой приложимости, определяется полезность гуманитарных теорий.

«... вероятность случайного образования рисунка Скиапарелли имеет порядок 10^{-20} ...» (Г.Е.Ш.)

Даже в большей степени, чем ранее, числовые оценки такого рода не имеют математического обоснования. Здесь Шилов демонстрирует риторическую фигуру речи.

«... последующие открытия независимых литературных и археологических памятников неизбежно должны были бы рано или поздно приходиться в противоречие с этой «выдуманной» древней историей, которую мы учили в школе». (Г.Е.Ш.)

К этому бесспорному замечанию Шилов подключил три неявных предположения. Первое – о «выдуманности» древней истории. Второе – о том, что открытия литературных и археологических памятников были независимы от исторических представлений. И третье – что независимые открытия не приходили в противоречие с исторической наукой.

Тезис о тотальной подложности древней истории принадлежит М.М. Постникову, который в своей монографии высказывается на эту тему довольно определённо: *«... все так называемые «античные» сочинения мы должны считать творением средних веков и эпохи Возрождения. Возможно, что их авторы и пользовались какими-нибудь документальными, не дошедшими до нас источниками, но эти ис-*

точники вряд ли старше IV века н.э.»¹. Но вывод Н.А. Морозова звучит иначе: древняя история – мираж, и является отражением более поздних событий. «И вот не мудрено, что вольнодумцы начали думать, что это простой мираж... Но ведь и мираж есть только отражение чего-то существующего за пределами видимости, да и миф вырастает, как из семени, из какого-нибудь давно забытого реального факта, почему-либо поразившего воображение его современников, а не путём самопроизвольного зарождения»².

Поскольку в основе искажённых и неверно датированных исторических сообщений лежат некоторые реальные события прошлого, достоверно реконструировать их можно лишь на основе современных научных методов, в значительной мере заложенных Морозовым. Новые источники, если они являются подлинными свидетельствами истории, должны встраиваться в правильную реконструкцию, возможно, корректируя её в деталях. Но полного соответствия прошлому от этой реконструкции ожидать не следует. Ведь исторические свидетельства являются субъективной фиксацией некоторых событий, содержание которых в полном объёме современнику не дано знать, даже в такой гипотетической ситуации, когда свидетели выступают с непредвзятой позиции. Но такое нейтральное отношение порождает равнодушие к событию и его поверхностное изложение. В русских летописях в таких случаях неизвестный автор простодушно писал: «... в этот год не было ничесоже ...».

¹ Постников М.М. Критическое исследование хронологии древнего мира. Античность. Т. I, – М.: Крафт+Леан, 2000, с. 421.

² Морозов Н.А. Христос, т. VI. Из вековых глубин, – М.: Крафт+Леан, 1998, с. 488.

Из этого вытекает один из методологических принципов научной реконструкции, – наиболее достоверными могут быть сведения, малозначимые для автора. Сюда неизбежно попадают бытовые зарисовки, отражающие научно–технический, цивилизационный фон и хронологическо–календарные сообщения, сделанные мимоходом, без какого–то хронологического замысла. Они лежат в центре внимания историологии.

Традиционная историческая наука, напротив, в основном анализирует оценочные суждения древнего автора, избрав своей целью выставление моральных оценок персонажам исторических сообщений, которые при таком подходе оказываются героями архаической литературы. Сама историческая наука при этом становится разделом литературоведения и филологии, как это и считалось до начала XX века. Многочисленные дубликаты традиционной истории обязаны своим возникновением не только каббалистическим методам первых хронологов, но и многообразию моральных оценок исторических деятелей в сообщениях современников и потомков.

Любое историческое свидетельство, археологическая находка, становятся историческим фактом только в результате теоретического осмысления его и обработки для встраивания в рабочую концепцию. Если учёный не осознаёт этой научной тенденции, тогда он служит ей бессознательно, становясь заложником своей и чужой фальсификации, не понимая, с чем он имеет дело. В таком положении оказались многие сторонники традиционной хронологии, вполне искренне вносящие в химерическую скалигеровскую конструкцию свои научную лепту, ретушируя обнаруженные парадоксы и умалчивая о принципиальных проблемах

своей науки, – в первую очередь, – о её авторах, а также, – о времени и методах её создания.

«Интересно, что сказал бы Н.А. Морозов об открытиях 50-х гг. в районе Мёртвого моря. Рукописи, найденные там в огромном количестве, пока что полностью совместимы с «выдуманной» древней историей; наоборот, они не укладываются в теорию Морозова, поскольку он отвергает (по «физико-географическим соображениям») самую возможность существования древней цивилизации в Палестине ...» (Г.Е.Ш.)

Приходится сожалеть, что Н.А. Морозов не дожил до обнаружения «Рукописей Мёртвого моря». Первые из них, найденные козопасом Мохаммадом ад-Дибом, появились в поле зрения учёных в 1947 году, находки продолжались до 1956 года, сопровождаясь коммерческим ажиотажем. Часть рукописей была опубликована в 1950–1951 годах, в 1962 году был опубликован текст «Медного свитка», найденного в 1952 году. Полного научного описания и исследования находок не сделано до сих пор. Часть рукописей стали религиозными и политическими реликвиями Ватикана, другая – Израильского государства, символом его исторической древности и первородства в этом регионе. Свитки были наскоро приписаны мифическим до этой находки «эссеям». Они датированы палеографически и нумизматически периодом между III в. до н.э. и II в. н.э. Это – официальная версия, озвученная международной группой исследования Кумранских находок, созданной при Палестинском археологическом (Рокфеллеровском) музее в 1953 году. Радиоуглеродный анализ льняных переплётов «уточнил» диапазон датировки. Указывается промежуток с 168 г. до н.э. по 233 г. н.э.

Часть опубликованных текстов имеют ветхозаветное содержание. Полное соответствие Кумранских находок сложившимся историческим представлениям вызывает сомнение в их подлинности. Ведь всякий новый документ даёт более объёмное описание своей эпохи, привносит новые неизвестные ранее детали. Тем более, если новых документов появляется огромное количество. Вместе с неясными обстоятельствами обнаружения текстов это побуждает усомниться – не имеем ли мы дело с преднамеренной фальсификацией, которая полностью укладывается в существующие представления о прошлом.

Общепринята версия, что тысячелетия назад Палестина была плодородной землёй. Она была густо заселена оседлыми народами, но в раннее Средневековье в этом регионе по неизвестным причинам произошла экологическая катастрофа, превратившая райский сад в бесплодную пустыню, где могли выживать только кочевники-бедуины. Эта гипотеза опирается на описания Ветхого Завета и не имеет естественно-научного подтверждения. Морозов считал, что Палестина не была приспособлена к прокормлению развитой цивилизации: *«... с этой точки зрения вся «современная древняя история» является противоестественной, так как для падения классических Греции и Рима, а также для падения древнего Египта и Ассирио-Вавилонии мы не видим никаких геофизических, или метеорологических, или социологических причин. Не видим мы их и для возникновения на сирийском побережье и в Палестине культурных государств, вроде Финикии или Израильского царства, преимущественно перед Балканским полуостровом или Ломбардской низменностью, как несравненно более плодородными и поблизости от богатейших железных рудников, как первой основы человеческой культуры. Ведь без железных ору-*

дий производства человек был бы ещё более бессилён сделаться культурным существом, чем обезьяна, у которой вдвое более рук, чем у него»¹.

Удивительные, массовые и недостоверно документированные находки кумранских свитков не опровергли естественно-научных аргументов Морозова, но лишь обозначили очередную историографическую проблему, требующую разрешения. Здесь интересно мнение публицистов вполне традиционного хронологического направления – Майкла Байджента и Ричарда Ли, ранее прославившихся своей «Священной загадкой» 1982 года, высказанное ими в книге «The Dead Sea Scrolls Deception» 1991 года. Авторы не сомневаются в подлинности сотен рукописей, найденных в Кумранских пещерах, но отмечают антинаучную атмосферу, окружающую их исследование: *«... существует своего рода негласное общее мнение о том, что история изучения свитков Мёртвого моря представляет собой форменный скандал. Вряд ли можно сомневаться в том, что за всеми этими переносами, отсрочками, запретами на доступ к материалам кроется нечто несправедливое, формально вроде бы законное, но не отвечающее моральным или академическим нормам»²*. И с тех пор в этой истории нет положительных изменений.

«... библейский Иерусалим отождествляет с Помпеей, погибшей при извержении Везувия». (Г.Е.Ш.)

Это утверждение Шилова не точно, но возникло не на пустом месте. Морозов об этом высказывался так:

¹ Морозов Н.А. В защиту реализма в исторической науке. Коротенький ответ нападающим на мою книгу «Христос» // Правда, 9 мая 1928, № 106 (3938), с. 6.

² Байджент М., Ли Р. Свитки Мёртвого моря. Сакральные тайны: от Земли Обетованной до Ватикана, – М.: Эксмо, 2009, с. 213.

«Слово Иерусалим по-библейски значит: «Здесь увижу примирение», и уже одно его такое значение достаточно показывает, что он – имя нарицательное. Это – город, где богоборцы надеются найти примирение с кем-то преследующим их. ... Значит, имя Иерусалим мы должны здесь понимать как нарицательное в том же роде, как понимаем стольный город в русских летописях. Этим последним именем мог обозначаться по очереди и Киев, и Москва, и старый Петербург. Точно так же, и Город святого примирения был город кочевой, переносимый с одного пункта земной поверхности на другой, если в первом или в последнем он оказался не оправдывающим своего имени и соответствующих ему ожиданий – примирения с богом. Этого мы никогда не должны упускать из виду, читая библейские книги. В предыдущем изложении мы пришли уже к выводу, что первый библейский «Город святого примирения» (Иерос-Салим) был «трубный» по-латыни и «прецессионный» или «триумфальный» по-гречески – город Помпея, и потому интересно узнать, не сохранилось ли в библейских книгах и других указаниях, могущих привести нас к тому же заключению помимо предыдущего наведения»¹. И далее: «... это показывает, что в применении эпитета «город Святого Примирения» (Иерусалим) на протяжении веков, и при соответствующих им переменах места религиозных пилигримств, произошли, по крайней мере, три перемены. Так назывался первоначально и тот город, раскопанные остатки которого мы называем теперь Помпеей, и Царь-Град и, наконец, современный палестинский Иерусалим, получивший это название лишь незадолго до крестовых походов»².

¹ Морозов Н.А. Христос, т. II. Силы земли и небес, – М.: Крафт+Леан, 1998, с. 310–311.

² Морозов Н.А. Христос, т. VII. Великая Ромея, – М.: Крафт+Леан, 1998, с. 557–558.

«... чем более сенсационна новая теория, тем более надёжные факты должны лежать в её основании, чтобы она могла претендовать на внимание современников ...» (Г.Е.Ш.)

Ясно, что Шилов счёл рассуждения Морозова и Постникова ненадёжными и незаслуживающими внимания. Любые аргументы убеждают не только в силу их доказательности, но и от психологического настроения убеждаемого. При таком отношении Шилова к новым теориям было бы сложно найти доводы, достаточно убедительные для него. Но с декларируемой Шиловым дискриминацией теорий нельзя согласиться. Всякая научная теория должна опираться на надёжные факты, вне зависимости от её сенсационности, отражающей лишь степень предубеждённости части научного сообщества. При этом надёжность факта – качество субъективное, зависящее от теории, в которой этот факт рассматривается. Истинность теории не сводится к верификации фактов, – от подобного мнения философия науки избавилась в XIX веке. В этой проблеме не может быть элементарного ответа. Г.Е. Шилов, читавший И. Лакатоса и других постпозитивистов, слышал об этом.

Но методологический аргумент Г.Е. Шилова не нов в истории борьбы научных теорий. Так, и в наши дни Католическая Церковь оправдывает осуждение Галилея ненадёжностью его доказательств: *«Иезуит отец Маттео Сабино, вице-директор Ватиканской обсерватории, сказал CNS, что Галилей столкнулся с неприятностями от инквизиции, потому что не имел доказательств своих утверждений. «Не имея доказательств ... (инквизиция) была вынуждена*

держаться за многовековую концепцию», которая видела Землю как центр космоса, – сказал отец.»¹.

Болгарский математик Йордан Борисович Табов, московский ученик Г.Е. Шилова в начале 1970-х, вспоминая свой путь к Новой Хронологии, изложил своё мнение о воззрениях учителя: «Я полностью согласен с ним. И здесь зарыта собака почти всех “революционных перемен” в науке – как теории Коперника, и др. Сенсационных теорий действительно очень много, хотя бы “парапсихологические”. И, наверное, 99% из них неверны; зачастую опровергнуть их совсем непросто. Как отличить “тех” от “других”? Конечно, тем и велик Фоменко, что заметил то, что другие не смогли – и ещё не могут. Фоменко услышал 5 лекций Постникова, а Шилов – только одну, причём, мы не знаем, – насколько она была удачной. Мне кажется, даже то, что Шилов взялся написать об этом, хотя и в умеренно негативном плане, говорит о нём скорее хорошо, чем плохо. Как показала практика, обратить серьёзное внимание на НХ – вещь сама по себе нетривиальная, особенно в 1970-х и 1980-х, когда информации было очень мало. Только немногим это удалось, и если другие не обратили, то ... просто не всем дано. Мне, например, повезло много больше, чем Шиллову: у меня была возможность (в начале 1980-ых) прочесть „реферат” на 100 стр. И соответственно реакция была положительная, хотя и пассивная (до 1994 г.). А что говорить о многих других умных и способных людях, которые не только прошли мимо НХ, но и теперь критикуют её и выступают против?»².

«... разделит судьбу теории Морозова, к которой никто из учёных не относится серьёзно». (Г.Е.Ш.)

¹ After four centuries, Galileo to return to the Vatican// Catholic News Service, 7 March 2008.

² Табов Й.Б. Частный e-mail А.Б. Верёвкину от 2 августа 2011.

В данном случае Шилов неоправданно обобщил свои впечатления. Ведь сам факт прочтения цикла лекций о теории Морозова на мехмате МГУ, означает, что Постников относился к этой теме серьёзно. Мы знаем, что эти лекции ещё до своего проведения имели заинтересованных сторонников среди сотрудников мех-мата. Идеи Морозова сразу же нашли своё продолжение в Новой Хронологии, и позднее – во многих альтернативных хронологическо-исторических теориях незаурядных учёных (математика А.К. Гуца, геолога И.В. Давиденко, химика Я.А. Кеслера и др.). Возможно, Шилов написал только об учёных-историках, и тогда он отчасти был прав. По реакции позднего времени, которую Шилов не застал, нам известен демонстративный негативизм (пост)советского академического сообщества историков на всякую серьёзную ревизию хронологии. Но она, скорее, показывает цеховую солидарность гуманитариев перед вторжением чуждой методологии, чем научную правоту.

Тяжесть признания принципиально новой научной идеи обуславливается множеством причин, – как внешних по отношению к науке, так и внутренних. К примеру, гелиоцентрическая теория, несмотря на свои практические преимущества и эффективность, искала общего одобрения более двухсот лет. Новая историческая теория в настоящее время никакого практического значения не имеет, и конкурирует с другими теориями только как художественное или идеологическое произведение. Существенное хронологическое изменение в исторических представлениях немедленно влечёт изменение методологических установок и переосмысление всей истории цивилизации. А это требует значительного умственного труда, не обещающего по-

началу ничего, кроме сопричастности «научным маргиналам», что воспринимается болезненно не только конформистами, но и любыми учёными из «нормальной науки» (по определению Т. Куна).

Интересно сравнить мысли на эту тему, разделённые полувеком: *«Я отдаю себе полнейший отчёт в трудности положения. Специалисты усваивают свои истины основательно и крепко. Одни занимаются всю жизнь эпохой Пунических войн, другие – эпохой Сети и Рамзеса, третьи – Вергилием, и Горацием. Традиции науки, исходные точки собственных трудов были усвоены ещё в юности. До глубоких седин, преклоняясь перед авторитетами, учёные углубляли познание эпохи – в установленных границах. Надо понять, что значит для такого учёного страшный термин “пересмотреть”! Как это так – пересмотреть жизнь, которую прожил... Но именно в этом и могут почерпнуть смелость дилетанты и профаны – смелость воззвать к учёным и сказать им: а всё-таки пересмотрите! Если для этого возник повод, то надо это сделать. Книги Морозова, – каковы бы ни были их вес и их судьба, – явились таким поводом»¹.*

Сам Морозов написал об этой трудности в изменении позиции историков, так: *«Когда запас предварительных впечатлений хотя и велик, но односторонен, как это бывает у специалистов с недостаточным общим естественно-научным образованием, тогда и мышление бывает односторонне и большей частью ошибочно во всем, что уходит за пределы их специальности. Но даже и при разносторонних сведениях не может быть сильного творческого мышления у тех людей, которые приобрели свои знания не из общечеловеческой потребности “знать истину во что бы то ни стало”, а исключительно с какою-либо личной утилитарной целью (например, из честолюбия*

¹ Суханов Н.Н. Учёные пусть дадут ответ. Статья по поводу книг Н.А. Морозова // Правда, 27 мая 1928.

и, в частности, для карьеры). Эта личная цель, присутствуя как общий фон мыслительного аппарата, неизбежно будет накладывать свой отпечаток и на весь ход его мышления; такой ум сможет усовершенствовать уже проложенный до него путь, но никогда не создаст новых путей в науке»¹.

Наблюдая трудности продвижения концепции Морозова, Постников находил причину этого явления в когнитивно-психологических стереотипах, формирующихся у историка в процессе его профессиональной социализации: *«Положения Морозова были полностью отвергнуты учёными-историками, по-существу, без всякого анализа, и понятно почему. Впечатления, представления и мнения, которые человек получает где-то в самом раннем детстве, – это так называемый импринтинг, – очень твёрдо усваиваются, и их очень трудно изменить. Так дело обстоит, например, с религиозными представлениями. То же самое происходит и при обучении студентов. На первом курсе сообщаются некоторые факты, и эти факты помещаются в очень глубокой памяти, и студент ими пользуется, совершенно не задумываясь, справедливы они или нет. Он их воспринял на первом курсе без всякой критики. Сообщено было профессором, и поэтому надо сдать экзамен, а не критиковать. Потом уже к этому он не возвращается. Всё, что помещено в память посредством импринтинга, очень трудно выкорчёвываться. Это мы знаем на примере религии, когда, после того как где-то в раннем детстве человеку сообщены основные принципы веры, он остаётся верующим и взрослым, хотя рационально он это уже не обдумывает, атеистическую критику не воспринимает, а если он, паче чаяния, вдруг начинает размышлять, то, как правило, веру теряет. Этим объясняется также ярость, с которой борются с инакомыслящими. Их сжигают на кострах или убивают в религиоз-*

¹ Морозов Н.А. Христос, т. III. Бог и слово, – М.: Крафт+Леан, 1998, с. 229–300.

ных войнах. Это проявления одного и того же психологического механизма. Мы просто боимся изменить импринтированные идеи и стараемся против этого как можем бороться. Этим же объясняется, почему наука так консервативна. Идеи и результаты, которые получены, очень трудно изменить. Наука не терпит новых идей, она с ними борется. Новые идеи принимаются только тогда, когда они высказаны или поддержаны авторитетным учёным, и чем радикальнее идея, тем выше должен быть его авторитет. И, чтобы новые идеи победили и стали общепринятыми, нужны очень большие усилия и долгое время»¹.

От описания перейдём к гипотетическому объяснению: неприятие Шиловым теории Морозова, возможно, обусловлено его личной историей и неблагоприятным началом академической карьеры.

В январе 1950 года, по ходатайству Колмогорова, Шилов был переведён в Киевский государственный университет имени Т.Г. Шевченко на должность заведующего кафедрой математического анализа. Это назначение огорчило руководство механико-математического факультета и его новых коллег, некоторые из которых уже рассчитывали на эту должность и на жилую площадь (просторную комнату в коммунальной квартире), выданную университетом семье Шилова.

В мае того же года Шилов защитил в МГУ докторскую диссертацию, а в 1952 году стал профессором Киевского университета, но он не пользовался научным авторитетом у коллег по факультету. Киевские математики того периода, в основном, занимались классическими задачами математического анализа: дифференциальными уравнениями, вариационным исчислением, вычислительными методами. Их интере-

¹ Постников М.М. Критическое исследование хронологии древнего мира. Античность. Т. I, – М.: Крафт+Леан, 2000, с. 5.

сы оформились под влиянием уехавшего в 1949 году из Киева в Москву и Арзамас-16 академика АН УССР Н.Н. Боголюбова. Область исследований Шилова – теорию обобщённых функций и функциональный анализ они оценивали как космополитичную «лженауку».

Так, администрация факультета запретила Шилову ведение научного семинара с демагогической формулировкой – *«политическая слепота, выразившаяся в том, что Шилов не контролировал социальный состав участников семинара, в результате чего среди них был недостаточный процент детей рабочих и крестьян»* и резолюцией декана факультета Г.Н. Положего – *«Такой семинар нам не нужен!»*. У Шилова отобрали и затем закрыли студенческий научный кружок, его учеников не пускали в аспирантуру. Ревнуя к популярности Шилова в студенческих кругах, партбюро факультета обвиняло его в *«сознательном противопоставлении в троцкистском духе студенческой молодёжи руководству факультета»*. В результате тщательно организованной травли (в которой активно отметились коллеги Г.Е. Шилова – В.Н. Борисенко, Ф.И. Гудименко, Л.С. Дмитриенко, В.Е. Дьяченко, И.А. Зозуля, И.М. Карнаухов, Ф.С. Лось, Г.Н. Положий, М.М. Сидляр и некоторые другие) Шилов оказался в научной и общественной изоляции. Весной 1954 года он оставил кафедру в Киевском университете и перевёлся в МГУ на должность профессора кафедры теории функций и функционального анализа (ТФФА), возглавляемой членом-корреспондентом АН СССР Д.Е. Меньшовым. Небеспочвенно опасаясь плохой характеристики с бывшего места службы, Шилов скрыл от руководства факультета своё новое место работы, указав в заявлении на перевод малопрестижное место заведующего ка-

федрой математики в Московском энергетическом институте им. В.М. Молотова.

Уместно отметить, что с аналогичной обструкцией столкнулся в Киевском университете выдающийся математик в области теории вероятностей, академик АН УССР Борис Владимирович Гнеденко, переехавший из Львова одновременно с Г.Е. Шиловым. Так, в октябре 1952 года на заседаниях Учёного Совета факультета и факультетского философского семинара, при обсуждении проекта второго издания книги Б.В. Гнеденко «Очерки по истории математики в России» выступил официально назначенный докладчик, ученик Н.Н. Боголюбова доцент Ф.С. Лось. Он списком обвинил Гнеденко в «космополитизме», «лузинщине», «политической неблагонадёжности», в «пренебрежении к русскому языку и презрению к русскому народу», якобы отразившихся в этой книге. Ф.И. Гудименко добавочно обвинил автора книги в «троцкизме». В тот же период декан факультета, доктор физико-математических наук Г.Н. Положий кулуарно убеждал способных студентов в том, что *«теория вероятностей не является наукой, достойной внимания»*. Факультетский лекторий для студентов по проблемам математики и её методологии, организованный Гнеденко, был запрещён факультетским партбюро по причине *«политического недоверия профессору Гнеденко»* и отсутствия ответственного за *«идеологическое содержание подобных лекций»*. От этих факультетских интриг Б.В. Гнеденко в 1952 году уехал в ГДР – поднимать математику братской социалистической страны. По окончании командировки в 1954 году он возглавил Институт математики АН УССР. В 1960 году Гнеденко уехал в Москву.

Интенсивность проявления провинциальных страстей Шилов и Гнеденко объясняли своекорыстными групповыми или личными происками лиц, не обладающих достаточной научной квалификацией, игнорирующих государственные и научные интересы. Но А.Н. Колмогоров предполагал, что к эскалации конфликта привела недостаточная тактичность Шилова и Гнеденко. В своём письме Шиллову от 11 ноября 1952 года он пишет: «... не было ли со стороны Бориса Вл. и Вашей проявлено некоторого высокомерия, вооружившего против Вас также и многих, кто в другой обстановке не стал бы Вам мешать? В применении к Бор. Влад. мне кажется это вероятным, насколько я его характер знаю. В применении же к Вам – на чрезмерную Вашу задорность мне жаловался в одном из писем даже сам Бор. Влад. ...»¹.

Какие бы истинные причины не лежали в глубине раздоров Г.Е. Шилова с сотрудниками и руководством мех-мата КГУ, на поверхность выставлялись поводы идеологического и методологического характера. Так часто случается при столкновении беспокойных научных новаторов с удобно расположившимися в своих научных угодьях ретроградами. Вполне правдоподобно, что опасное столкновение с обскурантами наложило отпечаток на характер Г.Е. Шилова. Он стал избегать радикально новых идей.

Так, в отрицательном отзыве на математическую работу старшего преподавателя кафедры математического анализа Кировского государственного университета Петра Ивановича Денисова от 7 апреля 1966 года Шилов формулирует свои критерии значимости новых научных теорий следующим образом: «*Всякая матема-*

¹ ЦМАМАС, ф.167, оп. 1, д. 39, л. 35.

тическая теория завоёвывает себе признание тем, что указывает решение задач, не решённых в старых теориях, или хотя бы даёт новый более прозрачный подход к таким задачам. Теория обобщённых функций Лорана Шварца многим казалась пустой забавой, пока не обнаружилось, что с обобщёнными функциями можно доказать, что каждое уравнение обладает фундаментальным решением. Также и со всякой другой новой областью...»¹.

Следуя Шилову, значимыми оказываются только «нормальные работы» в Куновском смысле, – не выходящие за рамки сложившихся дисциплинарных матриц. И не заслуживает признания теория, открывающая новую предметную область и использующая новые методы, как это было в случае с историологией Морозова.

Но по этой логике также не достойны признания, к примеру, геометрическая теория Н.И. Лобачевского или теория множеств Г. Кантора. Что демонстрирует логическую несостоятельность Шиловских критериев оценки.

Современное математическое сообщество выработало эффективный способ проверки научных теорий, позволяющий достаточно быстро понять и оценить их ценность. В исторической науке, где достоверность в большей степени определяется авторитетом традиции, пока нет результативных способов проверки, как нового, так и ставшего традиционным знания. Построение их – насущная задача науки.

НОВАЯ ХРОНОЛОГИЯ

Историология Н.А. Морозова получила существенное научное развитие в новохронологической про-

¹ ЦМАМАС, ф.167, оп. 1, д. 20, л. 45.

грамме А.Т. Фоменко и Г.В. Носовского. Обрисуем биографии этих учёных.

Фоменко Анатолий Тимофеевич родился 13 марта 1945 года в посёлке Рутченково около Донецка, который в те годы назывался Сталино. Отец его, Тимофей Григорьевич, был горным инженером, кандидатом технических наук, автором 15 монографий, 150 научных статей и нескольких детективных романов. Мать, Валентина Поликарповна, была учительницей русского языка и литературы. В школу А.Т. Фоменко пошёл в Магадане, успешно и с удовольствием учился, а из всех предметов предпочитал стереометрию и физику. Он окончил школу уже в Луганске, с золотой медалью. Участвовал в украинских олимпиадах по физике и математике, стал призёром олимпиады Физтеха.

Это было время начала освоения космоса. Быть физиком и учёным считалось тогда престижным. На естественнонаучные специальности приходило много талантливых школьников, и конкурсы были огромные. Но от физиков требовали железного здоровья, и в Физтех А.Т. Фоменко не попал из-за недостаточно хорошего зрения. В 1962 году он поступил на отделение механики мехмата МГУ.

Первым научным руководителем Фоменко был профессор (впоследствии академик РАН), заведующий кафедрой теоретической механики Валентин Витальевич Румянцев, специалист по теории устойчивости, в том числе и космических аппаратов. Две первые курсовые работы А.Т. Фоменко в связи с этим имели прикладной характер. Он посещал научные семинары и курсы по небесной механике (о теории движения небесных тел, ракет, космических аппаратов, гироскопов) академика Дмитрия Евгеньевича Охоцимского.

Задачи теоретической механики привели А.Т. Фоменко в математику. С первого курса он участвовал в общетопологическом семинаре академика Павла Сергеевича Александрова, делал обзорные доклады на научном семинаре по алгебраической топологии Дмитрия Борисовича Фукса, семинаре по приложениям неевклидовой геометрии профессора Николая Владимировича Ефимова, в то время – декана мехмата.

В конце 4 курса А.Т. Фоменко перевёлся на математическое Отделение. Это было непросто, поскольку за короткое время нужно было самостоятельно подготовиться и сдать несколько серьёзных экзаменов, которых не было у механиков. А.Т. Фоменко стал учеником выдающегося советского геометра, заведующего кафедрой дифференциальной геометрии, профессора Петра Константиновича Рашевского, сохраняя при этом научные отношения с В.В. Румянцевым.

Будучи студентом 5 курса, в 1967 году А.Т. Фоменко стал соавтором и иллюстратором книги «Гомотопическая топология» (первая часть написана с В.А. Гутенмахером, вторая – с Д.Б. Фуксом). Позже книга была переведена на английский и японский языки.

В 1969 году А.Т. Фоменко стал сотрудником кафедры дифференциальной геометрии мехмата МГУ и защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Классификация вполне геодезических многообразий, реализующих нетривиальные циклы в римановых однородных пространствах». В 1972 году он защитил докторскую диссертацию на тему «Решение многомерной проблемы Плато на римановых многообразиях». В 1980 году А.Т. Фоменко стал профессором кафедры высшей геометрии и топологии (заведовал ею акаде-

мик Сергей Петрович Новиков – соавтор А.Т. Фоменко по монографиям 1974, 1979, 1984 и 1987 годов).

После смерти профессора П.К. Рашевского, в 1983 году кафедра дифференциальной геометрии (которой прежде руководили замечательные советские геометры – Вениамин Фёдорович Каган и Сергей Павлович Фиников) была упразднена, её функции перешли кафедре С.П. Новикова. Но в 1992 году кафедра Рашевского была воссоздана, называясь теперь кафедрой дифференциальной геометрии и её приложений. Её заведующим стал А.Т. Фоменко, в это время – член-корреспондент РАН.

А.Т. Фоменко является лауреатом премии Московского математического общества (1974), премии по математике Президиума АН СССР (1987), лауреатом Государственной Премии (в области математики) Российской Федерации (1996).

В 1990 году А.Т. Фоменко был избран членом-корреспондентом Российской Академии наук по Отделению математики. В 1991 году он стал действительным членом Российской Академии Естественных Наук, в 1993 году был избран действительным членом Академии Наук Высшей Школы, 31 марта 1994 года был избран действительным членом РАН, в марте 2009 года избран действительным членом Академии Технологических Наук Российской Федерации.

Главные научные интересы А.Т. Фоменко относятся к дифференциальной геометрии и топологии. Он решал задачи теории минимальных поверхностей и проблемы Плато. Занимался вариационными методами, интегрированием гамильтоновых систем дифференциальных уравнений, интегрируемыми уравнениями на группах и алгебрах Ли в математической фи-

зике, компьютерной геометрией, алгоритмическими методами в топологии. Важным достижением А.Т. Фоменко было создание новой теории топологической классификации интегрируемых динамических систем. С приложениями эмпирико-статистических методов в гуманитарных науках связаны его работы по исследованию исторических текстов. А.Т. Фоменко – автор 35 математических книг (многие из которых неоднократно переизданы и переведены на иностранные языки) и более 300 статей по математике.

В 1981 году А.Т. Фоменко опубликовал большой препринт о новых математических методах хронологии¹. Содержание этой работы было известно небольшому кругу учёных, – преимущественно московским математикам. В общем, он написал 30 статей по научной хронологии и 110 монографий по этой теме, значительную часть – в соавторстве с Г.В. Носовским.

Глеб Владимирович Носовский родился в Москве 26 января 1958 года. В 1981 году он окончил Московский институт электроники и математики, а в 1987 году – очную аспирантуру Отделения математики мехмата МГУ под руководством профессора кафедры математической статистики и случайных процессов Николая Владимировича Крылова. В следующем 1988 году Г.В. Носовский защитил в МГУ кандидатскую диссертацию в области теории вероятностей и математической статистики «Управление диффузионными процессами на римановом многообразии без края».

¹ *Фоменко А.Т.* Новые экспериментально–статистические методики датирования древних событий и приложения к глобальной хронологии Древнего и Средневекового мира, – М.: ГКТР, 1981, Зак. 3672, Лит. от 9/XI–81 г. № БО7201, с. 1–100.

Г.В. Носовский работал в институте Космических Исследований (Москва), в Московском станко-инструментальном институте, некоторое время проработал в Японии, – в университете Айзу, по программе научного сотрудничества с МГУ в области компьютерной геометрии. Сейчас Носовский – доцент кафедры дифференциальной геометрии и её приложений мех-мата МГУ. Он также работает в Лаборатории компьютерных методов в естественных и гуманитарных науках.

Научные интересы Г.В. Носовского лежат в области теории оптимизации, теории случайных процессов, стохастических дифференциальных уравнений, прикладной статистики, анализа данных, компьютерного моделирования и научной хронологии. Он опубликовал 25 математических работ и более 100 книг по Новой Хронологии.

Носовский присоединился к исследованиям Фоменко по Новой Хронологии в 1981 году. Вскоре издательством Московского университета была опубликована их первая совместная работа по хронологии¹.

Новая Хронология началась с разработки и применения математических и астрономических методов датирования событий, описанных в древних источниках². Главным результатом теории стала новая рекон-

¹ Об определении исходных структур в перемешанных последовательностях// Труды семинара по векторному и тензорному анализу, 1985, вып. 22, стр. 119–131.

² *Фоменко А.Т.* Некоторые статистические закономерности распределения плотности информации в текстах со шкалой// Семиотика и информатика. Вып. 15,– М.: ВИНТИ. 1980, с. 99–125; *Фоменко А.Т.* Методика распознавания дубликатов и некоторые приложения// Доклады Академии наук СССР, 1981, Т. 258, № 6, с. 1326–1330; *Fomenko A.T.* The jump of the second

струкция мировой истории и создание новой глобальной хронологии. Принимая базовые положения Морозовской историологической программы, авторы внесли существенные изменения в её пояс положительной эвристики, как за счёт новых методов, так и в связи с изменением некоторых систематизирующих гипотез.

Разработка методов естественных наук для реконструкции исторического процесса в новохронологическом проекте А.Т. Фоменко заинтересовала ряд математиков. С середины 1980-х годов им были выполнены совместные работы с профессорами В.В. Калашниковым¹ и А.С. Мищенко¹, с доцентом Г.В. Носовским.

derivative of the Moon's elongation//Celestial Mechanics and Dynamical Astronomy, 1981, V. 29, p. 33–40.

¹ Владимир Вячеславович Калашников – профессор кафедры Теории вероятностей мех–мата МГУ, руководитель лаборатории Института Проблем Передачи Информации РАН, академик Международной академии информатизации, лауреат Государственной премии СССР (1986). Всемирно признанный специалист по компьютерному имитационному моделированию, теории массового обслуживания, теориям надёжности и устойчивости стохастических процессов – автор 14 книг по этой теме, а в общей сложности – более 200 работ по математике. Был одним из самых активных соавторов Новой Хронологии, написав вместе с Фоменко и Носовским 8 книг об астрономических методах хронологии, датировании «Альмагеста» К. Птолемея и других звёздных каталогов. Родился в Горьком в 1943 году, в 1965 году окончил МФТИ под научным руководством ученика А.Н. Колмогорова Владимира Михайловича Золотарёва (р. 1931) и ученика А.А. Ляпунова Николая Пантелеймоновича Бусленко (1922–1977). В 1968 году стал кандидатом физико-математических наук, в 1977 году защитил докторскую диссертацию по теме «Исследование качественных свойств математических моделей сложных систем методом пробных функций». В 2001 году скончался от сердечного приступа в Дании, где работал в лаборатории актуарной математики Копенгагенского университета.

В статистической обработке первоисточников, составлении алгоритмов, программ и компьютерном обчёте материала участвовали десятки аспирантов и молодых учёных.

Результаты работы А.Т. Фоменко докладывал на III и IV Международных Вильнюсских конференциях по теории вероятностей и математической статистике 1981 и 1985 годов; на 1-м Всемирном конгрессе Общества математической статистики и теории вероятностей 1986 года. Новые хронологические методы обсуждались на семинаре «Многомерный статистический анализ и вероятностное моделирование реальных процессов» под руководством профессора С.А. Айвазяна в Центральном экономическом институте АН СССР; на Всесоюзных семинарах по проблемам непрерывности и устойчивости стохастических моделей в Московском институте математики имени В.А. Стеклова и во ВНИИСИ².

¹ Александр Сергеевич Мищенко – профессор кафедры Высшей геометрии и топологии мех-мата МГУ. Родился в Ростове-на-Дону в 1941 году, в 1965 году окончил мехмат МГУ под научным руководством С.П. Новикова (р. 1938). Защитил диссертации по алгебраической топологии – к.ф.-м.н., 1968; д.ф.-м.н., 1973. До 1983 года совместно с А.Т. Фоменко был профессором кафедры Дифференциальной геометрии, которой заведовал профессор П.К. Рашевский (1907–1983). Автор более 200 математических работ, в том числе 22 монографий и пособий. Соавтор А.Т. Фоменко по большому количеству математических публикаций. В конце 1970-х годов разрабатывал методы Новой Хронологии. Участвовал в написании рукописи, лёгшей в основу трёхтомника М.М. Постникова «Критическое исследование хронологии древнего мира» 2000 года. Скоро отошёл от хронологии, в написании статей и книг по этой теме непосредственно не участвовал.

² Всесоюзный научно-исследовательский институт системных исследований, был создан 4 июня 1976 года.

Положительная оценка новой исследовательской программы и её методов была дана профессором МГУ, президентом Международного общества математической статистики и теории вероятностей им. Бернулли, впоследствии академиком РАН Альбертом Николаевичем Ширяевым. В предисловии к первой массово опубликованной хронологической книге А.Т. Фоменко¹ он отмечает важность и сложность источниковедческой задачи распознавания зависимых и независимых текстов, а также поиска общего первоисточника. А.Н. Ширяев приветствует *«появление новых эмпирико-статистических методов распознавания, которые в совокупности с классическими подходами могут быть полезны в конкретных исследованиях. Автор книги предлагает новый подход к задаче распознавания зависимых и независимых нарративных (исторических) текстов на основе нескольких новых эмпирико-статистических моделей (закономерностей), обнаруженных им в результате обширных статистических экспериментов с различными количественными характеристиками конкретных текстов, хроник, первоисточников и т.п. Проверка этих моделей (статистических гипотез) на конкретном материале хроник подтвердила эффективность моделей и позволила предложить новые методы датировки текстов (а точнее, описываемых в этих текстах событий). Предлагаемый А.Т. Фоменко подход нестандартен и требует от читателя известного внимания и трудолюбия, чтобы освоиться с новыми и возможно, непривычными логическими построениями. В то же время основные идеи автора воспринимаются вполне естественно с точки зрения со-*

¹ Фоменко А.Т. Методы статистического анализа нарративных текстов и приложения к хронологии (Распознавание и датировка зависимых текстов, статистическая древняя хронология, статистика древних астрономических сообщений), – М.: Изд-во МГУ, 1990, 439 с., тираж 5000 экз.

временной математической статистики и легко вписываются в систему мышления специалистов по прикладной статистике»¹. Ширяев подчёркивает высокий научный уровень расчётов и результатов новых эмпирико-статистических методов. Он оговаривает, что следует отличать основные статистические выводы работы (слоистая структура глобальной «хронологической карты» и её распадение на четыре слоя) от их интерпретаций: «Гипотезы и истолкования результатов находятся уже вне рамок точного математического знания, и поэтому, как отмечает автор, следует крайне осторожно формулировать выводы, относящиеся к возможному построению новой «статистической хронологии древности»².

После нескольких коротких препринтов ВНИИСИ в 1993 году пятитысячным тиражом вышла вторая монография³ с критикой традиционной хронологии, описанием новых хронологических методов и их результатов. В стостраничном приложении Г.В. Носовский проанализировал древнюю христианскую Пасхалию и передатировал Первый Вселенский Собор в Никее второй половиной IX в. н.э. (вместо традиционного 325 года н.э.). Этой работой Носовский вскрыл ряд забытых календарных проблем и зарекомендовал себя ведущим специалистом в этой области.

В 1993–1994 годах в научных издательствах США и Голландии выпущены три книги Фоменко по хроно-

¹ Ширяев А.Н. Предисловие // Фоменко А.Т. Методы статистического анализа нарративных текстов и приложения к хронологии, – М.: Изд-во МГУ, 1990, с. 3–4.

² Ширяев А.Н. там же, с. 4.

³ Фоменко А.Т. Глобальная хронология. (Исследования по истории древнего мира и средних веков. Математические методы анализа источников. Глобальная хронология), – М.: Изд-во мехмата МГУ, 1993, 408 с.

логии суммарным объёмом около 1000 страниц. В 1995 году Носовский и Фоменко печатают в издательстве МГУ первую книгу по собственно Новой Хронологии: двухтомник «Новая Хронология и концепция древней истории Руси, Англии и Рима. (Факты. Статистика. Гипотезы)». В следующем 1996 году там же печатается двухтомник «Новая Хронология Греции. Античность в Средневековье», а в издательстве «Факториал» – первая хорошо иллюстрированная книга «Империя (Русь, Турция, Китай, Европа, Египет. Новая математическая хронология древности)». С этого времени книги по Новой Хронологии выходят регулярно. Опубликовано более ста монографий о методах, реконструкции и новохронологическом освещении отдельных исторических тем, совокупным тиражом около миллиона экземпляров.

Авторы Новой Хронологии последовательно преобразовывали историологию Н.А. Морозова. Первоначально речь шла лишь об усовершенствовании его методов. Были разработаны новые статистические приёмы анализа письменных источников и способы прочтения древних астрономических сообщений (гороскопов). Компьютерные расчёты позволили увеличить объём исследуемого исторического материала, в первую очередь, – династические списки. В результате были обнаружены параллелизмы, далеко выходящие за границы, найденные Н.А. Морозовым. Напомним, что по Морозову, традиционная история фантомна до III в. н.э., и только с этого времени отражает реальные события. Морозов размышляет: *«... после многих мучительных ломаний головы над воцарившимся в ней от этих вычислений хаосом стало мне казаться наиболее вероятным, что одна и та же действительно существовавшая сразу в Египте, Греции и*

Риме около IV века нашей эры династия расчленилась на многие вариации в нескольких различных средневековых документах. Описанные на нескольких различных языках, они вторично распались на ряды трудно узнаваемых вариантов, которые позднейшими компиляторами были приняты за различные династии, царствовавшие в различные эпохи той же самой египетской, греческой и даже римской истории, и были цементированы, как таковые, в длинный рассказ, где однородные события сменяют друг друга, как волны в стоячей воде, когда в них бросить камень. А на деле это была одна и та же волна человеческих воспоминаний, докатившаяся до нас, породив за собою, как и обычные волны, ещё ряд других более слабых и смутных. ... вся эта древняя египетская культура была лишь один могучий, но продолжавшийся не более нескольких столетий, ложный порыв человеческой творческой мысли, окончившийся, как и было неизбежно, крушением под напором развившегося под его скорлупою нового высшего мировоззрения. И мы приходим теперь к выводу, что весь этот гигантский порыв возник одновременно с началом апокалиптического христианства, и сам способствовал созданию такого христианства Иоанном Хризостомом в конце IV века»¹. Но по Новой Хронологии граница достоверной истории поднимается к XVII веку, а вся допечатная историческая эпоха почти целиком заполнена фантомными сюжетами. Имеется в виду, что настоящие события древности почти никак не отразились в исторических документах, повествующих в какой-то искажённой форме о более поздних временах.

Некоторые открытия Морозова подталкивали его к более радикальной реконструкции, но его задержало психологическое неприятие такой ревизии. Он отметил: «Я думаю, читатель не упрекнёт меня в том, что я не раз-

¹ Морозов Н.А. Христос. Том VI. Из вековых глубин. Часть II, – М.: Крафт+Леан, 1998, с. 691–692.

бираю здесь так же подробно и вторую серию апокалиптических соединений Сатурна и Юпитера между 1249 и 1486 годами нашей эры. Допустить, что Апокалипсис написан после XII века нашей эры, мне кажется невозможно. Желаящий пусть вычислит сам: это дело одного вечера по моим таблицам»¹. Поэтому Морозов отбросил две интересные датировки гороскопа Апокалипсиса: 8 сентября 1249 года и 26 сентября 1486 года, остановившись на 30 сентября 395 года. А.Т. Фоменко и Г.В. Носовский в настоящее время считают, что второе из упомянутых решений, то есть, 1486 год – наиболее возможная дата написания Откровения Иоанна Богослова.

В реконструкции Н.А. Морозова сохраняется тысячелетний средневековый зазор между началом реальной истории и временем обнаружения античных источников. В связи с этим он склонялся к идее тотальной подложности памятников Античности, которую охотно подхватил М.М. Постников. Напротив, в реконструкции А.Т. Фоменко и Г.В. Носовского начало цивилизации относится к позднему Средневековью, и поэтому «античные» сочинения, созданные и отредактированные в книгопечатную эпоху, не обязательно являются чисто художественным вымыслом гуманистов Возрождения. Было выяснено, что почти все древние исторические документы и многие знаменитые художественные сочинения являются подлинными свидетельствами реальных событий более позднего периода, чем это пока принято считать. Они несут важную информацию о начале цивилизованной истории человечества, забытую в Новое время.

¹ Морозов Н.А. Христос. Том IV. Во мгле минувшего при свете звёзд, – М.: Крафт+Леан, 1998, с. 62.

А.Т. Фоменко и Г.В. Носовский указывают другие отличия своей реконструкции от морозовской¹. Так, Н.А. Морозов считал, что татаро-монгольское завоевание – это отражение в русских летописях нашествий западных крестоносцев на Русь. Согласно Новой Хронологии, Золотая Орда – это название регулярных войск Древнерусского государства, вторгшихся в XIV–XV веках в Западную Европу, а под именем Татаро-Монгольской империи выступала сама Великая Русь. Западные летописцы отразили страх населения Европы перед расширяющейся Русью-Ордой. Позднее их выдумки попали в русские исторические сочинения. «Западнические заблуждения» прочно прописались в мировоззрении русского образованного класса, не избежал их и Морозов. Например, он заметил удивительное созвучие этнонимов и гидронимов Руси, Европы и Дальнего Востока. В согласии с западной версией распространения культуры, Н.А. Морозов заключил, что эти названия распространялись с Запада на Восток. Но при изменении хронологии и последовательности событий открывается иная картина: *«Например, термин сар вполне мог прийти в Европу из «Монгольской» Руси. Сравним, например, со словами «сарай» или «рус» в обратном прочтении. ... Точно так же название татарских гор могло появиться в Чехии, Словакии и Польше лишь потому, что эта территория когда-то была завоёвана «татарами», то есть казаками, русскими, вторгшимися сюда с востока. Далее, складывается ощущение, что средневековая «Монгольская» = Великая империя в эпоху своего наибольшего расширения включала в себя не только Россию и Турцию, но и некоторые страны нынешней Европы, в частности Чехию, Словакию, часть Германии. Неда-*

¹ Носовский Г.В., Фоменко А.Т. Русь и Рим: Новая хронология. Русско-ордынская империя. Том 2, – М.: АСТ, 2004, с. 63–77.

ром на территории средневековой Пруссии, само название которой – «П + Руссия» указывает на близость и прежнюю связь с Руссией-Россией, – имелось немало городов и сёл со славянскими названиями»¹. Авторы указывают, что до сих пор на территории современной Германии есть 920 славянских названий поселений, что составляет 6,2 процента всех наименований.

Способ рассуждения А.Т. Фоменко и Г.В. Носовского – последовательное развитие теории из ранее обоснованных положений, явное разделение надёжно обоснованных фактов и гипотетических выводов, требующих дополнительного прояснения, – унаследован из историологии Н.А. Морозова, и привлекателен внутри естественнонаучного и математического дискурса. Но он вызывает неприятие в гуманитарном сообществе, нечётко разграничивающем достоверное, правдоподобное и общепризнанное знание. Постоянная демонстрация внутренней теоретической полезности открытий Новой Хронологии здесь игнорируется. Ведь гуманитарные науки сформировались под влиянием иных идеалов деятельности, которые будут рассмотрены позднее. Между историологией (Новой Хронологией) и традиционной историей есть доктринальные, методологические, ценностные и даже эстетические расхождения.

Развитие историологии Н.А. Морозова и эволюция его исследовательской программы в Новую Хронологию обусловлены методами, выработанными А.Т. Фоменко и его коллегами. Методы Новой Хронологии в целом развивают интуитивные озарения

¹ Носовский Г.В., Фоменко А.Т. Русь и Рим: Новая хронология. Русско-ордынская империя. Том 2, – М.: АСТ, 2004, с. 71.

Н.А. Морозова¹. Некоторые из них прямо заимствованы в историологии и уточнены, согласно современному развитию науки: непредвзятое астрономическое датирование; математико-статистическое распознавание династий правителей и обнаружение дубликатов; математико-статистический метод авторских инвариантов для установления авторства больших текстов. Другие методы Новой Хронологии изобретены, обоснованы и впервые приложены к историческим исследованиям А.Т. Фоменко и его коллегами. Это в первую очередь математико-статистические методы обнаружения разладки для нахождения однородных фрагментов исторических хроник, сравнения локальных максимумов функции объёмов исторических текстов для выяснения их зависимости, составления и сопоставления анкет-кодов для обнаружения дубликатов. Также был разработан аналитический метод упорядочивания и датировки географических карт.

Последовательное применение этих методов требует больших вычислительных ресурсов, и было недостижимо в докомпьютерную эпоху. С их помощью были обнаружены все дубликатные династии и полная система хронологических сдвигов в традиционной истории. Самые впечатляющие выводы Новой Хронологии относятся к Библейской, Египетской, Индийской, Греческой, Римской и Русской истории. Они неизбежно затрагивают историю других регионов Земли – Азии, Америки, Ближнего Востока.

По степени обоснованности положений, категоричности выводов и возможности их уточнения в ис-

¹ Фоменко А.Т. Методы статистического анализа нарративных текстов и приложения к хронологии, – М.: Изд-во МГУ, 1990, с. 101–190.

следовательской программе Новой Хронологии можно выделить несколько «слоёв» (в «топологической» терминологии самого А.Т. Фоменко). В первом слое средствами математической статистики решалась задача обнаружения зависимых текстов. Были созданы новые статистические модели исторических повествовательных источников, адекватность которых была проверена на большом объёме текстов. В результате, были обнаружены статистические закономерности создания хронистами больших нарративных текстов¹. А.Т. Фоменко уточняет: *«Датировки, получаемые нашими методами, не могут рассматриваться как абсолютные и окончательные. Поэтому мы будем говорить лишь о «статистических датировках». ... В то же время обнаруженное нами на интервале XIII–XX вв. н.э. согласование этих статистических дат с ранее из-*

¹ Упомянем некоторые из этих закономерностей. Правило потери информации гласит, что от насыщенных событиями лет, которым изначально посвящалось больше текстов, больше текстов и остаётся. Ведь авторы, опоздавшие к описываемому событию, вынуждены пересказывать дошедшие до их времени сообщения о нём. Поэтому у зависимых хроник, опирающихся на общие источники, локальные экстремумы функций объёмов глав в относительной хронологии текста, должны сильно коррелировать. Если же хроники независимы, например, – описывают разные периоды или разные регионы, то их локальные экстремумы функций объёмов не должны коррелировать. Далее определён способ хронологического упорядочивания текстов. При правильной нумерации глав летописец, переходя от описания одного поколения к следующему, постепенно сменяет упоминаемых персонажей. Ведь каждое поколение рождает новых героев, постепенно забывая старых. Исходя из этого, была построена модель затухания частот упоминаний имён в хронологически правильно упорядоченной летописи.

вестными датами указывает на объективный характер наших результатов»¹.

Второй слой – это критика традиционной хронологии событий древней истории, а также её методов (по внутреннему содержанию источников, археологическим типам, радиоуглеродному анализу органики).

Третий слой – создание глобальной хронологической карты (ГХК). Вдоль оси времени многоуровнево расставлены все основные события древности и исторические персонажи в традиционно принятой датировке. В карте зафиксированы десятки тысяч имён и дат, – это независимый от возможной интерпретации массив статистических данных. Здесь же прилагается список основных сохранившихся источников историко-хронологических знаний, лёгших в основу карты.

В четвёртом слое материал глобальной хронологической карты проанализирован выработанными для этого эмпирико-статистическими методами (локальных максимумов, распознавания династий, дубликатов, анкет-кодов): *«В результате статистических исследований были обнаружены и отмечены (на ГХК) пары статистически зависимых текстов и соответствующих им эпох. Оказалось, что результаты применения разных методов удивительно согласуются. А именно: если пары текстов (периодов) оказались статистически зависимой с точки зрения одного метода, то эта пара оказывается зависимой и с точки зрения остальных методов (если они в принципе применимы к рассматриваемым текстам). Такое согласование результатов представляется важным. Также важно, что на интервале XIII–XX вв. наши методы не обнаружили никаких неожиданных дубликатов, зависимых*

¹ Фоменко А.Т. Методы статистического анализа нарративных текстов и приложения к хронологии, – М.: Изд-во МГУ, 1990, с. 7.

текстов, ранее неизвестных. В тоже время ранее XIII в. и особенно ранее X в. эти же методы неожиданно обнаружили много новых статистически зависимых текстов (дубликатов), считавшихся ранее независимыми во всех смыслах и относимых обычно к разным эпохам»¹. На глобальной хронологической карте были обнаружены четыре экземпляра одной и той же короткой хроники, сдвинутые относительно друг друга на значительные отрезки времени.

Пятый слой – интерпретационный и состоит из гипотез, объясняющих обнаруженные закономерности и причины возникновения дубликатов. Эта часть пока мало разработана, может быть уточнена и имеет предположительный характер.

Основные идеи Новой хронологии. Вслед за Н.А. Морозовым А.Т. Фоменко утверждает о принципиальной ошибочности традиционной исторической хронологии древности. Общепринятые заблуждения в этом вопросе вызваны двумя основными причинами: неверной датировкой письменных источников и неудовлетворительными методами создателей глобальной хронологической шкалы. Источники недочётов традиционной хронологии многочисленны. Например, неразрешимой на средневековом научном уровне проблемой оказалось согласование региональных хронографов. Всеобщее сквозное летосчисление от мифического Сотворения Мира стало устанавливаться лишь с конца XV века, и более двух столетий сосуществовали десятки различных систем, принятых в отдельных регионах или конфессиональных группах учёных. Почти все старые письменные источники в традиционной истории оказались датированными неверно. История

¹ Фоменко А.Т. там же, с. 12.

человечества становится достоверной лишь с XVIII века н.э. С этого времени сохранились прямые свидетельства, достаточно полные и многочисленные для детального восстановления истории в целом. Менее правдоподобна история XI–XVII вв. н.э. – письменные источники этого периода редки и нуждаются в тщательном исследовании подлинности, а их содержание допускает различные интерпретации. Об истории человечества ранее XI в. н.э. можно говорить очень условно, поскольку не существует столь древних письменных свидетельств. Археологические находки, относимые к тому периоду, пока ещё не могут быть точно датированы и истолкованы. Фонетическая письменность возникла и достигла заметного распространения незадолго до изобретения книгопечатания в XV в. н.э., поэтому более древних рукописей нет.

Выводы Новой Хронологии во многом опираются на статистический анализ числовых данных нарративных (повествовательных) текстов, описывающих многовековые исторические периоды. Они не имеют ничего общего с выбором совпадений между отдельными фрагментами текстов или биографиями. Построенные методы позволяют надёжно определять – дублирует ли описание последовательности событий одного текста, аналогичное описание в другом. Кроме того, они позволяют изучать однородность текста и в связи с этим – проблему его авторства.

Персонажи исторических сочинений, традиционно относимые к разным временам, могут быть отражениями (дубликатами) друг друга. За ними могут стоять характерные ипостаси настоящих исторических фигур, или же они могут быть синтезированы из ряда фигур, или даже быть плодом воображения писа-

теля. Значимые, цивилизационно резонансные сочинения почти всегда отражают историческую реальность. Человеческая фантазия черпает богатство сюжетов из действительной жизни.

Статистические методы Новой Хронологии позволяют сравнивать разноязычные тексты, где различаются имена героев и географические названия, выявляя зависимость между ними. Методы работают и в том случае, если тексты имеют искажения и пропуски. Эта теория выдержала проверку на историческом материале, достоверность которого несомненна.

Статистические методы доказали, что все якобы древние тексты пересказывают книги Нового Времени. Это позволяет правильно датировать летописные сообщения. Например, Ветхий Завет повествует о событиях XIV–XVII вв. н.э., а хроники Китая являются адаптациями текстов, привезённых европейскими миссионерами. Наиболее древние события, ключевые для мировой истории и сохранившиеся в памяти человечества, изложены в Новом Завете – они произошли в Царь-Граде во второй половине XII в. н.э. Современный «учебник истории» скомпилирован из нескольких экземпляров одинаковых хроник. Основной массив получен из некоторых реальных событий XIII–XVII вв. н.э., сдвинутых в прошлое на 337, 715, 1053 и 1800 лет. Затем на него было наложено со сдвигами многократное повторение цареградских событий X–XIII вв. н.э. и результат этой сложной компиляции был объединён в общее сплошное повествование: *«Царь-Градское Царство XI–XII веков и Ордынская Империя XIII–XVI веков яв-*

ляются оригиналами всех основных «древних царств» скалигеровской истории»¹.

Новая Хронология раскрыла новые возможности астрономического датирования. Анализ астрономических сообщений является независимым от статистики методом датирования артефактов. Изображения или описания звёздного неба сохранились на многих древних памятниках, что при достаточной полноте сообщения позволяет датировать их с высокой точностью. Непредвзятые расчёты доказывают, что все известные исторические констелляции не столь древние, как предполагалось прежде.

Исторически первым было исследование «Апокалипсиса» Иоанна Богослова. Н.А. Морозов обнаружил, что эта новозаветная книга содержит средневековое астрологическое описание звёздного неба. После освобождения он опубликовал своё открытие в книге «Откровение в грозе и буре» 1907 года, и позднее развил свои рассуждения в первом томе «Христос. Небесные вехи земной истории человечества» 1924 года. Положение светил в гороскопе Апокалипсиса имело лишь четыре удовлетворительных решения, и ни одно из них не подтверждало традиционную датировку концом I в. н.э. Морозов получил 395, 632, 1249 и 1486 годы н.э. Его расчёты перепроверил Фоменко в первом томе книги «Новая хронология Греции. Античность в средневековье» 1996 года.

Не менее важны исследования многочисленных «древнеегипетских» Зодиаков. Эта работа также была начата Морозовым, а позднее развита и продолжена в

¹ Носовский Г.В., Фоменко А.Т. Как было на самом деле. Реконструкция подлинной истории, – М.: Астрель, 2012, стр. 742.

серии книг по Новой Хронологии¹. Оказалось, что все известные египетские зодиаки не старше тысячи лет.

Несмотря на то, что письменные астрономические сообщения обычно беднее, неопределённое и более подвержены редакторским правкам, чем астрологические изображения, похожие результаты даёт и анализ текстов, описывающих затмения, вспышки звёзд, взаимное расположение светил (конstellации). Так, важным источником древних астрономических данных является звёздный каталог из «Альмагеста» – астрономического сочинения, приписываемого Клавдию Птолемею. «Альмагест» состоит из тринадцати книг. В 7–8 книгах дан каталог 48 созвездий, включающий 1028 звезд. Остальные книги теоретические, излагающие геоцентрическую систему Птолемея, или практические, объясняющие способы наблюдений за светилами и устройство наблюдательных инструментов. По обще-

¹ *Носовский Г.В., Фоменко А.Т.* Новая Хронология Египта. Астрономическое датирование памятников Древнего Египта. Исследования 2000–2002 годов, – М.: Вече, 2002, 2003, 464 с.; *Носовский Г.В., Фоменко А.Т.* Древние Зодиаки Египта и Европы. (Датировки 2003–2004 годов), – М.: Вече, 2005, 240 с.; *Носовский Г.В., Фоменко А.Т., Фоменко Т.Н.* Звёзды. Том 2. Астрономические методы в хронологии. Альмагест Птолемея. Птолемей. Тихо Браге. Коперник. Египетские зодиаки, – М.: Римис, 2006, 688 с.; *Носовский Г.В., Фоменко А.Т.* Египетский альбом: взгляд на памятники Древнего Египта от Наполеона до Новой Хронологии, – М.: Римис, 2006, 296 с.; *Носовский Г.В., Фоменко А.Т.* Древние зодиаки Египта и Европы. Датировки 2003–2004 годов (Новая хронология Египта, часть 2), – М.: АСТ, 2009, 282 с.; *Носовский Г.В., Фоменко А.Т.* Египетские, русские и итальянские зодиаки. Открытия 2005–2008 годов, – М.: АСТ, 2009, 478 с.; *Носовский Г.В., Фоменко А.Т., Фоменко Т.Н.* Небесный календарь древних. Египетские зодиаки. История Средних веков на карте звёздного неба. Китайская астрономия, – М.: АСТ, 2011, 592 с.

признанному мнению, Птолемей создал «Альмагест» во II в. н.э., но Морозов доказывал, что каталог был создан в конце XV в. н.э., незадолго до печатной публикации и позднее был искусственно удревнён прецессионным сдвигом на 20 градусов. По расчётам Калашникова, Фоменко и Носовского¹, звёздный каталог

¹ Калашников В.В., Носовский Г.В., Фоменко А.Т. Геометрия подвижных конфигураций звёзд и датировка Альмагеста// Проблемы устойчивости стохастических моделей,– М.: ВНИИ-СИ, 1988, с. 59–78; Калашников В.В., Носовский Г.В., Фоменко А.Т. Датировка Альмагеста по переменным звёздным конфигурациям// Доклады АН СССР.–1989.–Т.307.–№4.–с.829–832; Fomenko A.T., Kalashnikov V.V., Nosovsky G.V. When was Ptolemy's star catalogue in Almagest compiled in reality? Statistical analysis// Acta Applicandae Mathematicae.–1989.–V.17.–P. 203–229; Калашников В.В., Носовский Г.В., Фоменко А.Т. Статистический анализ звёздного каталога «Альмагеста»// Доклады АН СССР.–1990.–Т.313.–№6.–с.1315–1319; Fomenko A.T., Kalashnikov V.V., Nosovsky G.V. The Dating of Ptolemy's «Almagest» Based on the Coverings of the Stars and on Lunar Eclipses// Acta Applicandae Mathematicae.–1992.–V.29.–P.281–298; Калашников В.В., Носовский Г.В., Фоменко А.Т. Звёздный каталог Птолемея датирует математика// Гипотезы, прогнозы. Будущее науки. Вып. 23,– М.: Знание, 1990, стр. 78–92; Калашников В.В., Носовский Г.В., Фоменко А.Т. Датировка звёздного каталога «Альмагеста»,– М.: ВНИИСИ, 1990, 58 с.; Калашников В.В., Носовский Г.В., Фоменко А.Т. Численный анализ звёздного каталога «Альмагеста»,– М.: ВНИИСИ, 1990, 62 с.; Калашников В.В., Носовский Г.В., Фоменко А.Т. Ретроспективный анализ звёздного каталога «Альмагеста» и задача его датировки,– М.: ВНИИСИ, 1990, 60 с.; Fomenko A.T., Kalashnikov V.V., Nosovsky G.V. Geometrical and Statistical Methods of Analysis of Star Configurations. Dating Ptolemy's Almagest,– USA: CRC Press, 1993, 320 p.; Калашников В.В., Носовский Г.В., Фоменко А.Т. Датировка звёздного каталога «Альмагеста». Статистический и геометрический анализ,– М.: Факториал, 1995, 286 с.; Калашников В.В., Носовский Г.В., Фоменко А.Т. Астрономический анализ хронологии. Альмагест. Зодиаки,– М.: Деловой экспресс, 2000, 896 с.; Калашников В.В., Носовский Г.В.,

«Альмагеста» был создан между 600 и 1300 годами новой эры. Невысокая точность каталога не позволяет установить это время увереннее. Теоретическая же часть «Альмагеста» неоднократно уточнялась в Новое Время, и в итоге излагает не «систему Птолемея», а «систему Тихо Браге», согласованную как с астрономическими реалиями, так и со средневековыми церковными догматами. Видимо, в последний раз эту работу проделал итальянский астроном-иезуит Дж.-Б. Риччиоли, опубликовав в 1651 году «Новый Альмагест»¹.

Н.А. Морозов отмечал, что основной целью традиционной датировки документальных астрономических явлений была подгонка результатов к ранее сложившимся представлениям по этому поводу. Неполнота или неопределённость астрономических описаний при некоторых усилиях позволяла найти желаемое решение в любом выбранном веке. Но при этом накопление багажа ложных мнений не было продуктом одной лишь злонамеренности ранних хронологов. Надо помнить, что их деятельность началась на рубеже XVI–XVII

Фоменко А.Т. Звёзды. Том 1. Астрономические методы в хронологии. Альмагест Птолемея. Птолемей. Тихо Браге. Коперник. Египетские зодиаки, – М.: Римис, 2006, 496 с.; *Fomenko A.T, Tamdhu F., Zinoviev P. History: Fiction or Science? Astronomical methods as applied to chronology. Ptolemy's Almagest. Chronology III*, – Paris, London, New York: Mithes, Delamere Resources LLC, 2007, 824 p.; *Калашников В.В., Носовский Г.В., Фоменко А.Т. Звёзды свидетельствуют. Датировка звёздного каталога «Альмагеста», – М.: Астрель, Харвест, 2012, 592 с.*

¹ Главной целью 1500-страничного «*Almagestum novum*» Риччиоли было опровержение гелиоцентрической теории. Интересно отметить, что в Чехии в 1790 году была переиздана его книга «*Apostata Copernicanus, sive novum examen systematis Copernicani*» (Тщётность Коперника или новая проверка коперниковой системы). Риччиоли также занимался хронологией, опубликовав «*Chronologiae reformatae*» в 4-х томах (1669).

веков, когда астрономы не имели хорошо работающей астрономической теории. Большинство из них придерживались принципиально ошибочной системы Птолемея, канонизированной богословами, в силу чего гелиоцентрическая система не получала достаточного распространения и развития. В это время только началось создание методов надёжных численных расчётов¹, необходимых для астрономического датирования. В методологическом аспекте, – на том уровне развития науки господствовала конвенциональная теория истины, – правильным считалось суждение, набирающее в своё подтверждение больше древних авторитетных мнений. Естествознание только начинало избавляться от господства средневековой магии. Аргументы в пользу целенаправленного наблюдения и эксперимента в профессиональных научных кругах с трудом пробивали себе дорогу. Поэтому рождение современной науки сопровождалось публикацией большого количества малоизвестных ранее античных научных трудов, исторических сочинений, или их новых исправленных редакций. Издания классиков служили для обоснования научной правоты, либо же давали возможность анонимно обнародовать оригиналь-

¹ Нидерландский математик Симон Стевин первым изложил теорию десятичных дробей в сочинении «Десятина» (La Disme, 1585). Шестидесятеричные дроби, используемые для счёта точного времени, – более древние. Их теорию изложил французский математик Оронс Фине в 15 томной «Высшей математике» (Protomathesis, 1532). При отсутствии позиционной системы исчисления самые простые арифметические действия требовали много вычислительного труда.

ное исследование. Ведь новизна в науке противоречила представлениям об истинности и пользе¹.

Следуя идее Н.А. Морозова, новохронологи применяют «непредвзятое астрономическое датирование», смысл которого состоит в расширении интервала возможных решений на весь исторический период без учёта ограничений, накладываемых неастрономическими соображениями, почти всегда определяемыми скалигеровской хронологией. В силу вычислительной сложности этого метода, Морозов с большим трудом мог руководствоваться им в полной мере. Для упрощения расчётов и перепроверки он вместе со своими сотрудниками по институту им. П.Ф. Лесгафта составил специальные вычислительные таблицы, опубликованные в IV и V томах «Христа». В наше время для астрономических расчётов могут использоваться стандартные астрономические программы. Результаты их работы достаточно хорошо согласуются между собой на историческом периоде, – ведь они опираются на общие теоретические соображения. Для датирования древних гороскопов А.Т. Фоменко и Г.В. Носовский используют собственную компьютерную программу HOROS. Астрономические вычисления в ней выполняют программы PLANETAP и ELP2000-85.v.1.0, созданные специалистами из парижского Бюро Долгот. Надо отметить, что прямое использование современных астрологических программ для датирования гороскопов не вполне удобно. Ведь в современной спекулятивной астроло-

¹ Томмазо Кампанелла в трактате «О том, что не следует придерживаться язычества» (*De gentilismo non retinendo*, 1636) одним из первых призвал отказаться от подчинения авторитетам в науке. Он смело утверждал, что «не всякое новаторство в государстве и церкви заслуживает подозрения».

гии, – исключительно для удобства расчётов, – гороскопы привязаны к равномерному знаковому Зодиаку, а в древней наблюдательной астрологии положение светил привязывалось к неравномерным Зодиакальным созвездиям. При отсутствии удовлетворительной планетной теории не могло быть иначе. Неслучайно от астрологов XV–XVII веков осталось немало спекулятивных, рассчитанных на далёкую дату гороскопов, не имеющих никакого решения. В них нарушены астрономические законы, неизвестные составителям гороскопов, например, – ограниченность элонгации Венеры и Меркурия, прояснённая только в теории Коперника. Это повышает историческую важность древних астрологических изображений, которыми наполнены древнеегипетские храмы. Немалое число их сохранилось и от европейского Средневековья.

Непредвзятое датирование достаточно подробных сообщений о древних затмениях зачастую даёт более поздние даты, чем считалось ранее. Например, три затмения «Истории Пелопоннесской войны» Фукидида относят описываемые события к XI или XII веку н.э., а не к V веку до н.э. – по Петавиусу. Два затмения «Римской истории от основания города» Тита Ливия относятся к X–XI векам н.э., вместо традиционного определённого II века до н.э.

После некоторой проверки метода неизбежно возникает вопрос – почему при избытии астрономических противоречий в традиционной хронологии, астрономическая информация некоторых летописей и хроник иногда согласуется с ней? Это объясняется поздней тенденциозной редакцией источников при их копировании и издании, с подгонкой астрономических указаний под скалигеровские даты.

Чтобы не быть голословными, продемонстрируем последний тезис на одном примере «Кведлинбургских анналов»¹. Это недавно переведённое на русский язык сочинение весьма запутанно сообщает историю от Адама, внезапно обрываясь на 1025 году, и считается важным источником знаний об империи Оттонов. В сравнительно коротком тексте упомянуто 17 астрономических явлений – затмения, возраст Луны и т.п. Из них 3 полно описанных и заведомо ошибочно датированных солнечных затмения. Остальные события либо недостаточно определены для проверки, либо несложно вычислимы на уровне астрономических знаний XVI века. Весьма характерна историография вопроса²: единственную рукопись текста историки отнесли к XVI веку, по пометам XVI–XVII века на полях книги. Научное издание Института славяноведения РАН не сообщает историю рукописи до момента публикации. Источник русского перевода был взят из Интернета. На сайте немецкого Института исторических памятников Германии (*Monumenta Germaniae Historica*) оцифровано, по-видимому, первое печатное издание «Кведлинбургских анналов» в пятом томе публикаций этого института от 1839 года – в третьем томе серии *Scriptores*, отредактированном Г.Г. Пертцем. Но при этом в издании анналов современной исследовательницы М. Гизе (2004), утверждается, что редакция Пертца опубликована в 1832 году. Сведения о судьбе источника с XI века по XIX век, и как его обнаружил Г.Г. Пертц, здесь тоже не приводятся. В энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона можно узнать, что

¹ в сборнике «Немецкие анналы и хроники X–XI столетий», – М.: РФСОН, 2012, стр. 15–89.

² там же, стр. 5.

Кведлинбургский женский монастырь, с которым связывают написание хроники в XI веке, просуществовал до 1829 года. Рукопись «Кведлинбургских анналов» хранится в Саксонской государственной и университетской библиотеке Дрездена (SLUB) и любезно оцифрована владельцами. Ими представлено 92 бумажных листа. Титульная страница документа озаглавлена «*Chronicon QVEDLENBVRGENSE Ab initio mundi per aetates, usque ad Annum 1025/Ms.r. P.t. Albinus/*». По конечной неразборчивой фразе дрезденские библиотекари относят авторство рукописи первому саксонскому историографу, виттенбургскому профессору поэзии Петру Альбинусу (1543–1598), более известному своей «Мейсенской хроникой» 1590 года. Предлагаем сделать самостоятельные выводы из этой информации.

В традиционной исторической реконструкции развитие науки преподносится циклическим процессом. Так, поначалу в античные времена наука и культура достигла высокого уровня; затем, в период «Тёмных Веков» Средневековья античные знания были почти полностью забыты и переписывались без понимания их сути; наконец, в эпоху Возрождения античные знания, история, языки и литература были восстановлены с поразительной быстротой и полнотой. Учёные обратились к «классическим» латыни и греческому, художники и писатели стали подражать античным образцам. Хранителями и переписчиками античных трудов в тысячелетие мрака историки считают христианских монахов, иудейских и исламских начётников – будто бы они спасли оргиастическую языческую культуру для последующего Возрождения. Такая цивилизационная картина в Новой Хронологии счита-

ется неправильной, несоответствующей Морозовскому принципу непрерывности развития культуры.

Всемирная деградация цивилизации, приписанная скалигеровской историей раннему Средневековью, могла случиться при глобальном катаклизме, отчётливых следов которого не наблюдается. При затяжном характере гипотетической катастрофы, постигшей десятки поколений, будущее возрождение началось бы с чистого листа и заняло бы длительное время. Память о предыдущих достижениях затёрлась бы навсегда – материальные остатки древней культуры воспринимались бы как отдельные кости динозавров, по виду которых фантазируют о физическом облике этих зверей. Поэтому «Тёмные Века» являются вымыслом историков скалигеровской традиции. Так называемое Средневековье – это время начала земной цивилизации. В его заключительный период и в последующее «Возрождение» были созданы «античные» образцы культуры. Произведения, сотворённые за два-три века до эпохи Скалигера, были ошибочно отнесены к далёкой древности, а искусственно возникшая историческая лакуна была названа «Тёмными веками».

Достоверно наблюдаемые этапы развития человечества показывают, что поддержание научных знаний возможно только при сохранности научной школы и традиции, способствующей передаче знаний от поколения к поколению. Обретение же «потерянных» знаний обычно происходит после того, как наука открывает эти знания заново, и тогда вновь открытое лишь пристраивается к существующей научной системе, не реформируя её. По традиционным же представлениям, научных школ в Средневековье не существовало, античная традиция пресеклась, и, значит, невозможно

представить – как могли быть восстановлены сведения древних текстов, сам язык которых был уже неясен. Абстрактные научные понятия вырабатываются в результате систематической практики, выполняющейся в общекультурном окружении под творческим влиянием талантливых учёных. Но за столетия значительно изменяется уклад человеческой жизни, что непременно отражается в разговорном языке и научных понятиях. Неслучайно – сейчас трудно интерпретируются алхимические, астрологические и даже математические сочинения, написанные 400–500 лет назад, при том, что значимого разрыва научной традиции с тех пор не происходило¹. Ведь некоторые линии научной передачи уверенно прослеживаются до начала XVII века. А вот миллионы иероглифов на стенах древнеегипетских зданий, скорее всего, уже не поддадутся правильному и полному прочтению.

Античные сочинения не могли неостребованно сохраняться тысячелетие – такого испытания временем не выдерживают те хрупкие носители, которыми располагало человечество древности. В настоящее время известно немного подлинных документов допечатной эпохи. О тысячелетних трудах говорить не

¹ В качестве примечательного примера можно указать «Лекции о кватернионах» ирландского математика Уильяма Роуэна Гамильтона, опубликованные в Дублине в 1853 году. В этой книге построена векторная и операторная алгебра, основы которой изложены во всех современных курсах высшей математики. Но по признаниям специалистов, содержание книги очень сложно понять. Идеи Гамильтона сделал общедоступными его современник, шотландский физик Питер Гесри Тэт в «Элементарном трактате по теории кватернионов» (1867), но и здесь изложение векторной алгебры весьма далеко от современного способа. Эти книги вряд ли могут быть поняты вне существующей непрерывной традиции аналитической геометрии.

приходится – они известны лишь в позднейших копиях, соответствие которых отсутствующим подлинникам проверить уже невозможно. И это при гораздо более благоприятных условиях для их сохранности, по сравнению с ранним Средневековьем.

Человеческая цивилизация монотонно эволюционирует с ускорением накопления общекультурного багажа, развиваясь и усложняясь с течением времени. Эта гипотеза «Непрерывной преемственности человеческой культуры» была высказана и обоснована Н.А. Морозовым. Она подтверждается наблюдением за достоверно известными периодами истории (начиная с XV в. н.э.). Именно такая цивилизационная картина получается при новохронологической реконструкции мировой истории.

Новая Хронология выстраивает иную версию мировой истории, совершенно отличающуюся от традиционного скалигеровского варианта. Новохронологическая реконструкция насыщена историческими событиями, в ней отсутствуют многочисленные «упадки» и «тёмные века», порождённые гипотезами Скалигера-Петавиуса. Многие традиционно известные события в Новой Хронологии имеют иное историческое значение и обретают другой смысл. «Древние» учёные, писатели, исторические деятели жили не в то время и не в том месте, как считалось ранее. Многие из них вошли в историю в разных ролях, и в традиционной истории им приписаны разные деяния. Например, князь Иван Калита известен также под именем хана Батыея; французский маршал Жиль де Ре отразился в Библии как израильский герой Самсон. Иисус Христос отражён в скалигеровской истории как египетский бог Осирис, библейский пророк Иисус Навин, израильский

царь Давид, Святой Отец и учитель Церкви Василий Великий, римский император Юлиан Отступник, римский папа Григорий VII Гильдебранд и т.д. Реальным прообразом этой ключевой исторической фигуры в Новой Хронологии считается византийский император Андроник I Комнин. Исторические лица, которые традиционно считаются разделенными столетиями, зачастую оказываются современниками. Так, первохристианские богословы спорили не с последователями давно умерших античных философов, а с ними самими, но известными под другими именами.

Новая Хронология возвращает в историю отброшенные древние предания и реабилитирует их. Например, – легенду о крещении Руси апостолом Андреем. Таким образом, проясняется происхождение и смысл многих мифов. Становится понятным важный для человечества факт ускорения цивилизационного развития в Новое Время, что объясняется наращиванием научно-технического багажа.

Важно разобраться в *способе рассуждений авторов Новой Хронологии*. От принятия или отторжения такого способа, от умения использования аргументационных конструкций исследовательской программы во многом зависит её признание в научном сообществе. А.Т. Фоменко и его последователи проводят в исторической науке дедуктивно-номологическую модель объяснения¹, когда вывод из высказываний о предше-

¹ Суть дедуктивно-номологической схемы состоит в подведении единичных наблюдаемых фактов под общий закон. Факт считается объяснённым, если при определённых, заранее указанных условиях он оказывается логическим следствием общего закона. Установить факт, подлежащий объяснению в рамках теории, значит сформулировать его в терминах этой теории. Объяснение представляет собой включение факта в об-

ствующих или сопутствующих условиях делается из некоторых эмпирически проверяемых общих законов.

Последовательность и логика новохронологических рассуждений выглядит так. Сначала выявляются аномальные факты в рамках традиционной хронологии и исторической традиции. Затем демонстрируется невозможность этих фактов в связи с географическими, научно-технологическими, геополитическими обстоятельствами. На основе новохронологической гипотезы хода мировой истории, обоснованной математически доказанными статистическими параллелизмами, выстраиваются малые гипотезы, дедуктивно связанные с глобальной Новой Хронологией. При этом «аномальные события» естественно, непротиворечиво и логически обоснованно вписываются в общую реконструкцию. Важным приёмом убеждения читателя в Новой Хронологии является выявление логичной эволюционной последовательности событий. Эта теория не принимает ссылок на случай, произвол, отрицает необъяснимое и чудесное, и особенно – противоречащее уровню технологического, экономического, политического и психологического развития общества. Тем самым, Новая

щую структуру теории, т.е. отнесение наблюдаемых объектов к общему классу уже описанных объектов. Дедуктивно-номологическая схема, для того чтобы быть полноценной, должна быть «погружена» в более общую – гипотетико-дедуктивную модель. Последняя может быть построена последовательностью действий: 1) наблюдение (при определенных условиях); 2) выдвижение гипотезы, объясняющей наблюдение; 3) прогноз, т.е. выведение возможных следствий из гипотезы при условиях, отличных от первых; 4) проверка, состоящая в наблюдениях при тех условиях, для которых был сделан прогноз. (Гутнер Г.Б. Методология, онтология и возвратное движение мысли // Вопросы философии, 2011, № 8, с. 166–173).

Хронология переносит методологию естествознания в научную область, где ранее царили гуманитарные приёмы познания, сконцентрированные на прояснении внутреннего мира исторических персонажей, моральной оценке их намерений и действий, чисто филологической критике источников.

Для примера, рассмотрим, как в Новой Хронологии решается проблема «монетной тишины» на Руси XII–XIV веков н.э. Согласно традиционным представлениям, начавшаяся в X веке чеканка монет была прекращена в XII веке и возобновлена только в XIV веке. Объяснить это явление татаро-монгольским нашествием историки не могут, поскольку общепринятое время его начала – 1223 год. Попытки объяснения отказа от чеканки монет низким техническим уровнем их производства и неопытностью русских мастеров тоже не работают, поскольку явно противоречат состоянию найденных русских монет, датируемых X–XI веками. Основоположник советской нумизматической школы И.Г. Спасский в связи с этим отмечает: *«В монетном производстве всей Европы XI века сребреники Ярослава представляют своего рода феномен по мастерству исполнения монетного штемпеля»*¹. При возобновлении чеканки в XIV веке при князе Дмитрии Донском монеты были примитивными и грубыми. А.Т. Фоменко и Г.В. Носовский заключают: *«Реальное начало русской чеканки датируется XIV веком н.э. Ранее этого времени Русь если и чеканила, то грубую и примитивную монету. В этом отношении Русь не выделялась среди других государств. В Европе чеканка монет тоже началась не ранее X–XI веков. Дошедшие до нашего времени русские монеты XIV–XVIII веков демонстрируют естественный*

¹ Спасский И.Г. Русская монетная система: Историко-нумизматический очерк, – Л.: Аврора, 1970, с. 53.

процесс движения от первичной примитивной чеканки до прекрасных монет эпохи Петра I и его преемников»¹. Высокое качество золотой и серебряной чеканки X–XI веков объясняется ошибочной датировкой монет этого типа.

Ещё одна «монетная проблема» – европейский 500-летний перерыв в чеканке золотой монеты. Утверждается, что в античности и раннем средневековье до VIII века в Западной Европе чеканили высококачественные золотые монеты. Затем в VIII–XIII веках золотые монеты стали огромной редкостью, за исключением Византии. Традиционными причинами этого явления считаются варваризация Западной Европы, утрата ею технологий, экономическая слабость и отсутствие золота. Новая Хронология предлагает другой ответ: *«Античные золотые монеты якобы I–VIII веков на самом деле были изготовлены в XIII–XVII веках. Затем неправильной хронологией Скалигера–Петавиуса они были ошибочно отброшены в глубокую древность. В нашей новой хронологии они возвращаются на своё настоящее место, и картина становится естественной: сначала – примитивные грубые монеты X–XI веков типа клепанок; затем, по мере накопления опыта, с XIII–XV веков начинается золотой чекан. По-видимому, русский чекан развивался более или менее одновременно с западно-европейским»².*

Гуманитарии, в своём большинстве, категорически не принимают такой способ рассуждений. Писатель-фантаст и преподаватель исторического факультета МГУ Д.М. Володихин по этому поводу возражает: *«В основу отстаиваемой ими модели истории русского монетного дела положен простейший и притом чисто умозрительный принцип: монетное дело постоянно совершенствуется, более*

¹ Носовский Г.В., Фоменко А.Т. Русь и Рим: Новая хронология. Русско-ордынская империя. Том 2, – М.: АСТ, 2004, с. 41.

² Носовский Г.В., Фоменко А.Т. там же, с. 43.

поздние монеты обязаны быть совершеннее более ранних. А ларчик просто открывается – как общая закономерность, развернутая в тысячелетних масштабах, этот принцип, видимо, правилен, однако на пяточке нескольких столетий он дает многочисленные сбои, обусловленные массой экономических, культурных и социальных факторов»¹. Историк, отрицая один умозрительный принцип эволюции технологий, демонстрирует другой – произвольную возможность отмены общей закономерности.

КРИТИКА НОВОЙ ХРОНОЛОГИИ

Мы не собираемся подробно анализировать развитие полемики между сторонниками и противниками Новой Хронологии – эта история заслуживает отдельного исследования. Укажем лишь некоторые интересные эпизоды этого противостояния и попробуем восстановить логику оппонентов А.Т. Фоменко из потока зачастую сумбурных претензий в его адрес. Выявление чисто научной основы критики Новой Хронологии – кропотливое занятие. По некоторым опрометчивым высказываниям участвующих в полемике российских историков можно предположить, что в их традиции сейчас отрицается необходимость методологии научного исследования, отвергается наличие закономерностей и логики исторического процесса. Например, с недавней поры доктор исторических наук, доцент кафедры источниковедения истфака МГУ набожно де-

¹ Володихин Д.М. Анатолий Фоменко – терминатор русской истории/ История в мелкий горошек, – М.: Мануфактура, Единство, 1998.

кларифицирует: *«Гораздо важнее призыв смотреть на историю «очами веры», с которым нет причин спорить»*¹.

Причины такого отказа можно найти в идеологическом перевороте постсоветского времени и даже в самой полемике с Новой Хронологией. Развивать эту тему мы пока не станем, укажем лишь, что это контрпродуктивное обстоятельство несколько затрудняет изучение предмета.

Заметим, что с самого начала возможный диалог между сторонами не сложился. Отчасти потому, что историки, философы и некоторые астрономы, выступившие против работ Н.А. Морозова, М.М. Постникова и А.Т. Фоменко на начальном этапе Новой Хронологии, имели о предмете критики поверхностное представление. Некоторые из них вообще не читали обсуждаемых работ, познакомившись с их содержанием по чужим рассказам. Другие прочли отдельные книги по ходу дискуссии, уже обозначив негативную позицию². Вме-

¹ Володихин Д.М. Иван Грозный. Бич Божий, – М.: Вече, 2012, с. 154.

² Так, авторитетный библиограф А.Х. Горфункель в статье «О попытке закрыть историю» (Проблемы всемирной истории: сборник статей в честь А.А. Фурсенко, – СПб.: Дм. Буланин, 2000, с. 45–57) признался: «С собственными сочинениями М.М. Постникова и А.Т. Фоменко я ознакомился значительно позднее, когда вышла в свет их предварительная публикация «Новая методика статистического анализа нарративного материала древней истории» (М.: изд-во МГУ, 1980)». При этом название препринта 1980 года Александр Хаимович указал неправильно. В посмертно опубликованной статье историка А.З. Манфреда «Некоторые тенденции зарубежной историографии» (Коммунист, 1977, №10, с. 106–114) осуждено использование новых математических методов в истории, мешающих «прогрессу мировой исторической науки». Явно имея в виду деятельность С.П. Мищенко и А.Т. Фоменко, Альберт Захарович вынес свой приговор до ознакомления с их результа-

сто спокойного, эмоционально нейтрального обсуждения положений новой исследовательской программы, обоснованной критики исторической реконструкции и анализа интерпретаций исторических фактов профессиональные историки сразу принесли в дискуссию идеологические приёмы прошлого. Так, через массовые общественно-политические журналы они обвиняли оппонентов в шовинистически-имперской идеологии (Д.Э. Харитонович), в недостаточном патриотизме и популизме (С.О. Шмидт). Новую Хронологию официально вписали в псевдонаучную классификацию – «фолк-истори» (Д.М. Володихин). Сторонников новой теории обвиняют в научных «пороках» – дилетантизме, некомпетентности, тотальном нигилизме. Нарушая всякие границы приличия, муссируют мифы о безумии Н.А. Морозова, оглашают выдумки о доносах А.Т. Фоменко на «правильных» историков в ЦК КПСС (С.П. Новиков, Г.А. Кошеленко, А.П. Маринович). В свидетели неблагоприятных наветов назначают давно умерших людей, например, Ю.М. Лотмана или М.М. Постникова. Цель этих согласованных действий прозрачна и проста – опровергнуть новую теорию посредством дискредитации её создателей.

Российские историки скалигеровской школы пытаются скомпрометировать авторов Новой Хронологии любыми вненаучными и порою курьёзными способами. Так, узнав, что Г.В. Носовский является прихожанином общины Белокриницкого согласия, относящейся к Русской Православной Старообрядческой Церкви (РПСЦ), на него напали с этой стороны. В 1998 году за участие в новохронологических исследованиях Носов-

тами, кулуарно узнав о них в 1974 году. Критикуемое им стало публиковаться лишь в 1980-е годы.

ский был подвергнут церковным «прещениям» и «отлучен от святыни» тогдашним столичным старообрядческим владыкой Алимпием (1929–2003). Монашествующий старец прознал о «ереси» Новой Хронологии через своего наперсника, бывшего члена КПСС, выпускника Московского государственного историко-архивного института и адъюнктуры Академии МВД Дмитрия Евгеньевича Барановского, который в 1990-х годах, окрестившись по старому обряду, делал церковную карьеру в РПСЦ, окормляясь при митрополите Алимпии. После смерти Его Святейшества историк Барановский включился в интриги против одного из претендентов на старообрядческий престол епископа Корнилия, обвиняя последнего в коммунистическом прошлом и в тесном общении с новообрядцами. В 2005 году, после избрания Корнилия митрополитом, положение Барановского пошатнулось. В 2007 году за раздоры его отлучили от Церкви, а монашеское пострижение признали незаконным. Пути к начальственным вершинам РПСЦ для Барановского закрылись, и он с другими сектантами поучаствовал в создании новой Древлеправославной Церкви Христовой Белокриницкой иерархии (ДЦХ БИ), вскоре рассорившись и с ними. До 2010 года Барановский публиковал в Интернете обличения митрополита Корнилия, но потом потерялся из виду. Однако, перед своим исчезновением скандальный историк передал антиновохронологическую эстафету единомышленникам в старообрядческой Церкви.

В 2010 году по жалобе бывшего профессионального историка, а с 2006 года – священника Александра Владимировича Панкратова, занимавшего посты в РПСЦ и возглавлявшего Библиотечно-архивный отдел

Московской митрополии, прихожанина Церкви Г.В. Носовского решили предать церковному суду за развитие и распространение новохронологических идей. Резолюцию на Соборе продвигал коренной старообрядец Зотик Иосафович Еремеев, в 2004 году ставший епископом Донским и Кавказским Зосимой.

Учтём, что в старообрядческой иерархии мало людей с высшим образованием, и А.В. Панкратов – один из них. Традиционно сложилось, что догматическую работу у старообрядцев выполняли миряне-начётники, а в постсоветское время эту нишу заполнили амбициозные неофиты с богатым идеологическим опытом прошлого. С характером их творчества можно ознакомиться по обращению А.В. Панкратова к Церковному Собору 2010 года. Чтобы не потерять важный эпистемический документ эпохи, напрямую относящийся к нашей теме, приведём его целиком: *«Исчисление прошедшего времени, на котором строятся познания о прошлом, т.е. то, что называется историей, искони считалось Церковью одной из важнейших основ христианского мировоззрения. Календарные вопросы, в особенности, дата празднования Св. Пасхи и её вычисление, рассматривались на целом ряде Соборов, начиная с Апостольского (см. пр. свв. Апостол 7-е; подробнее – 7-ю гл. буквы «П» «Алфавитной Синтагмы» (сборника церковных правил) византийского канониста XIV в. Матфея Властаря (по любому изд.)). Точная дата Рождества Христова, 5500-й год от Сотворения мира, дана в «Кормчей» патр. Иосифа на 1-м л. главы «О Вселенских и Поместных Соборах», а также в ряде других святоотеческих творений (подробнее – в статье «К 2000-летию Рождества Христова» в календаре РПСЦ на 1992 г.). На этой строго-канонической основе в Византии, Древней Руси и других христианских странах при монастырях и храмах велись летописи, составлялись такие хронологические пособия, как, напри-*

мер, «Миротворный круг» св. Геннадия, архиепископа Новгородского (XV в.). В некоторых же особенно важных случаях Предание Церкви извещает нас не только о годе и дне, но даже о часе того или иного события. Так, в 32-й гл. «Большого Устава» («Око церковное») сказано: «Господь наш Иисус Христос распялся в лето 5533-е, марта 30, в пяток, в 6-й час дня». А в нашем ежегодном календаре под 25-м марта ст. ст. указывается, что «Благовещение Пресвятой Деве было в 5499 году от Сотворения мира, в субботу, в 5-й час дня».

Нарушение названных выше постановлений считалось тяжким прегрешением. 1-е правило Поместного Собора Антиохийского гласит: «Все дерзающие нарушати определение ... о святом празднике спасительных Пасхи, да будут отлучены от общения и отвержены от Церкви». В толковании же Вальсамона разъясняется: эти нарушители «не должны быть удостоиваемы ни кафедры, ни звания, ни какого-либо другого священнического преимущества» (цит. по: «Трёхтолкавая» Кормчая, т. 3, М., 2000. С. 139, 142).

Соответственно, когда в 1582 г. католиками в подвластных им странах был введён т.н. «новый», или григорианский (по имени римского папы Григория XIII, автора реформы) календарь, изменивший даты и празднования Пасхи, и Рождества Христова (стали утверждать, что оно было в 5508 г. от Сотворения мира), на православном Востоке это восприняли как очередную ересь латинян. Чему был посвящён Константинопольский Собор 1583 г., осудивший данное новшество. И в Чин принятия в Православие из католичества было внесено проклятие тех, кто, разрушая исконное Предание Церкви, утверждает, будто Спаситель родился на 8 лет позднее 5500-го года «от Адама». Эти Чин и проклятие имеются и в нашем старопечатном «Большом Потребнике» патр. Филарета. Отсюда, повторю, предельно ясно, что вопросы хронологии отнюдь не являются в Церкви чем-то «неважным» или «малозначительным».

Со времён никоновской «церковной реформы» середины XVII века верными хранителями неповреждённого православного Предания остались лишь христиане-старообрядцы. Когда в самом конце названного столетия Пётр I ввёл в России летоисчисление «от Рождества Христова», при переводе дат было, к сожалению, принято за основу то самое, проклятое свв. отцами латинское мнение о Воплощении Спасителя в 5508 г. И староверы обвинили царя в «краже восьми лет». Поскольку были твёрдо убеждены, что еретическое мнение в столь важном вопросе, как хронология Священной истории, никак не может быть истинным. В дальнейшем традиционные источники хронологических сведений – летописи, а также древнерусские, византийские и некоторые западные исторические сочинения, активно использовались старообрядцами как обоснования своей правоты в полемике с никонианами. Немало ссылок на эти труды можно встретить, в частности, в знаменитых «Поморских ответах» 1723 г. и в «Ответах диакона Александра» («Керженских») 1719-го. Да и сами оригиналы летописей зачастую хранились в староверческих собраниях, возможно, спасённые таким образом от, мягко говоря, немного чтивших старину новолюбцев. Один из первых российских учёных-историков XVIII в. В.Н. Татищев свидетельствует, что, например, весьма известная 1-я Новгородская летопись, один из её сохранившихся донныне списков 1444 г., был «отобран у раскольников» (Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. Л., 1987. С. 246). Старообрядчество, таким образом, было надёжным хранилищем всей полноты Предания Церкви, в том числе той его части, которая относится к исчислению времени. К сожалению, в недавние годы это положение несколько пошатнулось.

В начале 1990-х гг. на Рогожском крестился вместе с семьёй некто Глеб Владимирович Носовский. Вскоре выяснилось, что это учёный, математик и физик, работает в МГУ. Казалось бы, надо только радоваться, когда столь просвещённые люди прихо-

дят в старообрядчество. Но в один «прекрасный» день Великого поста 1998 г. в алтарь (!) Покровского кафедрального собора внесли целую стопку каких-то книжек, на обложках которых «красовалось» стилизованное под икону изображение св. влмч. Георгия, увенчанного почему-то шапкой Мономаха. Книга называлась «Империя», а авторами её были академик-математик А.Т. Фоменко и упомянутый выше Носовский. «Наш прихожанин написал!» – слышались восторженные слова.

Однако при знакомстве с содержанием сего опуса никакого восторга не возникало. Наиболее полно впечатление от книги выразил покойный священноинок Димитрий (Растегаев): «Это хула на Бога, хула на русских святых, историю и культуру, это труд злонамеренных людей, цель которых – духовно погубить Россию» (цит. по: Гусева М. Священноинок Димитрий (Растегаев) (1968–1998). Церковь. Старообрядческий церковно-общественный журнал. № 8–9. М., 2010. С. 69). И действительно, в «Империи» утверждалось, что от Христа до наших дней прошло не две, как считалось ранее всеми, в том числе, как показано выше, и свв. отцами, а лишь одна тысяча лет. Рождество Христово, если верить авторам, оказывается, «было» ... в 1054 году (!). А многие исторические личности, и даже государства, искусственно «раздвоены и расстроены» некими «злоумышленниками от истории», дабы заполнить «вымышленными» событиями якобы «добавленное» ими тысячелетие. Так, «новые хронологи» (и в «Империи», и в прочих «трудах») уверяют, что на самом деле Русь и Монголия – одна и та же страна, Великий Новгород – это Ярославль, Иисус Христос – пророк Елисей и греческий царь Алексий Комнин, Чингисхан – одновременно Юрий Долгорукий и св. влмч. Георгий (а родился он в донской станице Семикаракоры (!)), Батый – Иван Калита, Александр Невский – и хан Берке, и князь Симеон Гордый, а Иоанн Грозный – Василий Блаженный. Одно из «доказательств» последнего: т.к. один из старинных портретов царя написан на иконной доске с ковчегом

(углублением в центральной части), следовательно, монарх был канонизирован (!). Характерного для образов святых нимба, замечу, на том портрете нет. Продолжать перечень подобных «великих открытий» можно было бы ещё долго. Куда уж тут католикам и Петру I с их лишь восемью украденными годами! По сравнению с Фоменко и Носовским они не более чем «мелкие шалунишки».

Возник вопрос: какова должна быть реакция Церкви на новое учение, к коему прямо причастен один из её членов? И летом того же 1998-го вл. Алимпий письменно отлучил Г.В. Носовского от прикосновения ко всякой святыне, «вплоть до полного раскаяния». Его, однако, не последовало и по сей день. Напротив, после «Империи» увидели свет десятки (!) «новохронологических» откровений (каждое – не на одну сотню страниц!), с критикой уже не только русской, но и общемировой истории. Они выходили и выходят значительными тиражами, в отличном полиграфическом исполнении, их можно найти практически в любом крупном книжном магазине. Всё это, следовательно, серьёзно финансируется. Цель очевидна. Словами одного из современных публицистов, «у нас уже отобрали, украли и обесценили всё, что только можно. Осталось немного: своя культура и своя история». Видимо, кому-то очень хочется, чтобы мы, что называется, «сдали» и её. Сделавшись то ли монголами, то ли вообще не пойми кем, только не русскими, подтвердив таким образом «правоту» Фоменко и Носовского.

Это поняли многие, и с лжеучением развернулась борьба. Вышло несколько объёмных сборников научных трудов, детально опровергающих постулаты «неохронистов». Отреагировало и господствующее исповедание, выпустив брошюру «Ложь и антихристианская сущность «новой хронологии». В нашей же среде эти издания, увы, остались практически неизвестны. Напротив, сегодня налицо попытки «реабилитации» г-на Носовского. Видимо, чтобы вызывать к нему сочувствие, стали говорить о

его как бы старообрядческих корнях (мол, у него родня под Лысково, т.е. он чуть ли не земляк покойного вл. Алимпия). Его сын Арсений, скорее всего, вполне разделяющий взгляды отца, на рубеже 1990-х – 2000-х гг. был поставлен в стихарные чтецы и спокойно прислуживает в алтаре (!) столичного кафедрального храма.

Наконец, совершенно особое положение занимает сегодня в Церкви А.Ю. Рябцев. Являющийся не только личным другом, но во многом и единомышленником Носовского. Алексей Юрьевич как минимум дважды публиковал статьи на Интернет-ресурсе «новых хронологов» (<http://new.chronologia.org/>). В одной из них заявив (на основании лишь своих умозаключений, без ссылок на какие-либо исторические источники), что православная пасхалия принята не на 1-м Вселенском Соборе в IV в. по Р.Х., как сказано в «Кормчей», а якобы составлена только в XIV столетии. Библейские же события «никак не могли произойти за 1300 лет до создания Пасхалии. ... Если на самом деле окажется, что Господь ... воплотился на тысячу лет позже, чем считается сейчас, это для автора будет огромной радостью. Чем ближе к Спасителю (хотя бы только по времени), тем лучше» (Рябцев А.Ю. История пасхальных расчётов и эпоха создания пасхалии // Сборник статей по новой хронологии, выпуск 8, 19 мая 2009 года. Режим доступа: <http://new.chronologia.org/volume8/pashalii.php>).

Как будто время земной жизни Христа ещё не установлено Преданием Церкви и писаниями её святых учителей, летописцев и историков! Всё это для г-на Рябцева лишь «абстрактные и условные системы», «не плод научной мысли, а произведение благочестивого христианского искусства. Только так к ним и надо подходить». То есть как к чему-то, мягко говоря, не очень важному. А «уточняющие корректуры, сдвигающие Рождество Спасителя относительно 5500-го года на несколько лет туда-сюда, особой роли не играют». То, что этими «корректурами» зани-

мались, как было сказано выше, еретики, а свв. отцы их за то предавали анафеме, в расчёт не принимается! И это полное ниспровержение христианской традиции ещё облекается в некую «благочестивую» оболочку: мол, «примем «новую хронологию» – станем ближе к Богу! По сути же кощунственно оправдывается явное лжеучение, т. е. ересь.

Между тем, в серьёзной исторической науке отношение к «новой хронологии» давно сформировано. Дискуссии по этому вопросу в основном закончились ещё в начале 2000-х годов. Сенсации не произошло. Фоменко и Носовский не совершили никакого «переворота». Им удалось увлечь своими «откровениями» лишь сравнительно небольшое число сторонников, с сектантским по сути типом сознания, абсолютно не воспринимающих какую-либо критику. Достаточно ярко эту ситуацию охарактеризовал в одном из интервью выдающийся российский историк и археолог, многолетний руководитель кафедры археологии МГУ и Новгородской археологической экспедиции, академик Валентин Лаврентьевич Янин (по матери происходящий из старообрядцев подмосковного Орехово-Зуева): «Появляющиеся безо всякого внимания к серьёзной критике со стороны историков, лингвистов, астрономов, математиков новые издания «клонированных» книг Фоменко вызывают в памяти образ деревенского дурачка, бегающего с погремушкой. Детишки, глядя на него, радуются, а взрослым его жалко» (Газета «Новгород», 04.4.2002, С. 9).

Итак, если мы, имея страх Божий, желаем, по примеру св. отец, сохранить верность канонам Церкви и Священному Преданию, а также доброе имя перед внешним миром, в том числе научным, предлагаем:

- вынести соборное постановление, осуждающее т.н. «новую хронологию» как лжеучение, противное Священному Писанию и Преданию Церкви;
- подвергнуть Г.В. Носовского отлучению от Церкви, как не только не принесшего покаяния в своих заблуждениях в течении

12 (!) лет, но напротив, распространяющего их с ещё большим размахом и упорством;

– поставить вопрос о канонических прещениях единомышленникам Г.В. Носовского из числа чад РПСЦ»¹.

Сам Носовский не находит постановления начальствующих одноверцев справедливыми, каноническими и легитимными, и судиться со своей Церковью не собирается. Поскольку в Священном Писании и сочинениях Святых Отцов скалигеровская хронология не закреплена, будучи создана позднее всяких церковных канонов, Глеб Владимирович полагает, что Новая Хронология не может противоречить Православному Церковному учению. Ссылки же бывшего историка на авторитет современных словарей, церковных календарей, газет и научно не редактируемых сборников к аргументации критиков ничего не добавляют.

Уточним, что Русская Православная Церковь лишь приватно осудила Новую Хронологию, через малоизвестных сетевых деятелей или сотрудников антисектантского Центра им. Иринейя Лионского при Московской Патриархии – профессоров богословия А.В. Кураева и А.Л. Дворкина. Другие христианские конфессии своё официальное догматическое мнение по этой теме не высказывали, также как и иные вероисповедания.

Одиозная эпопея случилась с одесским археологом Андреем Олеговичем Добролюбским, доктором исторических наук, профессором и заведующим кафедрой истории Украины Южноукраинского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского. В

¹ Панкратов А.В. О необходимости рассмотрения вопроса об отношении РПСЦ к т.н. «новой хронологии» на Освященном Соборе 2010 года / Заявление Библиотечно-архивного отдела Московской митрополии РПСЦ.

2000 году А.Т. Фоменко и Г.В. Носовский опубликовали его статью в приложении к своей книге¹. Вхождение Добролюбского в Новую Хронологию было случайным и временным. Об этом эпизоде он поведал в мемуарах, передающих современное состояние научной «гуманитарной культуры» и этическую атмосферу в среде профессиональных историков: *«Тут я совершил едва ли не роковую ошибку и чуть не прокололся. Ибо в то же время увлёкся идеями «Новой хронологии» академика Фоменко. ... Летом 1999 года я томился от безделья. Мы тогда закончили копать в июле, август у меня был свободен. Из Николаева приехал Хася и вручил мне книгу Фоменко под названием «Новая хронология античности и средневековья». Я о ней что-то слышал. Мол, вся мировая история неверно датирована. В основном я слышал негативные отзывы об этой концепции и полагал, как нормальный и культурно образованный гуманитарий, что это феерическая херня. То есть, спонтанно рассуждал по принципу: «Мы не читали Солженицына, но точно знаем, что он классовый враг». Короче говоря, у меня в руках оказалась книга, которую, лежа на пляже, я начал читать. Очень хорошо. Мне всё равно делать нечего. Книга начала меня немедленно раздражать, как профессионала. Я решил, что она рассчитана на невежественных дегенератов. Совершенно ясно, что я сейчас найду у него ошибку. Причем, грубую. Читаю, ищу ошибку и не нахожу. Читаю дальше. Нет ошибки. Всё складывается чудесно, всё продумано и скомпоновано. Я дочитал её до конца и понял, что у меня поехали мозги... Тогда я решил, что Фоменко как-то ловко манипулирует общеизвестным материалом. Но моего материала он знать никак не может. Я профессионально знаю своих сред-*

¹ Добролюбский А.О. Великое перерождение народов / Носовский Г.В., Фоменко А.Т. Реконструкция всеобщей истории. Исследования 1999–2000 годов. (Новая хронология), – М.: ФИД Деловой экспресс, 2000, Приложение IV, с. 547–561.

невековых кочевников Причерноморья. Тут я его и поймаю. Положу-ка, думаю я, этот материал на его хронологию и проверю, что получится. Мгновенно я выполнил эту работу, материал у меня весь в голове. И у меня все совпало – все мои сведения великолепно уложились и объяснялись его хронологической схемой. Я охерел, сел за компьютер и всё это записал. В итоге получилась известная тебе статья «Великое перерождение народов». Я посмотрел на неё с недоуменным изумлением и подумал, куда бы её засунуть. Мне совершенно ясно, что никакая больница её не примет. В тот период я переписывался со своей подругой Лялей из Торонто. ... Она была дочкой моей любимой учительницы английского языка. Одновременно Ляля была и дочкой мужа учительницы – одного из крупнейших математиков Одессы того времени, Иосифа Семёновича Иохвидова. ... Муж у неё математик. Как и отец. То есть, она из математической среды. И Фоменко она хорошо знает – он был одним из учеников её отца¹. Ко-

¹ Мнение Добролюбского о том, что А.Т. Фоменко был учеником И.С. Иохвидова (1919–1984) – ошибочное. Путаница, возможно, произошла потому, что Иосиф Семёнович с 1968 года был профессором кафедры математического анализа Воронежского государственного университета, который окончила супруга Анатолия Тимофеевича Фоменко – Татьяна Николаевна Фоменко (Щёлокова), в настоящее время – профессор кафедры Общей Математики ВМК МГУ. Но Т.Н. Фоменко была ученицей Юрия Григорьевича Борисовича (1930–2007), профессора и заведующего кафедрой алгебры и топологических методов анализа. Ю.Г. Борисович через своего второго научного руководителя М.А. Красносельского принадлежал к математической школе М.Г. Крейна – учителя И.С. Иохвидова. Научные интересы последнего относились к теории операторов и были далеки от тематики работ Т.Н. Фоменко и, тем более, – А.Т. Фоменко. Ученичества у Иохвидова, даже в переносном смысле, быть не могло. Ясно, существовали деловые отношения и личное знакомство. Мемуарная фантазия Добролюбского хорошо иллюстрирует возникновение несуществующих связей персонажей нарративных текстов.

роче, она дала мне его электронный адрес. Но предупредила, что это такой сноб, аж не подходит. Может, ответит, а может, и нет. Скорее всего нет, поскольку ему не до того, он академик и важный. Я написал ему письмо, где рассказал свою историю и переслал свою статью. Он мне ответил в этот же день. Что это было за письмо! Он восторгался, что наконец-то среди всего этого безграмотного быдла нашелся хоть один грамотный человек. И какой слог, какой язык, и что рукопись уже изучает наизусть вся кафедра дифференциальной геометрии МГУ. Потом написал ещё несколько писем в очень высоко апофеозно-дифирамбном стиле. В общем, отношения состоялись. Статью они опубликовали – сначала в Интернете, на своем сайте, а потом и на бумаге, в сборнике «Реконструкция всемирной истории». Это имело свои разнообразные последствия. По прошествии нескольких лет, я узнал, что являюсь классическим учёным, который открыл какой-то период смещения. Я понятия об этом не имел, поскольку пользовался их вычислениями. И даже в Ульяновске появилась историко-математическая школа, которая разрабатывает период смещения на этом основании¹. И во-

¹ По этому поводу Добролюбский также заблуждается. Один из авторов в конце 1990-х в дискуссии с историком-астрологом Р.В. Бролем выяснил астрономическую природу хронологических сдвигов, обнаруженных А.Т. Фоменко статистически при анализе Глобальной Хронологической Карты. Величины сдвигов совпали с квазипериодами повторения геоаспектов главных светил. Тем самым, они – не случайные наборы чисел, как утверждали многие критики Новой Хронологии. В традиционную историю сдвиги могли попасть при решении астрологической задачи датирования спекулятивного гороскопа. Эта гипотеза представляется нам достоверной, поскольку астрологи принимали активное участие в создании скалигеровской хронологии. Археологический пример А.О. Добролюбского, вместе со статистическими примерами А.Т. Фоменко, иллюстрируют роль квазипериодов в хронологии. В этом была суть работы «ульяновской школы» и таково место Добролюб-

обще, это движение приобретает чуть ли не глобальные масштабы. Даже мельком залезая в Интернет, я обнаружил, что мне посвящен ряд трудов, смысл которых заключается в том, что меня заклевали ортодоксы, отчего я отрёкся. Я до сих пор получаю письма с благодарностью за тот научный подвиг, который совершил. Они, наверно, думают, что я, примерно, Галилей, который побоялся. Это, конечно, так. Но почему я отрёкся, я тебе сейчас расскажу. Никакие ортодоксы меня не замучили. Хотя формально это можно рассматривать именно так. Если ты помнишь, я пытался эту статью опубликовать в «Стратуме» и мне Марк отказал, хотя я настаивал. Они провели какое-то обсуждение и решили, что это исключено. Самые близкие круги коллег, в том числе и близких друзей, отказали в публикации. Нет, они просто не хотели публиковать. Я спрашивал почему. Марк, например, сказал, что не желает пачкаться об этих грязных людей. Фоменко оказался русским шовинистом. В тот момент я даже этого не знал... Это потом я в них разочаровался. Потому что они антисемиты. Я с ними познакомился в Москве. Сама по себе схема Фоменко разумна и хороша чисто научно, и не несёт никакой идеологической нагрузки. Затем она перешла в идеологическую фазу. Том «Империя» уже посвящён идее, что вся мировая история на самом деле началась в России. Бред получился жуткий. Всё действительно оказалось ужасно невежественно. И независимо от того, прав Фоменко в своей личной концепции или нет, всё это стало носить очень грязный характер. И мне перехотелось иметь дело с этой публикой. Моё новое увлечение имело свои последствия в отношениях с фондом «Відродження». Так вот, когда я составлял список участников дискуссии на гранты, то включил в него Фоменко и его соавтора Носовского. Ведь бабки шаровые, можно и включить иностранных участников. Я рассчитывал, что они приедут в Одессу, мы

ского в ней (см. *Астрономические причины хронологических сдвигов / Сб. «Хожение в Ойкумену»*, – М., 2003, с. 91–127).

подружился, а потом они меня тоже возьмут под какой-то свой грант. Люди они вроде бы процветающие. Тем более, это изначально был украинско-российский проект, точнее, петербургско-киевский. Я решил, что московские математические гранды ему не повредят. Поскольку от Питера проект курировал Кобак, то ему я список и отправил. Реакция оказалась более, чем бурной. Потому что Лёва мне, как правило, вообще никогда не звонит. А тут звонок. Он мне и говорит: «Послушай старик, если ты думаешь, что античности не было, то это твоё личное дело. Но старик Сорос думает иначе. Имей в виду, что если ты и дальше будешь иметь дело с этими дешевыми проходимцами, то нигде ни копейки в жизни не получишь. Немедленно вышвырни их из проекта. Поганой метлой. И скажи спасибо, что никто, кроме нас с Кобаком, этого не видел». Я сказал: «Есть!». Выкинул, переписал, деньги получил. Вот какое это имело значение для гранта¹. И, в сущности, основная при-

¹ Речи Добролюбского подтверждают организованность анти-новохронологической кампании конца 1990-х. Негласную конвенцию побудила публикация книги «Империя. Русь, Турция, Китай, Европа, Египет. Новая математическая хронология древности» (М.: Факториал, 1996). С того времени пошёл вал враждебных к Новой Хронологии публикаций. В потоке отметились экономически пошатнувшиеся издания: Известия, Итоги, Литературная Россия, Независимая газета, Новый мир, Правда, Природа, Родина, Русский вестник, Русская мысль. Для тиражирования критики финансировались однодневные альманахи и сборники, организаторы которых скоро повысили научный статус, получили гранты и зарубежные стажировки. В 1998 году при Президиуме РАН была создана «Комиссия по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований» (во главу её был поставлен новоизбранный академик Э.П. Кругляков, а полный состав никогда не оглашался) – одной из её объявленных задач была борьба с Новой Хронологией. Выход «Империи» совпал с общественным разочарованием в либеральном курсе, вовлёкшем Россию в сырьевую орбиту западного мира. В Новой Хронологии разглядели проект самобытной национальной идеи («красно-коричневой», по академику

чина моего «отречения». ... Она <статья> возникла на том основании, что археологическая типология и хронология не работала на моём материале. Я классифицировал его исходя из общепринятых типологических характеристик кочевнических погребений. Такие разработки были, мягко говоря, не совсем совершенны и носили умозрительный характер. И сами материалы датировались проблематично. Даже в тех редких случаях, когда в погребениях попадаются монеты, мы не можем абсолютно датировать объект. Ведь дата на монетах не стоит. На ней не указаны годы правления правителя. Изображен лишь сам правитель. Когда он правил – неясно. Например, на монетах Ираклия или Андроника написано: «ИС ХР Андроник». И изображены Христос на троне и Богородица. То же касается и античных монет. А дату ты не знаешь, на самом деле. Она тебе как бы задана извне – установлена на основании общепринятой хронологической схемы. Получается, что хронологические реперы, которые установлены «извне», для археологических датировок не являются эталонными. Ты не можешь о них судить в шкале современного линейного времени. Мне показалось это разумным. Когда я распределил свои памятники по периодам, получились какие-то необъяснимые источниковедческие несуразицы. Так, эпохи, которые достаточно обстоятельно освещены письменными источниками, совершенно не обеспечены археологическими сведениями. И наоборот. Допустим, на примере моего материала бросается в глаза эпоха Великого переселения народов, когда в Причерноморье хлынуло дикое количество народа, согласно письменным источникам. Начиная с гуннов, кончая аварами, болгарями, венграми. Но они никак не определяются в степенях археоло-

В.И. Арнольду), что беспокоило либералов. Противники Новой Хронологии сумели покорить либеральную волну, которую в Академии лоббировал В.Л. Гинзбург. Позднее они же эксплуатировали патриотические настроения, объявив себя спасителями русской истории, а Фоменко – её терминатором.

гически. В Европе, Паннонии, на Балканах, археологи пытаются их выделить, но большим трудом и сомнительным результатом. ... Стратиграфия никогда не дает абсолютной хронологии. Она позволяет лишь определить последовательность залегания слоев. Никто не против, что средневековье находится выше, чем античность. Но если Золотая Орда лежит непосредственно на античном слое, это вовсе не означает, что хронологический между ними разрыв составляет две тысячи лет. Этот разрыв может быть равен столетию, а то и меньше. Я помню многие причерноморские курганы назубок. Все кочевнические погребения, начиная с гуннов, являются впускными в насыпи более ранних курганов. Все могилы расположены в едином стратиграфическом горизонте. Время их впускания в насыпь никогда достоверно не прослеживается. ... Никаких стратиграфических различий между такими погребениями нет. Разница – только в типологии. Они действительно различны. Но типологические различия определяются нашими соображениями. Разница в обряде погребения не означает хронологический разрыв эпох. При археологических определениях легко спутать или неправильно установить социальные, имущественные и этнокультурные признаки. Это часто делается «на глаз». Например, мы с Шуриком Дзиговским многожды копали курганы. В каждой насыпи очень много безинвентарных погребений. Но по всем типологическим признакам, они являются кочевническими. Что это означает? Скелет лежит, как говорится, «с протянутой рукой», головой на запад. И он может принадлежать какой угодно эпохе. Поскольку мы тогда писали диссертации, у нас были плановые темы. У меня по печенегам и половцам, у него по сарматам. Сарматские погребения точно так же расположены по типологическим признакам, как те, неведомые. Но в тех случаях, когда в погребении имеется соответствующий инвентарь, мы определяем их либо как сарматские, либо как печенежские или половецкие. В тех случаях, когда нет инвентаря, то определяем, как хо-

тим. В лучшем случае, такие погребения попадают в отчёты, как неопределённые. Когда нам необходимо статистическое количество материала для диссера, мы зачищали такие костяки и решали, кому бы его отдать. Я Дзиге, помню, говорил, что мне хватает. Тогда пускай будет сармат. Хорошо, пишем «сармат». Потом он говорит, что ему достаточно. Тогда пишем «печенег», я возьму его себе. Самое забавное, что в результате все они оказались ногайцами. То есть, ни теми и не другими. Таких памятников огромное количество разбросано по степи. А хронологический период жизни ногайцев получается чрезвычайно широкий. Так оно и есть»¹. Мы оборвём рассказ, отсылая заинтересованного читателя к этому занимательному свидетельству недавнего прошлого.

Вернёмся к рассмотрению реакции на Новую Хронологию исторического научного сообщества. Эмоциональное и мало аргументированное начало дискуссии сделало нормальное и конструктивное обсуждение хронологических проблем фактически невозможным. Характерно, что некоторые историки уклонялись от разговора на эти темы, покидая мероприятия, устроенные для содержательного обсуждения концепции Н.А. Морозова и М.М. Постникова. Так, по воспоминаниям А.Х. Горфункеля, архивист и палеограф А.Д. Люблинская отказалась участвовать в беседе вообще, зато антиковед Э.Д. Фролов после своего выступления ушёл с заседания семинара в ЛОМИ², не выслушав оппонентов. На начальном этапе среди постсоветских историков о хронологии господствовало мнение, впоследствии записанное кандидатом исторических наук Д.Э.

¹ Добролюбский А.О. Одессея одного археолога, – СПб.: Нестор-История, 2009, с. 172–174.

² Ленинградское отделение института математики им. В.А. Стеклова Академии наук.

Харитоновичем: «Скалигеровская хронология – это простая истина, сама по себе никаких духовных или научных глубин не несущая, а потому Новая Хронология – ложь»¹. О Скалигере и Петавиусе историки узнавали из книг по Новой Хронологии. Ведь в рекомендованных учебниках и справочниках по хронологии имена её авторов не упоминаются вообще, а хронологические проблемы сводятся к календарным².

В свою очередь, в 1999 году А.Т. Фоменко отказался участвовать в конференции «Мифы «Новой хронологии»» на историческом факультете МГУ. Повестка с указанием явиться на это мероприятие (21 декабря в 16-00 в конференц-зал I-го гуманитарного корпуса МГУ на Воробьёвых Горах) была занесена на кафедру А.Т. Фоменко неизвестным лицом за несколько дней до объявленного срока. Подразумевалось, что академик выслушает осуждение своей теории, не излагая своих взглядов – в расписании пленарных докладов времени для выступления Фоменко не отводилось. Неизвестные организаторы (по сетевым сообщениям, ими тогда могли быть к.и.н. Д.М. Володихин и к.ф.-м.н. М.Л. Городецкий) в конце конференции историков отводили время для публичного покаяния вольнодумца с мех-

¹ Харитонович Д.Э. Феномен Фоменко // Новый мир, 1998, №3, с. 188.

² см. Каменцева Е.И. Хронология: учебное пособие для студентов вузов, 2-е издание, исправленное и дополненное, – М.: Аспект Пресс, 2003, 160 с. (1-е издание – 1967); Лурье Ф.М. Российская и мировая история в таблицах: синхронистические таблицы (XXX век до Р.Х. – XIX век), правители мира, генеалогические таблицы, словарь, – СПб.: Каравелла, 1995, 256 с.; Сычев Н.В. Книга династий, – М.: АСТ, Восток-Запад, 2008, 959 с. и другие. Т.о., Новая Хронология открыла перед исследователями истории давно позабытый мир, но это открытие обрадовало далеко не всех историков.

мата. Формат «дискуссии», перенятый из идеологических процессов 1930–40-х годов, не отвечал намерениям А.Т. Фоменко, и он приказ проигнорировал. Историки, негодуя, пообщались в отсутствие обвиняемого. Многие противники Новой Хронологии считают, что на том собрании были опровергнуты все положения теории Фоменко. На сайте исторического факультета МГУ размещён отчёт с фотографиями эпизодов конференции, посвящённой, буквально, *«обсуждению взглядов А.Т. Фоменко и его сторонников»*¹. Предполагаем, что новый термин означает «обсуждение, приводящее к осуждению».

Ведение дискуссий на конференциях единомышленников без оппонентов и похожие на оскорбления претензии на сайтах адептов той или иной позиции служат узкой цели внутренней организации сообществ или несущественной систематизации аргументов. Полноценной коммуникации между представителями этих конкурирующих программ не возникает. Научный конфликт оформился, развился и зашёл в тупик. Противники продолжают указывать на аномалии в концепциях друг друга, не добавляя ничего значительного к уже высказанному ранее. К переубеждению оппонентов никто не стремится. Оттачиваются аргументы, адресованные новому поколению, пока ещё лично не связанному с дисциплинарной матрицей современного исторического сообщества.

Положительным для Новой Хронологии фактором является интенсивная работа главных авторов этой теории. Они уже выпустили более 110 книг, охватив исследованиями несколько направлений – публикация

¹ <http://hist.msu.ru/News/Ongoing/Fomenko/index.htm> (29.10.2014)

методов и базы исследований, получение частных точных результатов, расширение реконструкции, охват новых источников, перевод новохронологических книг на другие языки. Эпизодически некоторые сторонники Новой Хронологии публикуют интересные результаты (Й.Б. Табов, И.И. Куринной и др.), но основная масса бывших стихийных помощников Носовского и Фоменко либо оставила хронологическую тему, либо разошлась по другим исследовательским проектам.

В тоже время, после пика активности рубежа 2000-го года, критики Новой Хронологии явно сбавили свой напор. По сути, за прошедшее время им не удалось организовать регулярных исследований для доказательства основ традиционной хронологии или хотя бы для фундаментального опровержения Хронологии Новой. Бессистемные возражения критиков, в основном, были опубликованы на полемических сайтах и в самодеятельных печатных сборниках, не проходивших научную редакцию, и вперемешку содержали как наброски научных расчётов, так и сатирические упражнения на историческую тему. О нежелании современных российских историков научно оппонировать Новой Хронологией честно высказался академик-секретарь Отделения истории РАН, специалист по современной американской истории А.А. Фурсенко (1927–2008): *«Вступать в прямую дискуссию с Фоменко бессмысленно, т.к. она беспредметна»*¹. Вскоре академик РАН, завкафедрой археологии истфака МГУ и начальник Новгородской археологической экспедиции В.Л.

¹ Протокол расширенного заседания Бюро Отделения истории РАН от 22 апреля 1998 года // Поиск, № 29–30, 11–24 июля 1998, с. 14.

Янин от имени редакции «Вестника РАН» декларировал окончательное опровержение Новой Хронологии¹.

Неизбежным этапом познавательного конфликта является «крестовый поход» против новой исследовательской программы, объявленной «лженаучной»². При этом, «научные крестоносцы» редко затрудняются проблемами демаркации видов знания и нечётко разбираются в многочисленных концепциях истинности. Их эпистемические суждения часто учитывают лишь внешние признаки научности – наличие дипломов по специальности исследования, грантов по теме, одобрительных рецензий живых классиков, цитируемости публикаций в международных базах работ и т.п.³

Популярность Новой Хронологии от таких нападков не снижается, – книги А.Т. Фоменко и Г.В. Носовского публикуются значительными тиражами, выпускаются новохронологические документальные фильмы. Критики новой теории для пресечения деятельности оппонентов издавна призывают к административному ресур-

¹ Вестник РАН, 2002, № 2, с. 146.

² Шмидт С.О. Феномен Фоменко в контексте изучения современного общественного исторического сознания, – М.: Наука, 2005, с. 3–7.

³ В этом контексте характерна анкета по выявлению лженауки «Комиссии Круглякова», составленная её членом, д.ф.-м.н., профессором и завкафедрой физики Санкт-Петербургской государственной химико-фармацевтической академии Евгением Давидовичем Эйдельманом «Псевдоучёные под микроскопом науки» (Бюллетень «В защиту науки», №1, 2006, с. 68–85). Её 18 вопросов относят конкретное исследование к «лженауке», без учёта сути решаемых задач. Но сам председатель Комиссии, академик Эдуард Павлович Кругляков (1934–2012) определял лженауку более простым правилом: «*Есть мировая наука, а всё, что не вписывается в её критерии – это лженаука*» (интервью ScienceRF, 15 марта 2007).

су. Ещё 29 июня 1981 года было проведено собрание Отделения истории АН СССР, посвящённое критике новых хронологических исследований. Математиков строго осудили член-корреспондент АН СССР, директор Института всеобщей истории АН СССР, византист З.В. Удальцова (1918–1987) и председатель комиссии по анализу работ Постникова, Мищенко и Фоменко, завсектором древней истории того же института, антиковед и д.и.н. Е.С. Голубцова (1921–1998). После этого собрания в академических журналах по истории появились статьи с критикой историологии и новой хронологии. 9 апреля 1984 года в Институте Истории СССР на заседании Научного Совета «Основные закономерности развития человеческого общества» при Отделении истории АН СССР участники единодушно порицали применение новых математических методов к анализу древней хронологии. Историки заключили, что применение «новых методик» искажает картину развития человеческого общества, и объективно нацелено *«против марксистско-ленинской теории о смене общественно-экономических формаций»*. На заседании Бюро Отделения истории РАН 22 апреля 1998 года объявили тему «Мифы и реальность в истории» и заслушали критические мнения историков о работах А.Т. Фоменко и его коллег. В итоговом слове председатель собрания, академик-секретарь отделения истории РАН А.А. Фурсенко заключил:

«1) Построения академика А. Фоменко, его т.н. хронология всемирной и русской истории противоречат данным документальных источников и представляют собой созданную его фантазией и псевдонаучными выкладками–подсчётами картину истории, не имеющую ничего общего с действительностью.

2) Согласно мнению авторитетных специалистов в области математики, астрономии, физики и химии, почерпнутые Фоменко данные из этих наук не могут приниматься во внимание, т.к. к научному знанию они отношения не имеют, а являются лишь спекулятивной их интерпретацией. В частности, археологами совместно с представителями естественных наук разработан радиоуглеродный и радиоуглеродный методы, полностью опровергающие данные Фоменко.

3) Попытки академика А. Фоменко представить в извращённом виде картину русской и всемирной истории являются вредными и опасными, так как сеют смуту в умах людей, подрывая систему исторического знания и образования.

4) Вступать в прямую дискуссию с Фоменко бессмысленно, т.к. она беспредметна. Кроме того, выступления против его хронологий воспринимаются порой как гонение на «передовую мысль». Главная же задача историков в борьбе с подобной псевдонаукой – это создание новых учебных пособий для средней школы и вузов, издание книг по российской и всемирной истории, лишённых догматизма, надуманных схем и выполненных в хорошей литературной форме.

Бюро Отделения истории постановляет: принять перечисленные четыре пункта резюме академика А. Фурсенко в качестве решения Бюро Отделения истории и направить их в Президиум РАН»¹.

¹ см. «Протокол № 4 расширенного заседания Бюро Отделения истории РАН от 22 апреля 1998 года». Он был опубликован в учреждённой РАН газете «Поиск» (№ 29–30, 11–24 июля 1998, с. 14) без указания даты мероприятия и номера протокола. Из текста следует, что участники собрания не знали о синонимичности терминов «радиоуглеродный» и «радиоуглеродный». И они не знали, что А.Т. Фоменко предлагает не множество «хронологий», а одну, отрицающую скалигеровскую. Через несколько лет, после критики этого заключения, протокол заседания был поправлен, – в него включили дату и номер, «ра-

Отсутствие содержательной дискуссии может объясняться принципиальным расхождением исследовательских программ и различием практики получения и обоснования знания. Можно указать несколько показательных в методологическом плане статей, где противники Новой Хронологии возражали не только реконструкции или интерпретации фактов, но пытались опровергнуть методы и программные принципы историологии и Новой Хронологии.

Одним из первых критических ответов о методологии Новой Хронологии была рецензия антиковедов доктора исторических наук Елены Сергеевны Голубцовой (1921–1998) и кандидата исторических наук Виктора Моисеевича Смирин (1928–2003)¹.

В сравнительно объёмной работе авторы попытались оспорить способ рассуждений и методологию оппонентов, и лишь затем – полученные выводы. Но, очевидно, неприемлемость этих выводов в отношении античной истории и была причиной критики.

В начале статьи авторы приписали Н.А. Морозову «тезис о фиктивности древней истории и античной культуры». В этом утверждении мы замечаем принятую в среде профессиональных историков подмену реальных событий прошлого повествованиями о нём². Такое за-

диокарбонный» метод был заменён на «дендрохронологический». В 4 пункт добавили фразу: *«Излишняя шумиха вокруг даёт лишь дополнительную рекламу этим работам историков-дилетантов»*. Исправленный документ историки-профессионалы выставили в Интернет и ссылаются на него.

¹ Голубцова Е.С., Смирин В.М. К попытке применения «новых методик статистического анализа» к материалу древней истории // Вестник древней истории, 1982, № 1, с. 171–195.

² После однотипных претензий в адрес своей теории А.Т. Фоменко и Г.В. Носовский сформулировали ответ: *«Современные*

мещение вытекает из эпистемической позиции, близкой платоновскому реализму, когда объектом исследования избирается конвенционально упорядоченный мир идей, воспринимаемый в качестве объективной реальности. Собственное мироощущение не осознаётся авторами статьи, – свои взгляды они относят к историзму.

Голубцова и Смирин ограничивают применимость количественных методов в истории. Ссылаясь на мне-

историки скалигеровской школы, – а другой школы истории древности и средневековья сегодня просто нет, – являются, как правило, специалистами ПО ФАЛЬШИВОЙ СКАЛИГЕРОВСКОЙ ВЕРСИИ, И ТОЛЬКО ПО НЕЙ. Сегодня принято за аксиому, будто скалигеровская версия истории и реальная история – одно и то же. Как мы теперь понимаем, это неверно. Другими словами, сегодняшние историки, думающие, что они изучают «древнюю» и средневековую историю, на самом деле анализируют не реальную историю – через дошедшие к нам от древности документы, а ИСКУССТВЕННЫЙ МИР, СКАЗОЧНЫЙ ФАНТОМ, созданный историками и редакторами XVII века. Сегодня историки пользуются искажёнными и отредактированными в XVII–XVIII веках текстами, ошибочно считая их за «подлинные древние первоисточники». Современные историки с головой погружены в этот искусственный мир, проводят в нём всю свою профессиональную жизнь, не подозревая, что эта «виртуальная реальность» ПРИДУМАНА их недавними предшественниками, скалигеровскими историками, в XVII–XVIII веках. Можно сказать, что современные историки являются специалистами, но специалистами – по сказочному, выдуманному миру. Искусственный мир скалигеровской истории получился довольно сложным, разветвлённым и производит на первый взгляд впечатление чего-то очень солидного и в целом «очевидно правильного». Но это не так. Непредвзятый взгляд со стороны, опирающийся на объективные методы датирования, довольно быстро обнаруживает в этом сказочном замке нереальные черты. Дальнейший анализ приводит к быстрому разрушению всего «скалигеровского здания».» (см. «Реконструкция всеобщей истории. Новая хронология. Книга 1», – М.: Деловой экспресс, 1999, с. 25–26)

ния специалистов (например, М.Г. Тарлинской¹), они требуют согласования результатов с уже сложившимися историческими представлениями, – что у эпистемологов называется принципом когеренции.

Критика метода непредвзятого астрономического датирования повторяет старые возражения историков против Н.А. Морозова. Они полагают, что астрономические свидетельства источника уместно изучать только после его историко-филологической критики и субъективной интерпретации. Авторы высказывают впоследствии многократно повторённый аргумент, отражающий специфический способ мышления: *«сама идея, лежащая в основе этой «методики», содержит в себе порочный круг. Отвергая источник в целом (по Морозову, как известно, это одни подделки, а согласно авторам брошюры, это – невесть что, невесть как появившееся, например, в XII в.), её последователи проявляют абсолютное доверие к произвольно вырванному из него и произвольно истолкованному фрагменту (обосновывая им самые парадоксальные датировки)»*. При этом сомнения в правильном датировании источника отождествляется с его полным отвержением. А из признания недостоверности документа, например, по причине его сомнительного происхождения или наличия следов поздней редакции, выводится равная непригодность всех его сведений².

¹ Марина Григорьевна Тарлинская – доктор филологических наук (1976), работала на кафедре английского языка Московского Института иностранных языков, занималась статистическим стиховедением и по этой теме общалась с А.Н. Колмогоровым. В 1981 году эмигрировала в США, сейчас – заслуженный профессор-исследователь Вашингтонского университета в Сиэтле. Написала 4 монографии об английской поэзии.

² В основе такого мнения может лежать ошибочный логический принцип, сообщённый историком СССР академиком РАН

Е.С. Голубцова и В.М. Смирин критикуют способ отбора фактов для анализа и интерпретации. Здесь мы находим неточную аналогию между методами А.Т. Фоменко и самих историков: *«авторы идут и дальше: отказываясь от рассмотрения 10 сообщений, которые «совершенно неудовлетворительны (в половине случаев даже неясно, идёт ли речь о затмении, а не, скажем, о каком-то метеорологическом явлении)» (с. 4), различая «однозначные» описания от неоднозначных, авторы брошюры, вопреки своим заверениям, пытаются оценить не что иное, как историческую надёжность источника. Пользуясь для этого лишь одним критерием – тем, что им представляется чёткостью астрономического описания (но что может быть и стандартностью клише риторического общего*

Юрием Александровичем Поляковым (1921–2012): *«Неправильная фактическая посылка неизбежно ведёт к неправильным выводам»* (Историзмы. Мысли и суждения историка, – М.: Собрание, 2007, 126 с./ цит. по Вестник РАН, № 1, т. 78, 2008, с. 83). Или здесь включается «неклассическое» отрицание конъюнкции, в качестве которого, вместо дизъюнкции, избирается конъюнкция отрицаний операндов. Современные историки, в отличие от математиков, не привыкли мыслить на формальном уровне, что вносит добавочный нюанс непонимания между ними. В Новой Хронологии считают, что даже намеренное искажение текста может сохранить важную хронологическую информацию, в виду незначимости числовых или астрономических данных для редактора, чья работа проводится под влиянием оценочных, качественных суждений. При случайных искажениях в результате многократных переписываний и переводов числовые данные могут сохранять статистические характеристики и поддаваться изучению, но астрономические сведения, скорее всего, будут искажены до невозможности их датирования в силу большей сложности и строгости физических законов. Поэтому осуществимость астрономической датировки свидетельствует в пользу достаточной сохранности астрономической компоненты текста. Тем более, если таких сведений много и они дают согласующиеся даты, как это происходит при датировании египетских Зодиаков.

места), – они обеспечивают своему подходу отнюдь не «непредвзятость», но односторонность (которая никогда не уменьшала, а всегда увеличивала число возможных ошибок). Однако, что греха таить, так же поступали и поступают поныне иные историки, которые берут из источника то, что им нужно для подтверждения их концепций, и не обращают внимания на контекст. Так что в данном разделе брошюры мы сталкиваемся именно с традиционной методикой, причём применяемой безотчетно на эмпирико-эkleктическом уровне, снижающем и её надежность».

Критики Новой Хронологии недовольны использованием моделирования процессов и применением идеализированных объектов: ««Методика», именуемая «принцип максимума Мищенко» (описана в параграфе 2.1, с. 15–17), имеет целью найти способ определения относительной хронологии ряда текстов, связанных между собой «общими ссылками и взаимными цитатами» («параллельными местами»). Авторы её пытаются пользоваться для этого подсчётами «параллельных фрагментов» в попарно берущихся текстах и строить соответствующие «частотный график» и «частотную матрицу», составляемую из численностей «параллельных мест» для всей взятой совокупности текстов. ... Автор рассматриваемой «методики», не входя в эти сложности, заключает: «Для этого нужна некоторая априорная модель поведения цитаторов. Простейшая модель состоит в том, что чаще цитируются тексты, близкие по времени к цитатору, а более отдаленные тексты цитируются реже» (с. 15). Дальше описывается ожидаемый внешний облик графика, который отвечал бы этой «модели».

Но почему она вообще заслуживает проверки? Ведь и так видно, что она не может быть универсальной (вспомним хотя бы «Опыты» Монтеня или «Круг чтения» Толстого, ничуть ей не отвечающие). Разными бывают «цитаторы», разной – роль цитат в тексте, разными – типы культур, к которым «цита-

торы» и тексты принадлежат. ... В своей второй модели Мищенко относит каждому автору «„коэффициент компилятивности“ <...>, измеряющий интенсивность, с которой он цитирует предшественников, и „коэффициент авторитетности“ <...>, измеряющий интенсивность, с которой его цитируют последователи...» (с. 16). Но измеримы ли практически эти величины? И этот вопрос не волнует авторов брошюры, полагающих, что недостаточность «согласия теории с практикой» не отменяет «простейшей модели», а лишь требует «уточнения» результатов её применения». Используемые методы и интерпретация их результатов создают версию исторической реальности, отрицаемую критиками, в то время ещё не признававшими моделирования в истории.

Трудно найти реальные основания для таких обличений: «В основе подхода авторов брошюры к историческому материалу лежит допущение, будто в любую эпоху могло быть сделано или придумано что угодно – вне зависимости от её собственного исторического содержания». Как мы писали ранее, в основании рассуждений Н.А. Морозова и будущих новохронологов заложено стремление к поиску закономерностей исторического процесса и устранения из истории всяких сверхъестественных факторов, благодаря которым традиционная история допускает исключительно субъективно мотивированные удивительные научно-технические достижения Античности.

Обстоятельная рецензия Е.С. Голубцовой и В.М. Смиринина – наглядный образец обычной в исторической науке системной аргументации, индуктивного объяснения и когерентно-конвенциональной концепции истины, на которую опираются представители этой дисциплины. Историки не принимают гипотетико-дедуктивный способ рассуждений, присущий теоретиче-

скому естествознанию и математическим наукам, а также первенство исследовательской методологии.

Мы преднамеренно не рассматривали идеологического аспекта рецензии, и не потому, что он не был важен и не имел значения (до начала 90-х годов он активно эксплуатировался историками), но потому, что нас сейчас более интересует концептуально-методологическое различие исследовательских программ.

Активным критиком Новой Хронологии был Сергей Владимирович Илларионов (1938–2000) – выпускник МФТИ (1961), доктор философских наук (диссертация «Системы методологических принципов в научном познании», 1990), профессор кафедры философии МФТИ, занимавшийся изучением структуры научного знания и методологических принципов физики.

В 1980-90-е годы Илларионов выступал против Новой Хронологии и частным образом, и на организованном им семинаре «Критика теории Фоменко». Как философ науки он пытался методологически опровергнуть хронологическую концепцию А.Т. Фоменко. Посмертно была опубликована статья¹, суммировавшая его замечания против Новой Хронологии.

Философ выделил, в его понимании, четыре фундаментальных основания концепции Новой Хронологии. Во-первых, *«категорическое отрицание всех существующих исторических и естественнонаучных методов датировки»*². Во-вторых, *«декларируемое им несоответствие характе-*

¹ Илларионов С.В. К вопросу о достоверности и полноте исторического знания (критические замечания о концепции хронологии и истории Н.А. Морозова – А.Т. Фоменко) // Вопросы философии, 2002, № 6, с. 69–88.

² Илларионов С.В. К вопросу о достоверности и полноте исторического знания // Илларионов С.В. Теория познания и философия науки, – М.: РОССПЭН, 2007, с. 477.

ристики астрономических явлений и особенно их датировок, содержащихся в исторических сочинениях, хрониках и иных источниках характеристикам и датам, вычисленных самим А.Т. Фоменко (его соавторами или предшественниками)»¹. Далее Илларионов творчески достроил фундамент Новой Хронологии: «Третьим основанием концепции А.Т. Фоменко является «династический» параллелизм, который автор обнаруживает в нарративных (повествовательных) текстах. В действительности речь идёт не только о «династическом», но и более широко – событийном параллелизме, т.е. нужно говорить о «династическо-событийном» параллелизме»². Дополнив Фоменко, критик не дал покоя и Морозову: «Четвёртым основанием концепции А.Т. Фоменко являются буквенно-фонетические совпадения (правильнее сказать: то, что А.Т. Фоменко и его соавторы считают совпадениями). Пионером использования в исторических целях таких «совпадений» или «близкостей» является Н.А. Морозов»³. Отметим, что перечисленное не относится ни к методологическим, ни к концептуальным основаниям теории Фоменко. Положения Илларионова либо излагают результаты статистических и астрономических методов, либо искажённо истолковывают сравнительный и лингвистический метод.

Первое положение в гипертрофированной форме передаёт недоверие Новой Хронологии к традиционн

¹ Илларионов С.В. там же, с. 477.

² Илларионов С.В. там же, с. 479.

³ Илларионов С.В. там же, с. 482. Обратим внимание, – как раскрепощающе Новая Хронология влияет на многих, ознакомившихся с нею. Друзья С.В. Илларионова сохранили в сети его шутовской «Доклад на антиконференции: Новая Старая История» об Л.Н. Гумилёве, А.Т. Фоменко и Великой Рабовладельческой революции. К сожалению, творческие порывы не всегда сопровождаются соответствующим тем мастерством.

принятой практике датирования событий. С.В. Илларионов признал «некоторую справедливость» и «обоснованность» новохронологической критики исторических методов. В частности, он отметил субъективность оценки стилистических особенностей исторических текстов, отсутствие надёжных количественных критериев оценки археологических артефактов. Он отчасти принимал критику А.Т. Фоменко сравнительно-типологического и дендрохронологического методов. Но, по мнению С.В. Илларионова, в распоряжении историков появился абсолютно надёжный, чисто естественнонаучный метод радиоуглеродного датирования. Илларионов придерживался мнения о высокой точности этого метода: *«даты стали хорошо совпадать с традиционной исторической датировкой, с учётом, конечно, статистической ошибки радиоуглеродного метода. Величина этой ошибки для двух тысяч лет до новой эры составляет ± 150 лет, для рубежа старой и новой эры – ± 15 лет, для конца I тысячелетия новой эры – ± 5 лет. Так что утверждения А.Т. Фоменко о большом разбросе радиоуглеродных дат, о надёжности метода являются голословными»*¹.

¹ Илларионов С.В. там же, с. 485. Здесь философ стал жертвой недобросовестной рекламы метода. Ведь он застал показательный пример радиоуглеродного датирования Туринской плащаницы, породивший много публикаций и широко обсуждавшийся научно-популярной литературе: *«Данные эксперимента по датировке плащаницы были опубликованы в журнале Nature в 1989 году и вызвали большой ажиотаж. В Аризонской лаборатории возраст определили как 646 ± 31 лет до современности, в Оксфорде – 750 ± 30 лет до современности, а в Цюрихе – 676 ± 24 лет до современности. При сравнении погрешности были признаны статистически неотличимыми в интервале 95%-ной достоверности, поэтому данные усреднили, получив возраст в 689 ± 16 лет до современности. Плащаница оказалась существенно моложе 2000 лет»* (Тёрни К. Кости, скалы и звёзды. Наука о том, когда что произошло, – М.: Альпина нон-фикшн, 2011, с. 61). Ука-

Илларионов описал принципы и достоинства этого метода, указал трудности, выявленные при его применении. Он считал, что калибровки¹ радиоуглеродной шкалы по американским дендрохронологическим данным вполне исправляют ошибки метода, объясняемые изменением концентрации изотопа ^{14}C в атмосфере. При этом Илларионов признавал наличие локальных вариаций распределения ^{14}C , но использовал это понимание лишь для отвержения известных аномальных результатов радиоуглеродного датирования: *«утверждения В. Милойчича об обнаружении им парадоксальных результатов производят впечатление какого-то случайного набора. Ведь помимо общего (интегрального) изменения содержания радиоактивного углерода в атмосфере Земли могут быть ещё и локальные вариации. Так, вблизи радиоактивного источника, дающего заметное нейтронное излучение, может быть локально повышенное содержание радиоактивного углерода ^{14}C , и растения в этой небольшой области будут иметь более высокую активность. ... Так что, обнаружив более высокую активность некоторого организма, нужно было бы немедленно исследовать активность и других организмов из этого места. Равным образом это относится и к организмам с более низкой активностью, поскольку существуют естественные причины, приводящие к локально более низкой активности. ... Таким образом, все парадоксальные «результаты» В. Милойчича (если он действительно существует) в лучшем случае говорят о временных трудностях*

жем, что интервал датировки из Оксфорда не пересекается с результатами двух других лабораторий, что означает завышение лабораториями заявляемой точности своих вычислений. И никакое усреднение не решает эту проблему. Но даже эта неправдоподобная точность не дотягивает до ± 5 лет Илларионова.

¹ Годичные поправки к экспоненциальному закону распада радиоактивного изотопа.

раннего периода разработок и применения радиоуглеродного метода датировок, а в худшем случае являются продуктом деятельности неквалифицированного дилетанта. Таким образом, я повторяюсь, отвергание А.Т. Фоменко радиоуглеродного метода носит совершенно голословный характер и делается только потому, что радиоуглеродный метод в его современном состоянии (после существенного повышения его точности и выполнения калибровки по секвойям) очень хорошо (опять же с учётом статистической ошибки) подтверждает традиционную историческую хронологию. Так что первое основание концепции А.Т. Фоменко даже не шаткое, даже не сомнительное, а просто отсутствует»¹. Теперь мы уже не выясним рекомендаций к использованию его инструкции: «обнаружив более высокую активность некоторого организма, нужно было бы немедленно исследовать активность и других организмов из этого места». Как выяснить, что изотопная активность датированной органики «более высока» или «более низка»?² Известно, что проблема применимости и надёжности радиоуглеродного метода обсуждалась среди профессионалов³. Он был признан после того, как его результаты стали

¹ Илларионов С.В. там же, с. 486.

² Чем поверять полученные результаты, кроме как типологическими или стратиграфическими оценками историков? И является ли такой способ чисто естественнонаучным?

³ В СССР с критикой метода выступил ассистент кафедры археологии Ленинградского университета Лев Самуилович Клейн (Археология спорит с физикой. Спор о достоверности и точности радиоуглеродной хронологии // Природа, 1966, № 2–3). Позднее он защитил кандидатскую и докторскую диссертации по истории, полностью отказавшись от своих замечаний. По свидетельству Е.Н. Черных, Л.С. Клейн превратился в горячего поклонника радиоуглеродного датирования (Источники знания о прошлом // Природа, 1997, №2).

соответствовать хронологическим представлениям историков.

Астрономические основания Новой Хронологии С.В. Илларионов критикует в нескольких пунктах. Прежде всего, он сомневается в принципиальной возможности датирования астрономических сведений нарративных текстов, поскольку эти записи сделаны неспециалистами в астрономии, часто не наблюдавшими описываемые явления. Это замечание с практической точки зрения изучения исторических источников является малоосновательным. Ведь, последовательно применяя его, следует игнорировать все описания военных событий, выполненные не военачальниками, упоминания о придворных событиях, сделанных не членами королевской фамилии и т.п.

Илларионов сомневается в новохронологической интерпретации дендерских изображений и их датировке: *«У меня вызывает сомнение утверждение Фоменко, что такой конфигурации не могло быть никогда до 568 г. н.э. Я не астроном и мои соображения могут быть неверными, но все же я осмелюсь высказать сомнение в правильности этого утверждения. Расположения планет в созвездиях зодиака, вообще говоря, носят периодический (или почти периодический) характер. И если эта конфигурация возникла в 568 и 1422 гг. н.э., то, я думаю, что она возникала и раньше – где-то в начале III в. до н.э. (1422 – 568 = 854; 568 – 854 = –286). ... я, хотя и признаю возможность гипотезы А.Т. Фоменко (но именно как гипотезы), хочу выдвинуть другую гипотезу, которую я считаю никак не менее правомерной: на плафонах дендерских храмов изображены не даты постройки, а даты какого-то очень значимого события, которого мы не знаем и не понимаем. ... Так что интерпретация изображений в дендерских храмах как обозначение даты постройки может быть принята как гипотеза, но отнюдь не как*

доказательство какой-то другой гипотезы»¹. Здесь продемонстрировано непонимание сложных системных процессов, наблюдаемых в астрономии. Действительно, в первом приближении, гелиоцентрические движения отдельных планет Солнечной системы (исключая планетные спутники) можно считать периодическими. Но сочетание даже идеально периодических движений не обязательно является периодическим, – для этого необходима соизмеримость соответствующих периодов. Не будь этого фактора, задача построения планетной теории значительно упрощалась бы и не потребовала бы для своего решения многовековых трудов. Сложность этой проблемы проявляется уже на календарном (пасхальном) уровне, когда учитывается сочетание периодов Луны, Земли (или Солнца) и недельного цикла. Указанная Илларионовым величина в 854 года была обнаружена Н.А. Морозовым как период геогелиоцентрических сочетаний Юпитера и Сатурна в контексте исследования Апокалипсиса. Новохронологи писали по этому поводу в 1993 году: «Итак, для обоих Дендерских гороскопов получается по два решения, интервал между которыми составляет 854 года. Примечательно, что с таким явлением Морозов уже сталкивался при исследовании гороскопа, описанного в библейской книге Апокалипсис. Для него он нашёл два решения: 395 г. и 1249 годы, так что разница между ними те же 854 года»². Та же величина встречалась у А.О. Добролюбского, как разность между двумя датами: 369 г. н.э. – появления в Причерноморье гуннов, вы-

¹ Илларионов С.В. там же, с. 488–489.

² Денисенко Д.В., Келлин Н.С. Когда были созданы знаменитые Дендерские Зодиаки? / Фоменко А.Т. Критика традиционной хронологии античности и средневековья (какой сейчас век?) Реферат, – М.: изд. МГУ, 1993, Приложение 1, с. 163.

теснивших аланов, и 1223 г. н.э. – приход татаро-монголов. Но 854 года не являются периодом повторения гороскопов, поскольку его погрешность по Марсу составляет около 20 градусов – двукратное применение этого квазипериода, накапливая ошибку, заведомо выводит Марс из знака Зодиака и почти всегда – из Зодиакального созвездия. Кстати, погрешность по Юпитеру и Сатурну составляет примерно 7 градусов, что позволяет этим планетам иногда сохранять знак Зодиака при двукратном или трёхкратном повторении квазипериода.

Идеи Илларионова заслуживают и методологического комментария – гипотетико-дедуктивное объяснение всегда строится на основании системы гипотез в совокупности образующих доказательство. Лишь в самых простых теориях можно выделить базовые гипотезы (аксиомы), порождающие все остальные утверждения. И это заведомо не выполняется в естествознании, где связь между гипотезами очень сложна, а сами они не всегда явно перечислимы.

Наконец, Илларионов критикует новохронологическую датировку «Альмагеста», занимающую важное место в этой теории¹. Свободно и не вполне точно перелагая результаты А.Т. Фоменко, он пишет: *«А.Т. Фоменко на основании проведённых им вычислений утверждает, что звёздный каталог «Альмагест» был составлен не во II в. н.э., а на 1000 лет позднее. Я, не являясь астрономом, вынужден ссылаться на мнение других авторов. Так вот, профессионал-астроном Ю.В. Ефремов (с соавторами) в некоторых статьях категорически оспаривает выводы А.Т. Фоменко относительно*

¹ «Альмагесту» в Новой Хронологии посвящено 2 публикации в Докладах Академии наук (1989, 1990) и 10 монографий 1990–2012 годов разного объёма, из них – 2 зарубежные.

поздней даты «Альмагеста». В этих работах вычисляется даже более раннее время составления звёздного каталога «Альмагест» – конец I в. до н.э.; т.е. Птолемей, составляя каталог «Альмагест», пользовался более ранними наблюдениями. Итак, мы имеем два разных мнения – А.Т. Фоменко и астронома Ю.В. Ефремова. Какому из них отдать предпочтение? Я решительно отдаю предпочтение результатам последнего. Ю.В. Ефремов является астрономом-профессионалом, а А.Т. Фоменко, хотя и математик, но не астроном, не специалист в области численных расчётов. Специальностью Фоменко является абстрактная топология, очень сложный раздел математики, но никак не связанный с проведением громоздких и длинных численных расчётов. И в этой области А.Т. Фоменко скорее можно считать дилетантом. Тем более, что расчёт предшествующих положений звёзд, называемый обратной задачей, относится к классу некорректных задач. В вычислительной математике некорректными называют не неправильные задачи, но такие, у которых малые изменения начальных данных или малые ошибки вычислительной процедуры (алгоритма) приводят к большим изменениям в окончательном результате. Решение таких задач на вычислительных машинах требует специальных программ и особых предосторожностей. И поэтому я безусловно отдаю предпочтение мнению профессионалов-астрономов по сравнению с утверждениями А.Т. Фоменко»¹.

Но полемика о датировании «Альмагеста» вовсе не сводится к спору между «профессионалом» и «дилетантом», как это представлял С.В. Илларионов. Напомним эту историю, начавшуюся в 1987 году. Тогда два астронома-наблюдателя из ГАИШ² МГУ – д.ф.-м.н. Юрий

¹ Илларионов С.В. там же, с. 489.

² Государственный астрономический институт имени П.К. Штернберга, созданный в 1931 году на базе Астрономической обсерватории Московского университета, основанной в 1831

Николаевич Ефремов и к.ф.-м.н. Елизавета Дмитриевна Павловская (Перепёлкина, 1926–1992) опубликовали статью¹, отрицающую выводы книги² Роберта Рассела Ньютона (1918–1991). Первый из соавторов является специалистом по цефеидам, второй – с 1950-х годов изучала собственные движения звёзд, разработала метод исправления ошибок измерений и защитила свою теорию в докторской диссертации «Кинематические параметры галактики и особенности поля скоростей» (1991). Ефремов и Павловская заявляли, что точно датировали звёздный каталог Птолемея по собственному движению звёзд эпохой Гиппарха, а не Птолемея. Для датировки исследовалось изменение во времени конфигураций звёзд, группирующихся около

году профессором астрономии Московского университета, впоследствии – ректором и академиком Д.М. Перевощиковым (1788–1880). Первым директором ГАИШ в 1931–1936 годах был математик Анатолий Александрович Канчеев (1884–1940), которого позднее сменяли астрономы.

¹ Ефремов Ю.Н., Павловская Е.Д. Датировка «Альмагеста» по собственным движениям звёзд // Доклады АН СССР, 1987, т. 294, № 2, с. 310–313. Здесь авторы утверждают, что каталог Альмагеста датируется 13 годом н.э. ±100 лет.

² Ньютон Р.Р. Преступление Клавдия Птолемея, – М.: Наука, 1985, 384 с. (перевод книги 1977 года). Многолетними исследованиями автор обнаружил несоответствие данных звёздного каталога Альмагеста астрономической обстановке II века н.э., и заключил, что Птолемей не выполнял объявленные в своей книге наблюдения, а вычислял их по своей неточной теории и подтасовал наблюдения других астрономов. Ньютон критикует Птолемея и его Альмагест, который *«нанёс астрономии больше вреда, чем любая другая когда-либо написанная работа, и было бы намного лучше для астрономии, если бы этой книги вообще не существовало. Таким образом, величайшим астрономом античности Птолемей не является, но он является ещё более необычной фигурой: он самый удачливый обманщик в истории науки»* (с. 368). Однако изменение эпохи составления каталога может снять эти обвинения.

быстрой звезды, для чего измерялось среднеквадратичное отклонение совокупности неких попарных угловых расстояний в соответствующих конфигурациях.

Анонс опровержения результатов Р. Ньютона попал в редакторское предисловие русского перевода его книги (1985) за два года до публикации самих аргументов (статья была только что отдана в журнал). Опубликованное впоследствии не вполне соответствовало анонсу¹, что может свидетельствовать о последующей переделке статьи. В итоге, опровержение оказалось ошибочным². Рассуждения авторов были отчасти разумными, но, с учётом точности каталога Птолемея, погрешность их метода составляет 1000–1500 лет. Об их статистических методах новохронологи, в частности, напишут: *«точность этого метода оценивается снизу величиной индивидуальной ошибки рассматриваемой быстрой звезды, делённой на скорость её собственного движения. Эта оценка получается в предположении, что окружение рассматриваемой быстрой звезды измерено абсолютно точно. Учёт неточности измерений в совокупности с небольшим числом звёзд из окружения даёт существенную прибавку к ширине интервала датировки. Авторы без всяких оснований заменяют всюду неизвестную им индивидуальную ошибку на среднюю квадратичную.*

¹ Ведь по Скалигеру Гиппарх принадлежит II веку до н.э. (190 г. до н.э. – 120 г. до н.э.), и его эпоха не совпадает с интервалом 13 г. н.э. ± 100 лет, хотя и близка к нему. По всей видимости, правке подвергся способ отбора попарных расстояний и построения оценки локальной ошибки определения координат. В тексте они выглядят неорганично, опираются на школьную комбинаторику и не выполняют по существу своего предназначения – получения нормального распределения ошибок.

² Калашников В.В., Носовский Г.В. и Фоменко А.Т. Датировка Альмагеста по переменным звёздным конфигурациям // Доклады АН СССР, 1989, т. 307, № 4, с. 829–832.

Точность предлагаемого метода моделирования, состоящего в многократном возмущении координат звёзд из «Альмагеста» некоторой случайной величиной, «сравнимой» с точностью каталога, ими не оценивается. А между тем он работает лишь в том случае, если в результате случайных возмущений координаты звёзд из «Альмагеста» станут близкими к истинным координатам с «заметной» вероятностью. В результате же влияния упомянутой индивидуальной ошибки такое попадание в окрестность истинных координат должно иметь малую вероятность, и в любом случае эту вероятность следует оценить. В работе нет и намёка на подобные оценки»¹. Кроме того, метод сильно зависит от выбора окружения быстрой звезды, а для наиболее быстрых звёзд зависит от их отождествления, определяемого предполагаемой датой создания каталога. Отождествляя звёзды в неявном предположении о составлении каталога в начале новой эры, авторы получают в результате начало новой эры. После необходимого исправления метод Ефремова и Павловской даёт для каталога «Альмагеста» гораздо позднее время, чем традиционное начало новой эры. Вскоре новохронологи подтвердили свои выводы другим способом². Астрономы оспаривали выводы Фоменко и его соавторов в подведомственных сборниках, пока в междисциплинарном журнале РАН в рубрике «Наука и общество» не появилась статья³, рекомендованная

¹ Калашников В.В., Носовский Г.В. и Фоменко А.Т. Датировка звёздного каталога «Альмагеста». Статистический и геометрический анализ, – М.: Факториал, 1995, с. 103.

² Калашников В.В., Носовский Г.В., Фоменко А.Т. Статистический анализ звёздного каталога «Альмагеста» // Доклады АН СССР, 1990, т. 313, № 6, с. 1315–1319.

³ Ефремов Ю.Н., Завенягин Ю.А. О так называемой «новой хронологии» А.Т. Фоменко // Вестник РАН, 1999, т.69, № 12, с. 1081–1092. В.Л. Гинзбург написал в прологе этой работы: «Со-

академиком В.Л. Гинзбургом¹. Здесь отсутствовали астрономические или математические расчёты, связанные с датировкой «Альмагеста», но был продекларирован ряд выводов. Так, утверждалось, что при датировке каталога по долготам (по накопившейся прецессии) из рисунка А.К. Дамбиса получается 55 год н.э. «с точностью до нескольких лет», а по склонениям (экваториальным широтам) 18 звёзд японский астроном Х. Майяма получил 130 год н.э. «с ошибкой не более 10 лет». Далее, как достоверный и бесспорный упоминался результат Ефремова и Павловской 1987 года; заявлялось о точном датировании III веком до н.э. птолемеевых данных о соединениях планет; указывались ошибки в птолемеевых данных, попавших в новохронологическую монографию 1995 года, исправ-

вершенно бредовый характер некоторых утверждений А.Т. Фоменко (например, он считает, что Иисус Христос родился в 1054 г. и был римским папой) и лженаучный в целом характер его "исторической" деятельности очевидны любому человеку, знакомому с азами истории человечества. Однако до сих пор я нигде не встречал ясного и чёткого анализа ошибок А.Т. Фоменко, в первую очередь в отношении используемого им астрономического материала. Этот пробел восполняет публикуемая ниже статья. Её авторы, анализируя "Альмагест" Птолемея, указывают на чудовищные по своей безграмотности и недобросовестности ошибки А.Т. Фоменко при использовании данных астрономических наблюдений».

¹ Виталий Лазаревич Гинзбург (1916–2009) – советский и российский физик-теоретик, выпускник физфака МГУ (1938), ученик И.Е. Тамма, д.ф.-м.н. (1942), академик АН СССР и РАН (1966), завкафедрой проблем физики и астрофизики МФТИ (1968). Лауреат Сталинской (1953) и Ленинской (1966) премий, пяти советских орденов (1954, 1954, 1956, 1975, 1986) и двух российских (1996, 2006), золотых медалей М.В. Ломоносова и С.И. Вавилова (1995, 1995). Член Президиума Российского еврейского конгресса (1996), организатор и член Комиссии по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований при Президиуме РАН (1998), Нобелевский лауреат по физике (2003). Автор более 20 монографий и 400 научных работ.

ленные в последующих публикациях. Авторы критиковали возможность наблюдения затмений в южных широтах; заявляли о точном датировании вавилонских табличек VII и последующими веками до н.э. и, наконец, поставили шесть риторических вопросов, на которые *«академик Фоменко должен ответить»*. Последняя четверть статьи отведена историческому послесловию Ю.Н. Ефремова. Рассуждая о научной этике, автор делится легендами о докоперниковом гелиоцентризме Аристарха Самосского и Николая Кузанского. Он гордится принятием в зарубежный «Journal for History of Astronomy» своей публикации, которая будто бы разрешила многовековой спор об авторстве «Альмагеста» и *«попутно ещё раз отменяют "новую хронологию"»*. По поводу этой работы Ефремов сообщает: *«Если использовать слишком малое число звёзд с большим собственным движением при сравнении широт и вообще абсолютных координат звёзд, можно получить почти какую угодно дату создания каталога, что Фоменко с соавторами и продемонстрировали. ... Ныне персональный компьютер позволяет ставить задачи, немислимые в прошлом, и появилась возможность подойти к проблеме датировки звездного каталога "Альмагеста" другим путём. ... Именно это мы и сделали совместно с А.К. Дамбисом: по современным положениям и собственным движениям звёзд и их координатам в каталоге "Альмагеста" определили эпоху его наблюдения. При этом использовались все 1022 звезды, "медленные" звезды задавали систему координат»*¹. Далее Ефремов

¹ При этом подходе, учитывающем «движение» тысячи фактически неподвижных звёзд, – ведь их собственное перемещение на историческом промежутке времени теряется на фоне погрешности самого каталога, – получается всё то же датирование по долготам, с малой из-за усреднения поправкой на результат движения небольшого количества быстрых звёзд, в чистом виде не признаваемый Ефремовым.

пытается оспорить существование статистических параллелизмов. Он ограничивается разоблачением скалигеровского хронологического сдвига на 1053 года, который объявляет результатом произвольных подгонок новохронологов¹. Статистический метод Фоменко, по мнению Ефремова, полностью опровергается художественными вымыслами позднего времени: *«оказывается, это Тит Флавий Веспасиан сам себе (как отец сыну) говорил: "Сынок, деньги не пахнут", – в ответ на упрёк самому себе (от сына отцу) в сбирании платы за посещение общественных римских уборных... Известно же много непохожих друг на друга бюстов каждого из героев, которых Фоменко склеивает по четыре и попарно, известно множество монет с их изображениями».*

Работа Ю.Н. Ефремова и Ю.А. Завенягина переполнена поверхностными разглагольствованиями и

¹ Это аргумент выдвигался ещё против Н.А. Морозова, обнаружившего скалигеровский хронологический сдвиг на 330 лет, и повторяется критиками до настоящего времени. Природа этих сдвигов долго была неясна, и даже в Новой Хронологии толковалась как результат неправильного прочтения хронологических записей или как расхождение в датах Сотворения Мира. Искусствовед А.М. Жабинский обосновывал идею об их каббалистическом смысле. Правильный ответ пришёл из астрономии. Оказалось, что величины: 1052 года и 275 дней, 715 лет и 103 дня, 1768 лет и 13 дней, 337 лет и 172 дня – являются квазипериодами повторения аспектов Солнца, Луны, Марса, Юпитера и Сатурна в простейшей геоцентрической модели мира, например, – по Сакробоско. Первый из этих квазипериодов – наиболее точный из всех, второй – следующий по точности. В ГХК они статистически округлились до величин – 1053 года, 720 лет, 1778 лет и 333 года. Упомянутые выше аспекты являются важными числовыми характеристиками позднесредневековой астрологии. Проявление в скалигеровской хронологии указанных квазипериодов свидетельствует об астрологическом фундаменте системы Скалигера и, тем самым, – о её принципиальной ошибочности с точки зрения современного естествознания.

эмоциональными лозунгами, нарушая нормы научной дискуссии. Перечислим некоторые из них.

«... эта деятельность оставалась известной лишь историкам, которые без труда опровергали её результаты. Однако их критика была полностью проигнорирована ... Слава Герострата пришла, наконец, к Фоменко. Его деятельность по отмене и истории, и историографии приобрела злокачественный характер и становится общественным явлением. Она сбивает с толку не только молодёжь, но и даже специалистов, не дающих себе труда разобраться в том, что именно Фоменко засыпает в математические жернова. ... Трудно поверить, что серьёзный исследователь мог пойти на такое, и мы надеемся, что лишь крайняя увлечённость преобразованием истории не позволила Фоменко заменить¹ полную необоснованность своих исходных предпосылок; мы надеемся, что он не обманывает нас, а искренне обманывается сам. ... явно вздорные работы обычно не обсуждаются. Однако никакие публикации критиков Фоменко ничего не добавляют к рекламе его сочинений ...» (с. 1082)

«... на горе нашим мистификаторам, Птолемею оставил указания о начале отсчёта долгот. Некоторые из них Фоменко хорошо знает, другие, возможно, нет. ... Эти слова Птолемея академик Фоменко не приводит. Хотелось бы надеяться, что он их просто не заметил. ... Собственно говоря, на этом вопрос о "новой хронологии" можно было бы считать исчерпанным. Фоменко должен пояснить, почему он вводит читателя в заблуждение ...» (с. 1083)

«Как бы чувствуя, ... Фоменко с соавторами в другом месте своего сочинения утверждают ... Кусочно-гладкая, но разрывная логика... Начиная борьбу за "новую хронологию", Фоменко, возможно, не знал, что из-за прецессии изменяются не только долготы, но и экваториальные координаты звёзд». (с. 1084)

¹ Так в тексте на сайте РАН, видимо, должно быть «заметить».

«Порождённым фантазией Фоменко средневековым фальсификаторам пришлось бы подделать разным способом, но с тождественным результатом исходные данные двух сочинений, ставших известными в разное время, разделённое многими веками. ... Фоменко постоянно перескакивает с одного вымысла на другой. ... Ну зачем фоменковскому наблюдателю X в. понадобилось пересчитывать полученные им долготы на десять веков назад, как это сделано – по Фоменко – во всех известных древних списках каталога?! В действительности долготы пересчитывались не назад, а вперёд (в том числе и в некоторых ранних изданиях "Альмагеста") именно для того, чтобы они соответствовали современным координатам». (с. 1085)

«... Так что в книге Фоменко с соавторами мы сталкиваемся со случаем так называемого вранья... Примеры нелепостей в книге Фоменко с соавторами – бесчисленны. ... или же Птолемей XI в. получил письмо от дикарей острова Пасхи с описанием наблюдавшегося ими затмения. Трудно найти более вопиющие провалы в публикациях, претендующих на научность!» (с. 1086).

«Журналист А. Тарасов, автор статьи в "Литературной газете" (30 октября 1996 г.), восхваляющей достижения академика Фоменко, возможно, считает себя специалистом в астрономии ... академик Фоменко ещё раз пойман в момент передергивания карт. ... Знакомые с бесчисленными писаниями Фоменко знают ... Не уверен он и в местоположении Вавилона ...» (с. 1087)

«Р. Ньютон, которого так специфически невнимательно прочёл Фоменко, показал ... Мы надеемся, что у четырёх академиков и дюжины профессоров, которых Фоменко благодарит за содействие, а также и у неизвестного числа экспертов Российского фонда фундаментальных исследований, давших путевку в жизнь "новой хронологии", всё в порядке с географией и историей. Они, вероятно, не знали лишь того, что каждое слово Фоменко нужно проверять и перепроверять... Итак, академик Фоменко

должен ответить на ряд вопросов. Обычный его приём – многословное описание мелких или воображаемых неточностей в тексте оппонента, создающее для непосвящённых иллюзию ответа, – на этот раз не работает. Мы ждём от него конкретных ответов ...». (с. 1088)

«... как говаривали герои Мольера, вернёмся к нашим баранам. Помимо астрономии, важнейшим обоснованием "новой хронологии" служат результаты операции, называемой Фоменко "статистической обработкой древних династий". ... академик Фоменко владеет методом получения любого значения, меньше заданного». (с. 1090)

«После такого рода фокусов почти всем императорам древности находятся средневековые аналоги. ... Все другие фоменковские "династические параллелизмы" имеют такую же доказательность. ... Возникает, естественно, вопрос, как может десятилетиями пропагандироваться подобная чепуха, почему её публикуют издательства МГУ и "Наука", поддерживает грантом Российский фонд фундаментальных исследований? Неужели наше научное сообщество пало столь низко? Как в астрономии, так и в истории Фоменко не может связать концы с концами без предположения о массовом, гигантском по масштабам изготовлении (и закапывании) предметов материальной культуры античности в эпоху средневековья – предположения, столь нелепого и легко опровергаемого, что и сам он в своих сочинениях отказывается от него и даже упрекает в нём былых единомышленников. Мало кто помнит теперь, что о произвольности исходных "исторических" данных, заложенных Фоменко в математические жернова, о смехотворности предположения о массовой фальсификации всех рукописей и предметов античности историки писали ещё в 80-х годах. Он уже тогда был схвачен за руку в момент обмана читателей. ... Историки – очень вежливые люди. На наш взгляд, подтасовка исходных данных – достаточный повод для дисквалификации идущих на это авторов.

Эксперты Российского фонда фундаментальных исследований, давшие добро на публикацию книги Фоменко с соавторами, должны бы возместить фонду потраченные на это деньги. Косвенным образом фонд признал свою ошибку, опубликовав в "Вестнике РФФИ" нашу статью. Параллельно с успехами Фоменко на поприще преобразования истории продвигалась и его академическая карьера. Он заведует ныне отделением математики механико-математического факультета МГУ. В кабинете великого Колмогорова развивают "новую хронологию" Фоменко и его сподвижники, и неоднократно схваченный за руку маститый академик продолжает читать лекции студентам. Не забудем, что речь идет об академике РАН, профессоре МГУ, о воспитателе молодого поколения. Всё это было бы смешно, когда бы не было так грустно...». (с. 1091)

«Попытки первообразователя истории Н.А. Морозова, которому следуют Фоменко с сотрудниками, были достаточно осмеяны в 20-х годах, но воскрешены группой математиков в 70-х. Так и тянется эта нелепая история с историей до сих пор. Вытаскивание фундамента из-под истории человечества, истории религии, культуры и науки, упразднение и исторического процесса, и историографии никого не должно оставить равнодушным. Фоменковщина – лучший подарок неучам и ненавистникам науки, которые в духе новомодного течения умов – постмодернизма, рассматривают результаты науки и псевдонауки как равноправные наборы "текстов". Зачем им знать, отчего сменяются времена года и когда жил Юлий Цезарь... Академик Фоменко и его защитники выставили Российскую академию наук и Московский университет на мировое позорище. Даже жителей далекого Бостона "огорчает не только появление подобных публикаций, но в особенности то обстоятельство, что издаются они Центром довузовского образования Московского государственного университета". ... в отличие от достижений академика Т.Д. Лысенко, пропаганда "новой хронологии" ведётся чле-

нами нашего научного сообщества совершенно добровольно, без всяких указаний партии и правительства! Это величайший позор отечественной науки за всю её историю – величайший, ибо на этот раз за него ответственна только она сама. Часто говорят, что смешно придавать какое-либо значение активности небольшой группы специфически мыслящих математиков. Но ныне деятельность этой группы стала уже общественным явлением. Если мы будем молчать, не исключено, что наши дети будут учить историю по Фоменко. Тем более что в ней нет стран древнее России, ибо фоменковская история началась в X в. ... Ночь средневековья грозит вернуться. Лженауке нужно давать своевременный и беспощадный отпор, особенно в собственных рядах...» (с. 1092)¹

На публикацию Ефремова и Завенягина последовал ответ в рубрике «Полемика» того же журнала². В шести пунктах этой работы авторы разобрали все содержательные возражения критиков, отметив, в частности: «В нашем методе датировки звёздного каталога "Альмагеста" нигде не используется положение точки отсчёта долгот. Замечание по поводу этой точки, приведённое в нашей книге и вызвавшее столь многословный комментарий Ю.Н. Ефремова и Ю.А. Завенягина, совершенно несущественно для нашего метода датировки. Датировка каталога "Альмагеста" по долготам, на основе собственных движений, была нами проведена ... Другой вопрос, что точность её оказалась существенно ниже, чем по широтам, по одной простой причине: долготы в "Альма-

¹ Эта декламация преподносится критиками Новой Хронологии в качестве «ясного и чёткого анализа». После 1999 года критика исследовательской программы А.Т. Фоменко проводится в подобном стиле. Ю.Н. Ефремов одним из первых обозначил намеченную тенденцию.

² Фоменко А.Т., Носовский Г.В. Демагогические рассуждения вместо научного анализа // Вестник РАН, 2000, т. 70, №9, с. 797–800.

гесте" менее точны, чем широты (это должно быть известно Ю.Н. Ефремову и Ю.А. Завенягину). Так что напрасно они уверяют читателей, будто мы отвергаем датировку по долготам ... Это, по сути дела, единственное прямое "возражение" в статье против нашей датировки каталога "Альмагеста". Все остальные возражения носят косвенный характер и сводятся к следующему: ваша датировка не может быть верна, поскольку другие расчёты, не опирающиеся на каталог "Альмагеста", по мнению Ю.Н. Ефремова и Ю.А. Завенягина, ей противоречат. ... Мы принципиально искали такие методы датирования "Альмагеста", которые основаны на астрономических характеристиках и принципах, неизвестных вплоть до XVIII в. Обоснование такой методологии – отдельный вопрос, который здесь мы не имеем возможности обсуждать. В любом случае этот принцип был чётко выражен нами ... и последовательно проведён. Поэтому мы не использовали для датировки ни склонений звезд, ни положения Солнца, ни тем более прецессию долгот. Все эти характеристики и вычисленные на их основе даты вполне могли быть рассчитаны в прошлое астрономами XVII в., а по прецессии долгот – гораздо раньше. Мы знаем, что на основе подобных данных получают датировки, близкие к скалигеровским. Обнаруженный нами факт состоит в том, что использование данных другого типа, то есть тех, которые не могли быть рассчитаны в XVII в., приводит к совершенно иным датировкам. Поэтому «возражения» Ю.Н. Ефремова и Ю.А. Завенягина связаны просто с непониманием (или нежеланием понять) общих принципов нашего подхода. Что касается "вавилонских астрономических записей", то о них в нашей книге о датировке "Альмагеста" вообще нет речи. Это – отдельная тема, которая требует глубокого анализа, а не упоминания вскользь ... Отметим, что исследователи, датирующие и интерпретирующие подобные старые документы, как правило, не сомневаются в традиционной хронологии и очень часто сознательно или подсознательно использу-

ют те или иные её следствия. Мы сталкивались с очень большим числом подобных примеров. Вавилонские таблички не исключение. Но, повторим еще раз, эта тема не имеет никакого отношения к нашей книге о датировке каталога "Альмагеста". ... остановимся на послесловии Ю.Н. Ефремова, где он предлагает свою совместную с А.К. Дамбисом датировку каталога "Альмагеста". В качестве результата исследований Ю.Н. Ефремов приводит два графика ... Первый – зависимость получаемой им по собственным движениям эпохи каталога "Альмагеста" от числа используемых звезд в порядке убывания величины их собственного движения. Второй – то же самое, но зависимость от числа исключенных из анализа быстрых звезд в порядке убывания величины их собственного движения. Вокруг "точных датировок" нарисованы интервалы, которые Ю.Н. Ефремов называет интервалами средних квадратичных ошибок и которые, по мнению Ю.Н. Ефремова, оценивают ошибки его метода. Даже при беглом взгляде на эти графики сразу бросается в глаза, что точность "метода Ефремова" странным образом не меняется в случае первого графика или почти не меняется в случае второго графика при отбрасывании наиболее быстрых звезд. Как удастся Ю.Н. Ефремову и А.К. Дамбису датировать каталог "Альмагеста" с точностью до ± 400 лет, отбросив 20 наиболее быстрых звезд, то есть все заметно движущиеся звезды "Альмагеста", остаётся загадкой. Это всё равно что датировать каталог "Альмагеста" по собственным движениям, используя неподвижные звезды ...». Далее авторы подробно излагают математические возражения против постоянно заявляемой Ефремовым точности его вычислений и заключают: «После всего этого странное впечатление производят слова академика В.Л. Гинзбурга из его предисловия, что он в работе Ю.Н. Ефремова и Ю.А. Завенягина наконец-то встретил "ясный и чёткий анализ ошибок А.Т. Фоменко" ... Уместно задать вопрос: что именно в чисто демагогической работе Ю.Н. Ефремова и

Ю.А. Завенягина показалось академику В.Л. Гинзбургу ясным и чётким?».

Ответа В.А. Гинзбурга в журнале не последовало. Но редакция в разделе «Полемика» предоставила заключительное слово Ю.Н. Ефремову¹, кратко пересказавшему содержание своей предыдущей работы. В конце он разместил свежие декларации и призывы к общественности: *«Одного только наличия и в "Альмагесте", и в вавилонских таблицах, откопанных более чем два тысячелетия спустя после их изготовления, наблюдений одних и тех же небесных явлений достаточно, чтобы снять малейшую возможность средневековой фальсификации. Таблички содержат непрерывные ряды наблюдений и датируются поэтому точно и однозначно. Даваемая ими датировка астрономических и исторических событий точно совпадает с птолемеевой, на которой основывался Скалигер. Проблемы исправления хронологии не существует. Необходимо сказать, что все попытки борьбы с псевдо- и антинаукой натываются в последнее время на утверждения, что если академик А.Т. Фоменко доказал строгими методами ошибочность обычной хронологии и истории, чего уж тут говорить о физике или астрономии. И вот члены многочисленных общественных академий строят теорию торсионных полей или "научную" астрологию – члену РАН можно двигать науку, а нам*

¹ *Ефремов Ю.Н. Конец «новой хронологии» // Вестник РАН, 2000, т. 70, №9, с. 800. И это не последний «конец» Новой Хронологии, предсказанный автором. Его раздумья ежегодно печатают: бюллетень комиссии Круглякова «В защиту науки», Троицкий вариант, сайт Газета.ру, Известия, атеистический «Здравый смысл» и религиозный сайт «Православие.ру». Пленарный доклад Ефремова «О патологической лжехронологии А.Т. Фоменко» после общей молитвы заслушали на научно-исторической конференции «Научный православный взгляд на ложные исторические учения» 15 октября 2010 года. Здесь Ю.Н. Ефремов высказал новый тезис: «Сплошной счёт годов ведётся от глубокой древности и никогда не был утерян».*

нельзя?! Если у А.Т. Фоменко имеются ещё представления о нормах научной этики, о человеческом достоинстве, он должен публично признать, что его бесчисленные опусы содержат лишь плоды необузданной фантазии и не имеют ни малейшей научной базы. Я бы на его месте их скупил бы и сжёг. Можно попросить грант Российского фонда фундаментальных исследований и на такую процедуру, ведь оказал же этот фонд поддержку астрономическому "обоснованию" "новой хронологии". Если же покаяния не последует, пора заканчивать дискуссию, затянувшуюся на четверть века. Руководство РАН и МГУ должны бы сделать выводы из того факта, что их сотрудник десятилетиями, сознательно или нет, нарушает основные нормы научной этики. Возможно, единственным способом остановить позорящую нашу науку пропаганду плодов систематизированного бреда станет организация над А.Т. Фоменко суда чести. Процедуру и состав суда могла бы определить Комиссия РАН по борьбе с лженаукой по согласованию с Президиумом РАН и ректоратом МГУ».

После этого полемика на тему «Альмагеста» в академической печати прекратилась. Критики Новой Хронологии под патронажем Русского Исторического Общества выпустили ряд сборников «Антифоменко» со статьями скорее полемического, чем научного характера. В свою очередь Фоменко и Носовский публиковали астрономические результаты в многочисленных монографиях, отводя место и для ответов на содержательную критику.

Вернёмся к обсуждению тезисов С.В. Илларионова. Если отстраниться от доктринальной компоненты этой дискуссии¹, в ней останется спор о выборе мето-

¹ Вряд ли можно рассматривать претензии Ю.Н. Ефремова такого рода: «для целей датировки авторы обсуждаемых работ используют громоздкий математический аппарат» или «авторы совершенно не понимают механизма непосредственного измерения эклиптических коор-

дов и их точности. Все стороны имеют внутренне обоснованные, аргументированные определенными соображениями гипотезы, которые подтверждают их концептуальные ожидания, но не всегда поддаются трансляции.

Относительно сомнений С.В. Илларионова в способности А.Т. Фоменко к проведению громоздких вычислений, напомним, что компьютерное моделирование и расчёты – одна из сфер его научной специализации, а для его коллег, Г.В. Носовского и В.В. Калашникова, эта сфера основная. При этом не все астрономы проводят свои вычисления с помощью собственных программ. Некоторые из них используют программы

динат. Они искренне полагают, что раз «наблюдательный инструмент закреплен на земной поверхности и тем самым участвует в суточном вращении Земли...» и, следовательно, «инструмент изначально связан с экваториальной системой координат», то эклиптические координаты получаются путём пересчёта экваториальных (только они и могут быть измерены) и этот «алгоритм является единственным реальным способом определения эклиптических координат»... Такое заявление в области астрономии, перенесённое в математику, эквивалентно, скажем, утверждению, что длина стороны в прямоугольном треугольнике, где известны две другие, может быть получена только по теореме Пифагора и измерению линейкой не поддаётся. В «Альмагесте» Птолемей достаточно подробно описал инструмент для наблюдений звёзд – армиллярную сферу – и методику работы с ним. Анализ числового массива каталога свидетельствует, что координаты звёзд действительно измерены именно этим инструментом.» (Ефремов Ю.Н., Шевченко М.Ю. Что намолотили математические жернова: по поводу новой датировки каталога звёзд «Альмагеста» // Историко-астрономические исследования, Выпуск 24, – М.: Янус, 1994, с. 164–180). Проблема методов составления звёздных каталогов относится к определению реальных техник наблюдения и расчётов. Достоверный ответ можно получить не путём мысленного эксперимента, но лишь повторив эти вычисления с помощью астрономических инструментов соответствующего исторического периода, т.е. осуществив историко-культурную реконструкцию.

других астрономов и программистов-математиков. Можно быть уверенным, что в отношении астронома-наблюдателя Ю.Н. Ефремова дело обстоит именно таким образом, хотя это интересно в последнюю очередь. Очевидно, что провозглашение одного учёного более или менее компетентным, чем другого, на основании лишь должностного признака без достаточного представления областей их научной деятельности, или же ссылкой на авторитет нужно счесть нерациональным предпочтением. И это заведомо не может считаться методологическим обоснованием какого-то научного положения¹.

Относительно династических параллелизмов, обнаруженных А.Т. Фоменко при статистической обработке Глобальной Хронологической Карты, С.В. Илларионов по сути пересказывает мнение того же Ю.Н. Ефремова, но со ссылкой на малотиражные публикации историков А.Г. Кошеленко, Д.Э. Харитоновича, И.Н. Данилевского, Д.М. Володихина. По Илларионову, методика Фоменко заключается в первоначальной операции *«разделения одного персонажа традиционной исторической науки на двух, трёх и даже четырёх разных людей или к*

¹ Напомним, что научная работа производится под влиянием трёх идеалов: достоверности, полезности и новизны. Это чётко проявляется в современном естествознании и пока менее очевидно – в гуманитарной области. Личное понимание идеалов может носить противоречивый характер. Апелляция к авторитету являлась главным аргументом достоверности на начальном этапе развития науки, при неразвитости методов и приложений. Всякая новизна до XVI века н.э. включительно воспринималась потенциально ошибочной, и в силу этого обстоятельства был запущен огромный массив апокрифических древних сочинений – Архимеда, Аристарха Самосского, Николая Кузанского и т.п. Естественнонаучные рассуждения философа С.В. Илларионова идейно воскрешают ту эпоху.

слиянию двух персонажей в одного». Результат статистической обработки Илларионов принимал за его начало. Принципы моделирования процесса возникновения и эволюции династических списков, их сравнение и анализ на основе статистических и топологических соображений остались для Илларионова непонятыми¹. Из-за этого он негодовал: *«Насколько оправдана с методологической точки зрения процедура препарирования династических последовательностей и графиков? Ответ может быть только отрицательным. Она совершенно неоправданна. Терпимым могло бы быть препарирование одного-двух персонажей, но если, как считает А.Т. Фоменко, препарированию следует подвергнуть 1/3 всех правителей какой-то «династии», то можно получить любой наперёд заданный результат. Такая процедура в науке имеет специальное название – подтасовка данных. Таким образом, аргумент о наличии династического параллелизма яв-*

¹ Поскольку это касается, по сути, ещё морозовского хронологического сдвига на 330 лет, Илларионов дословно повторяет ходячую критику почти вековой давности: *«... под номером 3 вставил Квинта Сертория. Но, согласно традиционной истории, Серторий в Риме никогда не правил, а лишь поднял восстание в одной из завоёванных провинций (Испании)»* (с. 491). Мы видим, как одну версию повести о Сертории Илларионов, фактически, отождествляет с исторической реальностью. Но даже в традиционной истории, судьба того же Сертория изложена гораздо интереснее (см. Энциклопедический Словарь Брокгауза и Эфрона). Император, т.е. успешный военачальник, Серторий во время гражданской войны был изгнан из Рима Октавием, – будущим императором Августом, – и диктатором Суллой. После смерти последнего Серторий управлял не только Испанией, но и Сицилией, господствуя в Средиземном море. Восемь лет он успешно боролся с союзниками Октавия, тяжело ранил Помпея, пока не был предательски убит Марком Антонием. О Сертории мы знаем по Плутарху, который восхвалял Августа Октавиана и его династических потомков. Какую версию событий следовало ожидать из этого источника? И разве невозможна была иная реальность?

ляется совершенно несостоятельным. Что же касается событийного параллелизма, ... все войны похожи друг на друга и отличаются только местом и временем»¹.

Относительно четвёртого положения, по С.В. Илларионову «буквенно-фонетических совпадений (или близостей)», то лингвистический метод Новой Хронологии он объявляет «абсолютным произволом», аргументируя своё мнение таким образом: «Вообще все эти буквенно-фонетические «совпадения» произведений А.Т. Фоменко производят впечатление игры в «муху» и «слона». Суть этой игры состоит в том, что берётся слово «муха», а затем меняется только одна буква, но так, чтобы получилось слово, скажем, «мука». И далее, меняя каждый раз только одну букву, нужно получить слово «слон» (мне говорили, что в конце 60-х – 70-е годы эта игра была весьма популярна именно на механико-математическом факультете МГУ). Так как два любых соседних слова отличаются только одной буквой, то они, конечно же, похожи. А раз так, то похожи и конечные звенья цепочки. Ну не ясно ли, что «муха» и «слон» – это одно и то же! Следует сказать, что такой дикий (я не побоюсь столь резкого слова) произвол очень странен в произведениях автора, критиковавшего (и в какой-то мере – справедливо) за произвол типологический метод датировок археологических остатков. В целом, четвёртое основание концепции А.Т. Фоменко не то что шаткое, а просто бессмысленное»².

Вполне в духе сложившейся к этому времени линии критики Новой Хронологии философ заключает: «Итак, я рассмотрел все четыре основания концепции А.Т. Фоменко. Общій вывод состоит в том, что первое (отвергание всех методов датировок, и в особенности – радиоуглеродного) носит голословный характер, второе (астрономические несоот-

¹ Илларионов С.В. там же, с. 490–492.

² Илларионов С.В. там же, с. 494.

ветствия) не может считаться серьёзно доказательным, третье (династически-событийный параллелизм) представляет собой специальное препарирование исторических данных и является более чем сомнительным, четвёртое (буквенно-фонетические совпадения) носит комически-абсурдный характер. После этого я считаю совершенно излишним обсуждать «новую картину» исторического процесса, живописуемую в произведениях А.Т. Фоменко. Вся эта «новая история» представляет собой продукт в жанре «фэнтэзи» типа сказок Дж.Р. Толкиена, Ника Перумова, а ещё точнее – игру в «Швамбранию», в которой реальное лицо – писатель Лев Кассиль в его детском возрасте предстаёт как «адмирал флота Аделяр Каршандарский». Но всё же в заключении статьи мне хотелось бы отметить один методологический момент, являющийся, по моему мнению, весьма важным. До сих пор я в основном говорил о концепции А.Т. Фоменко как о гипотезе, заслуживающей научного обсуждения и критики. А теперь хочу отметить такие моменты произведений Фоменко, которые, с моей точки зрения, делают их (произведения) не заслуживающими даже названия гипотезы. При этом я использую моменты произведений А.Т. Фоменко (с соавторами), отмеченные в работе историка Д.Э. Харитоновича, которые можно охарактеризовать как грубую (и даже наглую) ложь»¹. Далее Илларионов, с ошибками пересказывая вослед за Харитоновичем новохронологическую книгу 1995 года², делится своими познаниями (а точнее незнанием) русской истории. При этом он умудряется подменить обширную

¹ Илларионов С.В. там же, с. 494–495.

² Носовский Г.В., Фоменко А.Т. Новая хронология и концепция древней истории Руси, Англии и Рима. Факты, статистика, гипотезы. В 2-х томах, – М.: УНЦДО МГУ, 1995, 384+290 с.

область Германии одной из династий, происходящих из этой области¹.

Без сомнения, критика С.В. Илларионова носит пристрастный характер. Пересказанные им утверждения и методы, приписанные А.Т. Фоменко, на несведущего читателя могут произвести ошеломляющее впечатление своей парадоксальностью и бессмысленностью. Но, такое впечатление оказывается результатом искажённых представлений самого Илларионова. Находясь на передовой линии эпистемического конфликта, С.В. Илларионов бессознательно погрузился в него, и поэтому его оценки аргументации, методологии и реконструкции Новой Хронологии потеряли необходимую методологическую дистанцию и не соблюли эмоциональную невовлечённость.

В дискуссии о Новой Хронологии профессиональные историки неизменно повторяют в качестве значимой претензии к её авторам то, что они не являются «профессионалами» и «специалистами», имеющими право строить научные гипотезы и теории в области истории. Требование компетентности, будто бы возникающей только при получении профессионального образования, необходимого для успешной научной деятельности, не является ли признаком отсутствия работающих критериев достоверности исторического зна-

¹ Для обычного гражданина, вполне сформировавшегося при бессловном Советском строе, незнание с генеалогическим деревом «*Голишин-Готторпских князей, исполняющих обязанности Романовых*» (выражение историка и князя П.В. Долгорукова) – простительно. Но учёному не пристало пересказывать сомнительные порочащие мнения, предварительно не проверив их по доступному справочнику. С.В. Илларионов продемонстрировал не критичность к коллегиально сформулированному мнению.

ния? Сходные размышления мы встречаем у Наума Хомского, когда он пишет о различии естественных наук и политологии: «В моей научной работе я касался самых разных областей знания. Я много работал в области математической лингвистики, не имея никаких учёных степеней в области математики: я полный самоучка в предмете. Но университеты меня часто приглашали выступить о математической лингвистике на математические семинары. Например, в Гарвард. Никто никогда не спрашивал меня, есть ли у меня сертификаты о присвоении учёных степеней: математикам всё равно, им важно знать, что я могу сказать. Никто не спрашивал меня после доклада, есть ли у меня докторская степень по математике или по антропологии. Им это даже не приходило в голову. Им хотелось знать, прав я или не прав. Интересен ли или нет предмет обсуждения, можно ли что-то улучшить – дискуссия разворачивалась вокруг содержания, а не дипломов. В противоположность этому, например, в ходе политических дебатов о состоянии общества, или внешней американской политики во Вьетнаме или на Ближнем Востоке мне постоянно возражали: а какие у вас есть дипломы, подтверждающие ваше право говорить об этих вещах? С точки зрения докторов политических наук, люди вроде меня, аутсайдеры с профессиональной точки зрения, не уполномочены говорить об этом. Сравните математику и политические науки: это поразительно. В математике, физике все озабочены тем, что вы говорите, а не дипломами. Но чтобы говорить о социальной реальности, вам нужен диплом: никого не интересует, что вы говорите. Само собой разумеется, что математика и физика – это дисциплины с научным означаемым, в отличие от политических наук»¹.

¹ Chomsky N. Dialogues avec Mitsou Ronat, – Paris: Flammarion, 1977, с. 35–36.

РЕАКЦИЯ МАТЕМАТИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА НА НОВУЮ ХРОНОЛОГИЮ

Математическое сообщество в целом в отношении исторических работ М.М. Постникова и А.Т. Фоменко заняло взвешенную и отстранённую позицию. В 1970–90-е годы часть методологических проблем применения математических методов к анализу исторического материала обсуждалась на академических семинарах по статистике, в том числе на собственном семинаре А.С. Мищенко и А.Т. Фоменко на мехмате МГУ. Дискуссии по поводу концепции Н.А. Морозова и позднее о Новой Хронологии поначалу не выходили за рамки обсуждений на конференциях, математических семинарах и в неформальных беседах. Поэтому собственно, математическая часть работ не вызывала вопросов у специалистов, а вот интерпретации результатов и последовавшая реконструкция, сделанные на их основании, могут рождать скептическое отношение. Спектр мнений о Новой Хронологии вне круга математиков-участников проекта с той или другой стороны всегда был широким. Он варьировался от любопытства и согласия с основными выводами о недостоверности оснований существующей версии хронологии и необходимости её пересмотра (А.К. Гуц, С.М. Никольский), до отрицания выводов Новой хронологии и необходимости пересмотра сложившейся версии истории (В.И. Арнольд, Ю.И. Манин).

Надо заметить, что современные математики, в общем-то, мало интересуются мировой историей вне её математической компоненты. История математики, её философия, находится в кругу интереса многих математиков, но профессиональный интерес к истории

древних учений очень редок. Доньютоновая математика темна, знания о ней почерпываются, в основном, из популярных статей и книжек для детей. Несмотря на существование прекрасных «Историко-математических исследований» с полувековым опытом издания, систематически следят за ними немногие. И в связи с осознаваемой поверхностностью исторических знаний, сделать решительное публичное заключение многие просто не решаются.

Основной проблемой для математиков является даже не вопрос о применимости математических методов к анализу исторического материала, но о полезности или эффективности такой работы, которая отнимает время, отвлекает от основных продуктивных занятий. Можно ли получить результаты, которые приведут к принципиальному пересмотру сложившейся картины исторических событий? В отличие от естествознания, где истинность и популярность сложной теории, в конечном счёте, определяется полезностью для приложений, в чисто теоретической науке (математике, физике) и гуманитарной области знания, очевидно, действуют иные законы, близкие законам массовой психологии, практической социологии. Популярность здесь может определяться внутренней модой, внешним финансовым или административным манипулированием, идеологическими факторами.

По-видимому, симпатии математиков в пользу Новой Хронологии подпитывают: во-первых, осознание шаткости оснований традиционной исторической картины, методологическая и инструментальная слабость исторического знания (для тех, кто с этим хоть отчасти знаком). Во-вторых, доверие к научной добросовестности тех выдающихся математиков, которые

заялись вопросами истории. В-третьих, сама форма аргументации и рассуждений новохронологов естественно близка к логике рассуждения математиков, что обеспечивает, как минимум, не отторжение их идей при первичном знакомстве. Есть и четвёртый, внутренний фактор. Новое видение мировой истории, в том числе и истории науки, даёт особенное понимание логичности и обусловленности всех цивилизационных процессов, порождает научно-технический и гносеологический оптимизм, согласуясь со сциентистским мировоззрением. Отрицание чудес и хаоса традиционной исторической картины даёт надежду умопостижения окружающего социального мира, что импонирует профессиональному характеру математика, большая часть жизни которого проходит в рациональном познании неочевидных связей.

Можно выделить три активные группы математиков, выразивших своё мнение публично. Прямые сторонники принимали участие в новохронологическом проекте А.Т. Фоменко (А.С. Мищенко, В.В. Калашников, Г.В. Носовский, Н.С. Келлин, Ю.Н. Торхов, М.И. Гринчук, Н.Г. Чеботарёв, П.А. Пучков, С.Ю. Жолков, Й. Табов, Т.Н. Фоменко, А.А. Тужилин и многие другие). Некоторые интересующиеся теорией А.Т. Фоменко влиятельные математики на своих семинарах давали возможность обсуждения методов и идей Новой Хронологии (С.А. Айвазян, В.М. Золотарёв, Н.В. Крылов, А.Н. Ширяев и другие). Они, как правило, приветствовали интересные результаты нового научного направления в прикладной статистике, не оценивая достоверность исторической реконструкции. Третью группу составляют активные критики историологии и Новой хронологии (В.И. Арнольд, С.П. Новиков, В.А.

Успенский и др.). Именно о последней группе и особенностях их критики пойдёт сейчас речь. Прежде всего, уточним мнение об историологии и Новой Хронологии академика А.Н. Колмогорова. На эту тему в математическом сообществе ходит немало слухов. Ведь любые суждения этого выдающегося учёного влияли на умонастроения в советской математике.

Андрей Николаевич Колмогоров (1903–1987) – советский математик, академик (1939) и президент Московского математического общества (1964–1966, 1973–1985). Правительственные награды Колмогорова: Герой Социалистического Труда (1963), кавалер ордена Трудового Красного Знамени (1940), семи орденов Ленина (1944, 1945, 1953, 1961, 1963, 1973, 1975), ордена Октябрьской Революции (1983), Сталинской (1941) и Ленинской (1965) премий. Он также был лауреатом научных премий имени П.Л. Чебышева (1951), Э. Бальцана (1962), Р. Вольфа (1980), Н.И. Лобачевского (1987) и др.

А.Н. Колмогоров – один из лидеров Московской математической школы XX века. Он родился в Тамбове, в младенчестве лишился матери и был воспитан её сёстрами. В семь лет Колмогоров поступил в частную гимназию Репмана в Москве, которая в 1918 году была преобразована в трудовую школу. В 1920 году он поступил на математическое отделение Московского университета. Его первыми научными руководителями в университете стали В.В. Степанов, А.К. Власов, П.С. Александров, П.С. Урысон и Н.Н. Лузин. В 1922 году А.Н. Колмогоров построил ряд Фурье, расходящийся почти всюду. Эта работа принесла ему мировую известность. Первые публикации Колмогорова были посвящены проблемам дескриптивной и метриче-

ской теории функций. Непосредственно не принадлежа ни одному из направлений, он участвовал в дискуссиях между формалистской школой Д. Гильберта и интуиционистской школой Л.Э.Я. Брауэра и Г. Вейля. В 1925 году Колмогоров доказал, что классическая формальная логика погружается в интуиционистскую. Из этого следовало, что интуиционизм наследует все возможные противоречия формализма и в этом отношении не имеет никаких преимуществ.

А.Н. Колмогоров внёс существенный вклад в развитие теории вероятностей, в этом направлении он работал вместе с А.Я. Хинчиным. Применяя методы теории функций действительного переменного, он решил ряд трудных вероятностных проблем и построил свою версию аксиоматического обоснования теории вероятностей (1933). С начала 1930-х годов Колмогоров создал аналитическую теорию марковских процессов с непрерывным временем. Он развил теорию стационарных случайных процессов, используемую в теориях автоматического регулирования и ветвящихся случайных процессов. В 1930 году Колмогоров стал профессором МГУ, в 1933–39 годы был ректором Института математики и механики МГУ, многие годы руководил кафедрой теории вероятностей и лабораторией статистических методов. В 1935 году Колмогоров получил степень доктора физико-математических наук, в 1939 году был избран членом АН СССР. В 1941 году Колмогорову и Хинчину за работы по теории вероятностей была присуждена Государственная (Сталинская) премия.

Во время Великой Отечественной войны по заданию Главного артиллерийского управления армии А.Н. Колмогоров проводил исследования в области балли-

стики и механики, занимался теорией массовой стрельбы. После войны он развивал теорию передачи информации по каналам связи. Совместно с А.М. Обузовым А.Н. Колмогоров открыл законы статистической теории турбулентности. В 1965 году вместе с В.И. Арнольдом он получил Ленинскую премию за работы по проблеме устойчивости гамильтоновых систем. А.Н. Колмогоров отдал много сил школьной математической реформе, направленной на повышение уровня математической подготовки. По его инициативе была создана московская физико-математическая школа-интернат (ФМШ-18), где обучали математически одарённых школьников Центральной России. Колмогоров работал в редколлегиях физико-математического журнала для школьников «Квант» и методического журнала для учителей «Математика в школе».

А.Н. Колмогоров много сделал для развития истории математики, под его руководством и редакцией были выпущены серии исследований по истории отечественной и зарубежной математики¹. Его вклад в науку был признан не только в нашей стране, но и мировым математическим сообществом. Он был членом Германской академии естествоиспытателей «Леопольдина» (1959), Лондонского королевского общества (1964), Венгерской академии наук (1965), Националь-

¹ Колмогоров А.Н. Современные споры о природе математики// Научное слово, М., 1929, № 6, с. 41–54; Колмогоров А.Н. Современная математика// Фронт науки и техники, М., 1934, № 5/6, с. 25–28; Колмогоров А.Н. Современная математика// Сборник статей по философии математики, М., 1936, с. 7–13; Колмогоров А.Н. Теория и практика в математике// Фронт науки и техники, М., 1936, № 5, с. 39–42.

ной академии наук США (1967) и десятка других Академий и научных обществ. В 1962 году А.Н. Колмогоров был награждён международной премией Бальцана, которую он передал библиотеке Московского университета. В 1963 году А.Н. Колмогоров стал Героем Социалистического Труда. С 1966 года А.Н. Колмогоров заведовал кафедрой математической логики. Как отметил один из учеников А.Н. Колмогорова – заведующий кафедрой теории вероятностей Московского университета профессор А.Н. Ширяев: *«На протяжении более полувека Колмогоров был общепризнанным лидером в теории вероятностей. Никто не сделал для этой науки больше него. «Мы имеем по крайней мере одно серьёзное преимущество – владеем вероятностным мышлением», – говорил Колмогоров. Вместе с А.Я. Хинчиным и многими своими учениками он завершил построение классического этапа теории вероятностей ... Затем он разработал аксиоматику теории вероятностей (это достижение Колмогорова, пожалуй, более всего известно), создал теорию так называемых марковских случайных процессов, у истоков которой стояли А. Эйнштейн, М. Смолуховский и другие выдающиеся физики. А в конце своей творческой жизни Андрей Николаевич провозгласил начало грандиозной программы по осмыслению единства детерминированных и случайных явлений: мир един – большинство детерминированных явлений обладают определённой неустойчивостью и рано или поздно начинают вести себя, как случайные, и наоборот, случайные явления подчиняются строгим законам... Творческая биография Андрея Николаевича Колмогорова предстаёт общностью идей, теории и результатов, соединённых между собой единым философским и естественнонаучным замыслом»*¹. Один из коллег А.Н. Кол-

¹ Ширяев А.Н. Неземное притяжение/ Колмогоров в воспоминаниях учеников: Сб. ст./ Ред.-сост. А.Н. Ширяев, – М.: МЦНМО, 2006, с. 21.

могорова – директор Исследовательского института математики в Цюрихе, секретарь Международного математического союза и президент Математического общества в Швейцарии профессор Бено Экман, выражая своё восхищение результатами творчества и личностью А.Н. Колмогорова, сказал: *«И чем лучше я узнавал Колмогорова, тем отчётливее становилось, что его общекультурная универсальность в самой математике простирается до логики и обоснований, а дальше – до искусства и поэзии, истории и теории образования. Именно его человеческая универсальность позволила ему стать и непревзойдённым, совершенно уникальным Учителем. А нам, людям одной с ним профессии, повезло узнать от него, что математика – это свободная творческая мощь человеческого ума и средство понимания МИРА через теоретические построения, и в то же время часть культурной традиции, которую мы должны передавать следующим поколениям»*¹.

В статьях по истории науки и интервью А.Н. Колмогоров не выражал своего отношения к конкуренции в исторической науке традиционной и новой хронологии. Но есть ряд упоминаний о его позиции по этому вопросу в воспоминаниях учеников и коллег.

В.М. Золотарёв сообщает следующую историю, проясняющую отношение А.Н. Колмогорова к Новой Хронологии. Его нежелание пересмотра сложившихся представлений об истории было продиктовано не столько методологическим или концептуальным несогласием, сколько эстетическими соображениями: *«В интеллигентских кругах тогда была модной суета вокруг исследований Николая Александровича Морозова, шлиссельбуржца, и*

¹ Цит. по: Ширяев А.Н. Неземное притяжение / Колмогоров в воспоминаниях учеников: Сб. ст. / Ред.-сост. А.Н. Ширяев, – М.: МЦНМО, 2006, с. 22.

его сочинения «Христос». Наш Михаил Михайлович Постников выступил горячим сторонником и популяризатором идей Морозова. Он даже читал в МГУ лекции на эту тему, вёл специальный семинар. Я спросил Андрея Николаевича, известна ли ему эта активность и что он по этому поводу думает. «Ну, что же – сказал А.Н. – может быть, Морозов, Постников и Фоменко вместе с остальными последователями этой идеи правы и древняя история восстановлена с ошибками в событиях и датировках. Но это уже стало частью нашей культуры. Вспомните, сколько на этой основе создано замечательных произведений в живописи, поэзии, литературе, драматургии, архитектуре, и т.д. Если разрушить основу всего этого, то мы лишимся огромного количества талантливых произведений. И что же взамен? Новая хронология? Новая история? А будет ли новый Ренессанс и всё остальное? Пусть мы имеем сказку, а не историю, но это красивая сказка, и нет нужды разрушать её. С ней связано слишком многое»¹.

Есть ещё одно свидетельство о том, как на 3-й Международной Вильнюсской конференции по теории вероятностей и математической статистике 1981 года А.Н. Колмогоров познакомился с идеями Новой Хронологии на докладе А.Т. Фоменко: «А.Н. Колмогоров пришёл на этот доклад и в течение всего доклада, то есть около сорока минут, простоял на ногах в проходе. А.Н. Колмогоров выбрал место так, чтобы его не было видно из зала, однако сам он мог хорошо видеть и слышать, что происходит у доски. После доклада А.Н. Колмогоров молча удалился и не подошёл к докладчику. Надо сказать, что в то время А.Н. Колмогоров был уже достаточно слаб здоровьем и простоять сорок минут на ногах, вероятно, потребовало от него немалых усилий. Затем, уже в Москве, А.Н.

¹ Золотарёв В.М. Мои учителя/ Колмогоров в воспоминаниях учеников: Сб. ст./ Ред.-сост. А.Н. Ширяев, – М.: МЦНМО, 2006, с. 161–162.

Колмогоров пригласил А.Т. Фоменко к себе домой и попросил дать ему почитать какую-нибудь нашу работу на тему хронологии. Ему был вручен краткий 100-страничный реферат, написанный А.Т. Фоменко в 1979 году и ходивший в рукописи, пока не был опубликован в виде препринта в 1981 году. Кроме того, А.Т. Фоменко передал А.Н. Колмогорову более подробный 500-страничный машинописный текст на эту тему. Через две недели А.Н. Колмогоров вновь пригласил А.Т. Фоменко для беседы. Длилась она около двух часов. Из разговора стало ясно, что А.Н. Колмогоров ознакомился с материалами в полном объёме. У него возникло очень много вопросов. В первую очередь его взволновали династические параллелизмы между «древними», в том числе библейскими, и средневековыми династиями. Он сказал, что его пугает возможность радикальной перестройки многих современных представлений, основанных на древней истории. Возражений по сути методов у него не было. В заключение, А.Н. Колмогоров вернул А.Т. Фоменко 500-страничный текст, но попросил подарить ему 100-страничный реферат, что и было сделано»¹.

Почему высоко ценивший качество научных работ и в молодости проанализировавший стандарты математической доказательности, долго обдумывавший эту проблему А.Н. Колмогоров отказался переосмыслить периодизацию истории, но и не высказался против этого открыто? У этого было множество разнообразных причин, и можно попробовать их реконструировать.

А.Н. Колмогоров был выдающимся математиком, высоко ценившим хорошие математические доказательства. В письме к В.И. Арнольду он написал: «Я считаю формальную строгость обязательной и думаю, что в конечном счёте после большой (и обычно полезной для обяза-

¹ Носовский Г.В., Фоменко А.Т. История Новой Хронологии, 2001 (<http://www.chronologia.org/history.html>, 29.10.2014).

тельного понимания) работы она всегда может быть соединена (при изложении важных, т.е. по сути дела простых результатов) с полной простотой и естественностью. Единственное средство добиться осуществления идеалов – это строго требовать логической отчётливости даже там, где она пока обременительна»¹.

Может быть, осознание невозможности однозначного доказательства в исторической науке, в силу специфичности предмета и метода, отвращало его от полемики по этому поводу? Причина такого понимания роли доказательности в этой дисциплине может корениться в личном опыте А.Н. Колмогорова. В 1920–22 годах он интересовался русской историей, и занялся исследованием новгородских писцовых книг, с использованием математико-статистических методов обработки больших массивов данных. Свои результаты он изложил в работе «Новгородское землевладение XV века»², с которой выступил на семинаре профессора С.В. Бахрушина³ в Московском университете. Будучи молодым человеком 17–19-и лет, Колмогоров, по мнению современных историков, сумел поставить принципиально новую проблему в контексте своего исследования: «Во-первых, благодаря тому, что в книгах мы находим не

¹ Арнольд В.И. Об А.Н. Колмогорове / Колмогоров в воспоминаниях учеников: Сб. ст. / Ред.-сост. А.Н. Ширяев, – М.: МЦНМО, 2006, с. 47.

² Колмогоров А.Н. Новгородское землевладение XV века, – М.: Изд. Фирма «Физико-математическая литература» ВО «Наука», 1994.

³ Бахрушин Сергей Владимирович (1882–1950) – русский историк. В 1904 году окончил историко-филологический факультет Московского университета. В 1909 году стал приват-доцентом Московского университета. Специализировался на изучении истории Киевской Руси и Русского государства XV–XVII веков.

только итоги, но и перечисление всех случаев, открываются широкие возможности для комбинированных подсчётов, выясняющих не только средние размеры, но и колебания и связь явлений (см., например, далее связь обежного обложения и размеров сенокоса). Затем, возможно подвергнуть статистическому исследованию данные, к этому вовсе не предназначавшиеся, как, например, имена. Наконец, возможно из более тонких свойств цифровых данных извлечь интересные результаты. Пример такого исследования: определение порядка сбора частновладельческих доходов по кратности цифр дворам или обжам и т.д. В зачаточном состоянии подобные вопросы затронуты у Гневушева. Именно применение этих несколько утончённых методов объединяет мою настоящую работу. Признание их ценности может иметь значение и для исследования других писцовых книг». Для исследования применялась методология теории вероятности: «Основной метод последнего отдела (IV – «Обежное обложение») установление известной закономерности цифр; например, большого числа селений с круглым числом обеж, или совпадение дробных обеж старого письма с сравнительно редким обстоятельством – нахождением их в вопчих деревнях. Такая правильность может возникнуть случайно, но вероятность этого чрезвычайно мала, в рассматриваемых случаях – порядка 1/1000, в то же время объяснение её другими причинами далеко не столь мало вероятно; это даёт возможность утверждать, по известной теореме теории вероятностей, наличие этих причин с большой вероятностью, в данных случаях большею 99/100 и, в случае последнего применения – о неупотреблении дробного обложения крупных деревень, большею 999/1000 – для исторических выводов это равносильно достоверности»¹.

Историю своего выступления с результатами этого исследования А.Н. Колмогоров неоднократно расска-

¹ Цит. по: Янин В.Л. Колмогоров как историк // Успехи математических наук, 1988, т. 43, вып. 6 (24), с. 193.

зывал своим ученикам: «С.В. Бахрушин отнёсся к исследованию юного участника своего семинара с известным интересом, однако публикацию работы не счёл возможной, сказав, что в истории для публикации требуется не одно, а хотя бы несколько доказательств. «И тогда, – говорил Андрей Николаевич с хорошо всем близким знакомой иронией, – я предпочёл математику, где всегда достаточно одного верного доказательства»¹.

Надо также учитывать, что в жизни А.Н. Колмогорова гуманитарная культура играла огромную роль. Вместе с П.С. Александровым он много времени отводил музыке и истории искусства. Колмогоров очень ценил эту эстетическую часть своей жизни, и пересмотр её в контексте Новой Хронологии был для него неприемлем, означая разрушение бережно возвращённых представлений об истории культуры, наполненных личными смыслами и ассоциациями. «В стихах и музыкальных произведениях, зданиях, картинах и скульптурах он видел необходимые условия нормального человеческого бытия, своего рода синхронизаторы или, может быть, лучше сказать, гармонизаторы эмоционального статуса человека»².

В связи с занятиями историей математики и написанием ряда работ о развитии математических идей, А.Н. Колмогоров имел своё видение истории математического знания, определённым образом вписанное в традиционные представления о периодах всемирной истории. Признание целесообразности пересмотра традиционной хронологии, означало бы и

¹ Баренблатт Г.И. Что я помню и буду вспоминать всегда/ Колмогоров в воспоминаниях учеников: Сб. ст./ Ред.-сост. А.Н. Ширяев, – М.: МЦНМО, 2006, с. 72.

² Успенский В.А. Труды по нематематике. С приложением семиотических посланий А.Н. Колмогорова к автору и его друзьям. Т. 2, – М.: ОГИ, 2002, с. 1282–1293.

пересмотр ряда своих исторических представлений о периодах развития математического знания. Что было бы для Колмогорова мало мотивировано.

Возможно, имело значение и подмеченное Я.Г. Синаем свойство математического творчества А.Н. Колмогорова, влиявшее на оценку не только математического, но любого иного знания. *«А.Н. очень высоко (часто неоправданно высоко) ценил в других людях качества, которыми, по его мнению, он не обладал сам. Именно этим можно объяснить то, что А.Н. поддерживал работы, где основное достижение состояло в доказательстве хорошо известного или принятого результата в максимально общей обстановке. Математическое творчество А.Н., за крайне редким исключением, было чрезвычайно конкретно, и стремление к абстракции ему не было свойственно. Тем не менее, у других людей он часто его ценил»*¹. Это может отчасти объяснять нежелание отказа от сложившейся в истории традиции многократно пересказывать «хорошо известный» ход событий.

Немаловажно и то, что начатая в конце 1960-х годов А.Н. Колмогоровым реформа преподавания математики встретила сопротивление и осуждение не только со стороны школьных учителей, но и близких ему коллег и даже учеников. Наверное, это один из немногих, если не единственный по масштабности и длительности, проект А.Н. Колмогорова, который вызвал несогласие и порицание достаточно большой группы профессионалов. *«Многоголосый хор протестов невежественных педагогов, консерваторов, откровенных завистников, хулиТЕЛЬНЫХ статей в центральной и специальной печати, включая даже партийный журнал «Коммунист» – всё это омра-*

¹ Синай Я.Г. Воспоминания о А.Н. Колмогорове / Колмогоров в воспоминаниях / Под ред. А.Н. Ширяева, – М.: Физматлит, 1993, с. 540.

чило последние годы жизни Андрея Николаевича»¹. Математический гений Колмогорова оберегал его от критики и осуждения большую часть жизни, в силу очевидной и несомненной успешности его математических работ, хотя не уберёг от зависти коллег. Он оказался не готовым к критике и неприятию своего начинания. Ясно, что в ещё одном потенциально опасном проекте по историологии он не мог видеть пользы для себя.

Заметим, что с определённого возраста (ориентировочно с 60–65-и лет) А.Н. Колмогоров почему-то стал себя ограничивать в разработке новых проектов и в математических занятиях, даже если это ему было интересно. Приведём извлечение из письма Колмогорова к Арнольду по этому поводу: *«я несколько скуп на усилия по изучению вещей, в которых не предполагаю проявлять свою собственную активность, а иногда даже на более лёгкие усилия, требующиеся, например, для того, чтобы с пониманием слушать обзорные доклады (или, скажем, Ваши объяснения). У моих молодых друзей здесь часто бывает непонимание неизбежных возрастных отличий, такое же, как при желании научить меня непременно кататься на велосипеде или на водных лыжах. Но склонности отрицать объективный интерес и значительность новых направлений, возникающих из такого самоограничения, я за собой не наблюдаю. Иногда я воздерживаюсь от суждения, иногда даже активно поддерживаю и рекомендую для изучения молодым вещи, которые по общему впечатлению кажутся мне зна-*

¹ Мони́н А.С. Дороги в Комаровку / Колмогоров в воспоминаниях учеников: Сб. ст. / Ред.-сост. А.Н. Ширяев, – М.: МЦНМО, 2006, с. 183.

чительными и перспективными, хотя и выходящими за пределы моего собственного репертуара»¹.

Конечно же, эти и неупомянутые нами культурно-эстетические соображения, психологические и возрастные барьеры, возможно, не остановили бы Колмогорова, если бы речь шла о математической проблеме. Но история была для него убежищем культурных фантазий и художественного творчества, и поэтому та традиция, в которой он привык жить и через призму которой он воспринимал мир искусства, для него была вполне приемлемой.

Если подразумевать весь набор причин, подталкивающих Колмогорова отрицать содержание историологии Н.А. Морозова и Новой Хронологии А.Т. Фоменко, то вызывает удивление его взвешенная и осторожная оценка этих учений. А.Н. Колмогоров, как честный учёный, открыто указал главный эстетический мотив своего нежелания думать о возможном переосмыслении глобальной хронологии: *«Пусть мы имеем сказку, а не историю, но это красивая сказка, и нет нужды разрушать её. С ней связано слишком много»*.

Единственным крупным математиком, публично и последовательно выступающим против Новой Хронологии и её автора является С.П. Новиков.

Автобиографические и публицистические тексты С.П. Новикова отличает неповторимый стиль – эгоцентризм, субъективизм, исключительная резкость суждений, отсутствие терпимости к интересам своих соперников и оппонентов. Его мемуары выдержаны в

¹ Цит. по: Арнольд В.И. Об А.Н. Колмогорове / Колмогоров в воспоминаниях учеников: Сб. ст. / Ред.-сост. А.Н. Ширяев, – М.: МЦНМО, 2006, с. 41.

духе застольных бесед и частных «рассказов не для всех». Он с удовольствием пересказывает личные семейные истории, анекдоты, легенды и сплетни, ходящие в кулуарах и на кухнях, не предназначенные для «чужих ушей». Несомненно, являясь уникальным источником сведений о частной жизни некоторых математиков, об академических интригах, административных противостояниях и конфликтах – его рассказы всё-таки оказываются личной проекцией крупного учёного с очень тяжёлым характером и специфическим типом личности.

Сергей Петрович Новиков – советский и российский математик, академик РАН¹. Научная биография С.П. Новикова изначально складывалась благоприятно для реализации его математического таланта. Он родился в 1938 году в незаурядной математической семье. Его отец, Петр Сергеевич Новиков (1901–1975), был специалистом по математической логике, алгебре, теории множеств и функций, и стал академиком в 1960 году. Его мать, Людмила Всеволодовна Келдыш (1904–1976), была специалистом по геометрической топологии и теории множеств, защитила докторскую диссертацию в 1941 году. В семье было пятеро детей. Математическое образование С.П. Новиков получил на мехмате МГУ (1955–1960). В 1960 он поступил в аспирантуру Математического института имени В.А. Стеклова АН СССР. Его научным руководителем был профессор М.М. Постников². В 1964 году С.П. Новиков

¹ Сергей Петрович Новиков. К семидесятилетию со дня рождения. Интервью, статьи, выступления, – М.: МЦНМО, 2008.

² Отношения с учителем у С.П. Новикова были напряжённые. Они красноречиво описаны в его мемуарах (*Сергей Новиков Мои истории*, с. 73–75). Причиной этого, видимо, было столк-

защитил кандидатскую диссертацию на тему «Гладкие расслоения на сферы», в 1965 году – докторскую диссертацию «Гомотопически эквивалентные гладкие многообразия». С 1963 года он был сотрудником Математического института имени В.А. Стеклова. С 1964 года работал по совместительству на кафедре высшей геометрии и топологии МГУ, а с 1982 года возглавил эту кафедру. В 1966 году С.П. Новикова избрали членом-корреспондентом АН СССР, в 1981 году – действительным членом АН СССР. С 1971 года он заведовал математическим отделом Института теоретической физики им. Л.Д. Ландау АН СССР и работал с физиками-теоретиками.

Работы С.П. Новикова были одобрены математическим сообществом. В 1964 году его отметили премией Московского Математического Общества для молодых математиков. За серию работ по классификации многообразий и инвариантности классов Понтрягина в 1967 году Новикова наградили Ленинской премией. В 1970 году за работы по топологии Новиков получил медаль Филдса Международного союза математиков. Это обеспечило С.П. Новикову административный рост в науке. С 1983 года он занимал несколько ключевых должностей в международных и российских научных организациях. Он входил в Филдсовский комитет Международного Математического Союза на конгрессах в Беркли (1983–1986) и Пекине (2000–2002), был президентом Московского Математического Общества (1985–1996), возглавлял проблемную комиссию «Геометрия и топология» при Отделении математики АН СССР (1984–1991), был членом программного

новение научных амбиций ученика и непростой характер ещё молодого руководителя.

комитета Европейского Математического Общества перед конгрессом в Будапеште (1994–1996) и программного комитета Международного Математического Союза перед конгрессом в Берлине (1995–1998), был председателем Экспертного Совета по математике, механике и информатике Российского Фонда Фундаментальных Исследований (1993–1998), вице-президентом Международной Ассоциации Математической Физики (1986–1990). С 1986 года С.П. Новиков является главным редактором журнала «Успехи Математических Наук». Он избран почётным членом многих зарубежных академий и научных обществ.

В сфере научных интересов С.П. Новикова дифференцируемые многообразия и характеристические классы, стабильные гомотопические группы и кобордизмы, топология и качественная динамика в физике, точно решаемые линейные и нелинейные системы. Его результаты по качественной топологической теории слоений передовые в этой области исследований.

Начиная с 1990-х годов в интервью на тему состояния математики, образования и своего места в науке С.П. Новиков неизменно критикует А.Т. Фоменко и Новую Хронологию. Существенных изменений в его аргументации по этой теме не происходит.

По его словам, негативное отношение к Новой Хронологии у него связано с личной историей. Он познакомился с идеями Н.А. Морозова в 1950-е годы через ученика отца, А.А. Ляпунова. Родители С.П. Новикова неодобрительно отозвались об этом. В 1967 году после лекции М.М. Постникова в Новосибирском Академгородке он отверг концепцию Морозова, без знакомства с нею, поскольку считал своего учителя неавторитетным учёным, а его критику радиоуглеродного

метода несостоятельной. В конце 1970-х, после беседы с Фоменко, Новиков сформулировал концептуальную претензию к Новой Хронологии: «<А.Т. Фоменко> пришёл ко мне с картами и чертежами. Возьмём Пелопоннесскую войну Афин и Спарты. В книгах Фукидида описаны три затмения: два солнечных с интервалом 7 лет и затем лунное – через 11 лет. Зная о подобной тройке и зная дату с точностью до сотни лет, можно её указать абсолютно точно. Впрочем, этот аргумент уже был использован в XVII в., и была указана точная дата начала войны – около 430 г. до н.э. Возражение Фоменко (Морозова) таково: у Фукидида одно из затмений описано как полное, а в тройке, которая реально наблюдалась в конце V в. до н.э., это затмение было неполным на интересующей нас территории. Полное мы найдём 15 веков позднее – в эру крестоносцев-франков. Выслушав Фоменко, я спросил его: как можно делать выводы из столь неточного по своему характеру материала? Это ведь не раздел математической логики. Знает ли он, каков уровень точности в древних описаниях? Был ли Фукидид свидетелем событий, придавал ли значение разнице между полным и неполным затмениями? Одним словом, подобные выводы – очевидная нелепость»¹.

В 1980–90-е годы занятия А.Т. Фоменко разработкой методов статистического анализа для применения к историческому материалу не вызывали у С.П. Новикова возражений, хотя и не встречали поддержки. Новиков написал совместно с Фоменко ряд книг, переизданных и переведённых на многие языки². С.П. Нови-

¹ Новиков С.П. Математики и история // Природа, 1997, № 2, с. 71.

² Новиков С.П., Фоменко А.Т. Дифференциальная геометрия, – М.: МГУ, 1974; Мищенко А.С., Новиков С.П., Соловьёв Ю.П., Фоменко А.Т. Задачи по геометрии, – М.: МГУ, 1978, 162 с.; Дубровин Б.А., Новиков С.П., Фоменко А.Т. Современная геометрия. Методы и приложения, – М.: Наука, 1979, 760 с.; Дуб-

ков во время заграничного пребывания заочно рекомендовал А.Т. Фоменко в Академию наук в 1992 году, о чём свидетельствует его письмо в Президиум, хотя в поздних интервью он отрицал свою поддержку¹.

В 1990-е годы С.П. Новиков стал активно работать в США, подолгу отсутствуя в России. Когда ректор А.А. Логунов в 1992 году решил восстановить кафедру дифференциальной геометрии, которую ранее возглавлял П.К. Рашевский, Новиков не сумел этому помешать. Кафедру возглавил А.Т. Фоменко, и к нему перешли некоторые сотрудники С.П. Новикова. Это

ровин Б.А., Новиков С.П., Фоменко А.Т. Современная геометрия. Методы теории гомологий, – М.: Наука, 1984, 344 с.; Новиков С.П., Фоменко А.Т. Элементы дифференциальной геометрии и топологии, – М.: Наука, 1987, 432 с.;

¹ В 1997 году он написал: «В конце 1990 г. Фоменко (не без моего участия) был избран членом-корреспондентом на последних выборах в Академию наук СССР... поддержал избрание Фоменко членком после того, как стало ясно, что Синай не проходит, а Мамин и Аносов уже были выбраны. Фоменко активно поддержал Никольский... весной 1992 г., я последний раз поддержал (весьма слабо) Фоменко на выборах в РАН, на этот раз в академии: я прислал e-mail из США, где заявлял, что поддерживаю Адяна, Аносова, Ульянова и Фоменко». (Новиков С.П. Математики и история // Природа, 1997, № 2, с. 73). Но в его интервью к 75-летию об этом же эпизоде сказано иначе: «К сожалению, Мехмату сильно вредит абсолютно позорное обстоятельство: на месте Колмогорова сидит персонаж, которого глубоко презирает вся православная гуманитарная интеллигенция – это Фоменко. В наше отсутствие – моё и Арнольда – выбрали Фоменко академиком. Какая безответственность! В 92-м его Арнольд провалил на выборах, меня не было. Арнольд мне потом говорил об этом. А в 94-м не было ни меня, ни Арнольда, и эти идиоты выбрали его академиком. Хотя Фоменко очень посредственный математик, да и специалисты здесь мы с Арнольдом, а не те, кто его выбирал, игнорируя наше мнение. Что за этим стоит? Это любопытно». (Дёмина Н.В., Новиков С.П. Видение математики // Полит.ру, 20.03.2013)

возмутило Новикова, и он начал выступать против Фоменко и руководства мехмата МГУ¹.

¹ На сайте Полит.ру Новикову ответил ученик Фоменко и сотрудник его кафедры, профессор, д.ф.-м.н. Алексей Августинovich Тужилин (вскоре все комментарии к интервью на сайте были удалены, и мы цитируем по другому источнику). Приведём извлечения из его письма, поскольку это редкий пример прямого ответа Новикову в прессе. Тужилин объясняет причины молчания большинства математиков на «истории от С.П. Новикова»: *«Ныне Сергей Петрович имеет большое влияние в мире международной математики, с его мнением считаются многие из тех, кто распределяет гранты, так что даже те, кто был с ним когда-то близок и был им обижен (как Постников), не станут защищать ни своё достоинство, ни достоинство других. Ведь страх быть не только проклятым, но ещё и растоптанным, висит над всеми. Но есть одно крайне тяжёлое обстоятельство, с которым Сергею Петровичу справиться так и не удалось: это Анатолий Тимофеевич Фоменко, который, будучи членом кафедры, возглавляемой Сергеем Петровичем, не остался зависимым, как это сделали почти все остальные её члены. Когда Фоменко стал академиком, на мехмате МГУ восстановили кафедру дифференциальной геометрии, которую в своё время возглавлял П.К. Рашевский – учитель Анатолия Тимофеевича, и Фоменко был назначен её заведующим. Второе обстоятельство: Фоменко был назначен также заведующим отделением математики на мехмате МГУ. И вот эти два события сильно обидели Сергея Петровича (ведь он, видимо, тоже хотел заведовать отделением математики). Он попытался как-то решить проблему: написал и разослал разным математикам письмо «Много лет назад мы с братом Андреем ...», где обсмеял и унизил новую хронологию, основным автором которой является Фоменко. Также он постарался унижить Фоменко как учёного. Было, конечно, одно препятствие, а именно, то, что Сергей Петрович поддерживал математическую деятельность Фоменко до того, как обиделся (я сам присутствовал на семинаре, где Анатолий Тимофеевич рассказывал свои результаты по геометрии гамильтоновых систем, и Сергей Петрович вполне благосклонно отзывался об этой работе). ... насчёт Фоменко ... знаю определённо, как устраиваются "планёрки", на которых даются указания дискредитировать Фоменко везде, не включать ни в какие исследовательские группы, ни в какие совместные гранты. Так что моя оценка событий основана не только лишь на одном тексте Воспоминаний (который, естественно, намеренно причесан автором), но и на целом ряде сопутствующих знаний, да и на личном опыте. В нынешнем интервью Сер-*

В статье¹ 2002 года С.П. Новиков обозначил то, что поддерживает А.Т. Фоменко в математическом обществе и привлекает к его историческим идеям. Фоменко принадлежит к кругу уважаемых математиков, его работы признаны авторитетными математиками². Именно против этих выигрышных моментов позиции Фоменко и выступает Новиков. Подчеркнём, что С.П.

гей Петрович уже не стесняется: «... Фоменко очень посредственный математик». Это – уже удар ниже пояса. И что самое замечательное: к суду не привлечёшь! А кто судить будет? И Сергей Петрович это хорошо понимает: с его мнением считаются, так что скажи слово – и весь мир будет его с трепетом повторять. Так не убить ли словом?! А ведь вся эта патетика – ровно из-за одного: из-за обиды. Конечно, хотелось и в Штатах нормально жить, и чтобы в России все ожидали его как милости, как наложница ждет своего господина. И чтобы уже одно его имя, пропитавшее мехмат, было достаточным для счастья этих мелких математиков, которые так никуда не уехали и прозябают на факультете. А Фоменко «все испортил»: он создал такую кафедру, на которую хотелось возвращаться из любой загранпоездки. На работу с этой обидой был направлен мощнейший интеллект. Задача – доказать, что Фоменко – посредственный математик. Вот пример того, как это делается. Цитата: «1992 году ... появился разгромный отзыв известного американского математика Альмгрена в «Bulletin of AMS» на книгу Фоменко по многомерному вариационному исчислению». Я читал рецензию Альмгрена, но ничего «разгромного» там не обнаружил. Было два замечания: одно делалось по аннотации на обложке книги, где Фоменко, желая быть более понятным, несколько неформально изложил суть результатов, а второе – про неточность в формулировке результата ученика. В остальном же рецензия написана в духе «Anatoly T. Fomenko is the most prominent mathematician in the Soviet Union». Как Вы думаете, пишут ли такие слова в разгромной рецензии?..» (<http://chronologia.org/ans201304.html>)

¹ Новиков С.П. Вторая половина XX века и её итог: кризис физико-математического сообщества в России и на Западе/ Историко-математические исследования, т. 7(42), – М.: Янус-К, 2002, с. 326–356.

² Сергей Петрович Новиков. К семидесятилетию со дня рождения. Интервью, статьи, выступления, – М.: МЦНМО, 2008, с. 133.

Новиков нигде не высказал содержательных аргументов против Новой Хронологии или её методов. За исключением вышеприведённой цитаты о сомнительности Фукидида как астрономического источника, научных доводов у него не было. В статье 2000 года¹ Новиков признаётся, что доказательств Фоменко он не знает и не хочет знать. Мнение авторитетных специалистов для него ценнее собственного понимания: *«Когда то, ещё в 70-х гг., А.Т. Фоменко пытался убедить меня в достоверности аргументов Морозова о необходимости переноса Пелопонесской войны из 5-го века до н.э. в 13 в. н.э. – примерно на 1,5 тысячи лет – с помощью астрономических данных. Я внимательно его выслушал и долго смеялся. Его аргумент был смешон для человека со здравым смыслом. А.Т. Фоменко был искренен, он огорчился. Этот эпизод был для меня достаточен. Больше я никогда не интересовался его аргументами, но убедить его ни в чём не смог, хотя очень хорошо к нему относился. Наши отношения расстроились».* (с. 159)

В теории аргументации часто используемый С.П. Новиковым приём называется «ad hominem» (лат. аргумент к личности). Он состоит в приписывании оппоненту реальных или мнимых недостатков, представляющих того в невыгодном свете, бросающих тень на его умственные способности, подрывающих доверие к его рассуждениям. Такого рода критика неприемлема в научной дискуссии – ведь она уводит обсуждение

¹ Новиков С.П. Псевдоистория и псевдоматематика: фантастика в нашей жизни// УМН, 2000, т. 55, вып. 2(332), с. 159–161. Будучи главным редактором этого журнала, С.П. Новиков пустил в тот же номер «Успехов математических наук» многословную полемическую заметку академика-лингвиста, не имеющую отношения к математической науке и её успехам (Зализняк А.А. Лингвистика по А.Т. Фоменко// УМН, 2000, т. 55, вып. 2(332), с. 162–188).

предмета на второй план, подменяет тему обсуждения. С.П. Новиков то и дело критикует индивидуальные качества А.Т. Фоменко. То он заявляет, что Фоменко – одарённый художник со странными картинами, свидетельствующими о ненормальности. То оценивает таланты, сообщая, что Фоменко – слабый математик. О чём, будто бы, сообщил Новикову сам Колмогоров в конфиденциальной беседе. Более того, суждение Новикова разделил именитый математик-эмигрант М.Л. Громов. Который *«заявил в Мэриленде, что статьи Фоменко написаны очень ловко: красота презентации результатов во введениях, как и на публичных лекциях, не имеет отношения к малоинтересному, абстрактному содержанию его математических теорем»*¹. Собственную оценку математических работ Фоменко Новиков пересматривал. Так, в статье «Математики и история» 1997 года он писал: *«В теории трёхмерных многообразий его вклад представляется весьма полезным. Он оказался умелым организатором численно-топологических расчётов...»*. Но в интервью 2013 года он уже сообщает: *«его математические работы оказались в основном плодом ловкой рекламы»*. Заметим, что С.П. Новиков часто оценивает работы учёных не своей математической школы как малоинтересные и малосодержательные. О серии работ А.С. Мищенко и А.Т. Фоменко в 1997 году он написал так: *«В 1977–1981 гг. Мищенко и Фоменко написали серию, на мой взгляд, малосодержательных работ об интегрируемых системах. Я тогда же говорил им это, но не встретил понимания. Как видно, выйдя из топологии, они не смогли освоить главного в новой для себя области – теории интегрируемых систем, разобравшись, что здесь интересно, а что нет. Моё мнение совпадало с мнением других профессиона-*

¹ Новиков С.П. Математики и история // Природа, 1997, № 2, с. 72.

лов». Даже о знаменитых работах Г.Я. Перельмана, уже получивших мировое признание, в своём обзоре достижений топологической науки¹ он написал удивительно скупое: «Недавно Перельман начал представлять последовательность текстов, ведущих (как утверждается) к доказательству гипотезы Пуанкаре: аналитический метод «поток Риччи» с некоторыми исправлениями на гомотопической трёхмерной сфере вводится метрика положительной кривизны. Ряд крупнейших экспертов подтверждает перспективные идеи. В данный момент мы не знаем, приводят ли эти идеи к желаемому результату». (с. 23–24)

Имея острое чутьё в области актуальных проблем, решение которых сразу же одобрит профессиональное сообщество, С.П. Новиков негативно оценивает любые альтернативные теоретизирования в отношении устоявшихся научных теорий, поддерживаемых дисциплинарным большинством. Даже попытка сомнения в общепринятом или предложение нового понимания проблемы вызывает у него резкий отпор – он публично отрицает умственное здоровье тех, кто рассуждает не в общем русле. Так, крупные учёные М.А. Лаврентьев и А.А. Логунов за их критику теории относительности получили от Новикова оскорбительные оценки их научной деятельности, умственных и моральных способностей². Неудивительно, что и концепция Новой Хро-

¹ Новиков С.П. Топология в XX веке: взгляд изнутри // УМН, 2004, т. 59, вып. 5(359), с. 3–28.

² «Не без сильной помощи математиков со связями в Политбюро, от имени ядерной физики «наверх» без особого шума была выдвинута такая фигура, как Логунов. Он был выдвинут как «организатор науки». Иными словами, он был из тех, которые умеют командовать на строительстве бригадами солдат. Начинал он в конце сталинской эры как аспирант профессора Терлецкого, боровшегося в философской печати с «реакционным эйнштейнианством». Логунов – это и был идеал учёного в интерпрета-

нологии – альтернативная к сложившейся исторической традиции – вызывает его отторжение. Только вот призыв С.П. Новикова убрать А.Т. Фоменко с заведования кафедрой и Отделением математики мехмата МГУ из уважения к мнению «*православной гуманитарной интеллигенции*» представляется совсем уж гротескным.

А.Т. Фоменко несколько раз комментировал¹ нападки С.П. Новикова, указывая фактические ошибки и вымысел критика. Он показывал предвзятость суждений и оценок С.П. Новикова в отношении себя как учёного. Но это касалось лишь обстоятельств профессиональной жизни, не относящихся к существованию альтернативной исторической концепции.

И что же было причиной конфликта С.П. Новикова с А.Т. Фоменко – идейное расхождение или личная неприязнь? Ознакомившись с материалами, можно заключить, что причины этого спора исключительно личные. Ничего полезного в конкуренцию между исследовательскими программами Новой Хронологии и традиционной истории этот конфликт не вносит.

ции брежневской верхушки, и он сумеет сделать физику, как бы им хотелось, – «нашей»... осенью 1977 г. началась серия статей и докладов Логунова-Фоломешкина (я, впрочем, не утверждаю, что их писал один Фоломешкин). Я внимательно прочёл первые статьи, долго смеялся и твёрдо решил больше в них не заглядывать. Всякий имеет право беситься, как хочет (казалось мне)». (Новиков С.П. Математики и физики в Академии Наук от 1960 до 1980 // Вопросы истории естествознания и техники. 1997, № 1, с. 55–65).

¹ *Фоменко А.Т. Ответ на статью С.П. Новикова, опубликованную в журнале «Природа», 1997, № 2, с. 70–74 (http://chronologia.org/ans_bib_rus_20131228.html); Фоменко А.Т. Ответ на статью С.П. Новикова «Летопись смутного времени», январь 2014 г. (<http://chronologia.org/ans201304.html>).*

Несколько критических высказываний об истории и Новой хронологии озвучил ученик А.Н. Колмогорова и близкий друг С.П. Новикова – В.И. Арнольд.

Владимир Игоревич Арнольд (1937–2010) – советский и российский математик, общественный деятель, академик РАН (1990). Сын математика, доктора педагогических наук, профессора Игоря Владимировича Арнольда (1900–1948). Окончил мехмат МГУ в 1959 году под научным руководством академика А.Н. Колмогорова. Будучи студентом, в 1957 году решил тринадцатую проблему Гильберта. Под руководством Колмогорова защитил диссертацию к.ф.-м.н. (О представлении непрерывных функций трёх переменных суперпозициями непрерывных функций двух переменных, 1961), а в 1963 году получил степень д.ф.-м.н. (Малые знаменатели и проблемы устойчивости в классической и небесной механике). Работал на механико-математическом факультете МГУ (1961–1986), институте им. В.А. Стеклова (1986–2010) и в Парижском университете 9-Дофин (1993–2010). Короткое время поработал в Тринити-Колледже Кембриджского университета (Англия). Был заместителем главного редактора журнала «Функциональный анализ и его приложения». Научные заслуги В.И. Арнольда признаны мировым научным сообществом. Он – соавтор КАМ-теории (в основе её лежит теорема Колмогорова–Арнольда–Мозера о стабильности интегрируемых гамильтоновых систем). Он стал членом многих научных обществ и был удостоен разнообразных математических премий и наград. Он был почётным членом Лондонского математического общества (1976), почётным доктором Парижского университета имени Пьера и

Марии Кюри (1979), иностранным членом Национальной АН США (1983), Французской АН (1983), АН ГДР (1987), Американской академии искусств и наук в Бостоне (1987), Лондонского Королевского Общества (1988), Римской Академии Рысьеглазих (1988), Американского Философского Общества (1989), почётным доктором Болонского университета (1991). А также – лауреатом премии Московского математического общества (1958), Ленинской премии (совместно с А.Н. Колмогоровым, 1965), Крафордской премии Королевской шведской АН (1982), премии Лобачевского (1992), премии Харви Технийона в Хайфе (1994), премии Вольфа (2001), премии Д. Хайнемана Американского института физики (2001), государственной премии России (2007), премии Шао Ифу (2008). В.И. Арнольд был президентом Московского Математического Общества (1996–2010), членом Исполкома Международного математического союза. Весной 1998 года, будучи во Франции и катаясь там на велосипеде, В.И. Арнольд попал под автомобиль. Он получил серьёзное ранение головы и несколько недель находился в коме. Французские врачи отводили ему полгода жизни, но В.И. Арнольд поправился и вернулся к полноценной интеллектуальной работе. Он скончался от перитонита в парижской больнице Святого Антуана 3 июня 2010 года.

В своих воспоминаниях В.И. Арнольд сообщает, что ещё в детстве познакомился с идеями историологии Н.А. Морозова. Семьи Новиковых, Келдышей и Арнольдов тесно дружили, а их дети были организованы учеником П.С. Новикова – А.А. Ляпуновым в научное общество. Ляпунов, увлекавшийся историологией Морозова, рассказал детям об этой альтернативной

версии истории, что вызвало недовольство Л.В. Келдыш, и это увлечение было пресечено в самом начале.

В 1970–80-е годы В.И. Арнольд видел новую волну интереса к творчеству Н.А. Морозова, возникшую среди математиков, но отнёсся к этому сдержанно скептически. В научно-популярной книге 1989 года¹, описывая научные интересы Барроу и Ньютона, явно указывая на новохронологов, он написал: *«Идея о том, что хронология – очень важная наука, была для всех в то время очевидной, не обошла она и Ньютона. И сейчас некоторые математики, вероятно, вслед за Барроу и Ньютоном, хотя и не в Англии, а в Москве, остро интересуются проблемами хронологии. Ньютон очень серьёзно занимался хронологией Древнего Египта. В ней была следующая проблема. Исторических свидетельств, открытых к тому времени, накопилось уже столько, что они никак не согласовывались с библейскими сроками сотворения мира. Промежуток времени, отпущенный по Библии на всё человечество от Ноя до рождения Христа, всего 2348 лет, а фараонов в династии много, и все не уместятся. Ньютон писал специальные тексты, в которых предлагался некоторый выход из этого затруднения. Он нашёл в Библии фараона, имя которого начинается с буквы С (Сесак), а у Геродота упомянут другой фараон, с другим, правда, именем, но тоже на С (Сезеострис, теперь называемый Сенурсет). Вот Ньютон и предложил считать этих двух фараонов одним, исправив соответствующим образом древнеегипетскую хронологию (сократив её на 2000 лет – вполне в духе современных математиков). Но, по-видимому, в это время созревали и более научные подходы к этому вопросу. Барроу, например, предполагал использовать свидетельства о затмениях».* (с. 28–29)

¹ Арнольд В.И. Гюйгенс и Барроу, Ньютон и Гук. Первые шаги математического анализа и теории катастроф, от эвольвент до квазикристаллов, – М.: Наука, 1989, 96 с.

По мере разрастания конфликта между Новиковым и Фоменко, Арнольд, близко общавшийся с Новиковым, индуцировался от него негативным мнением о Новой Хронологии, которое несколько раз высказал в публичных интервью. Мы приведём эти изречения В.И. Арнольда. В 2001 году, характеризуя низкий уровень знаний в современном математическом сообществе и достижений отечественных математиков, он сказал: *«Я слышал, что наши социологи уже выявили трёх «крупнейших математиков России» (по мнению случайно опрашиваемых москвичей, это Березовский, Мавроди и А.Т. Фоменко). Так вот, я надеюсь, что в будущем наукой в России будут руководить не случайно опрашиваемые москвичи, а квалифицированные специалисты мирового уровня, которых у нас ещё немало»*¹. На прямой вопрос о Новой Хронологии, заданный после пленарного доклада «Нужна ли математика в школе?» (Дубна, 21 сентября 2000), В.И. Арнольд ответил: *«Имеется большая книжка «История и антиистория», недавно выпущенная издательством «Языки русской культуры» (М., 2000), в которой специалисты, историки, астрономы и всякие другие очень подробно про это написали. Прочитую оттуда один маленький кусочек, который написал Андрей Зализняк, главный специалист по Новгородским берестяным грамотам. Согласно его описанию, Фоменко так объясняет происхождение шотландцев, которые по-английски называются Scots. Две тысячи лет назад на север от Черного моря жили скифские племена. Скифы были скотоводы, и у них было много скота. Они, кроме того, имели ладьи, на которых плавали по различным ре-*

¹ Арнольд В.И. Ответы на вопросы профессора Д.С. Шмерлинга / Математическое образование: вчера, сегодня, завтра... http://www.mcsme.ru/edu/index.php?ikey=viarn_dengi (Считаются не только деньги // Московские новости, № 42, 16–22 октября 2001, с. 19)

кам, они любили очень плавать. Они погрузили свой скот на ладьи, поплыли вверх по Днепру, по Дону, поднялись на Оку, на Двину, переплыли Балтийское море, в Данию, в Северное море, в Англию, в Шотландию, нашли там пустые места, построили деревни, поселились там. Но им не понравилось, потому что плохой климат, всё время идёт дождь, холодно. И они решили вернуться. Но так как в те времена аэрофлот работал плохо, то они поняли, что погрузить весь свой скот и вернуться со своим скотом обратно быстро им не удастся. Поэтому им пришлось скот там оставить, и скоты так с тех пор там и живут, это и есть Scots. Другой из авторов этой книги указывает, что из опыта коммерческого успеха теории Фоменко следует с очевидностью тот важный для исторической науки вывод, что культурный и образовательный уровень нашего населения в области истории крайне низок»¹.

Мы видим, как Арнольд легковерно пересказывает чужие выдумки на исторические темы, близкие ему в силу личного опыта, но не благодаря научной рефлексии. Работ же Фоменко, судя по написанному им, Арнольд не читал, доверившись мнению своих друзей по Академии наук. Относительно исторических воззрений В.И. Арнольда, следует отметить следующее. В силу впечатлительности представления его об истории науки зависели от последней прочитанной книги или статьи, от чего могли довольно сильно меняться. Причём исторические работы профессиональных историков, воспринимались им совершенно некритично. Арнольд принимал суждения оттуда как аксиому, не требующую доказательства и осмысления, хотя бы с позиций здравого смысла или возможности реализации. Чего стоит, например, сообщаемый им античный «ме-

¹ Арнольд В.И. Нужна ли математика в школе? – М.: МЦНМО, 2004, с. 22–23.

тод» наблюдения за небесными светилами: «Историки рассказывают, что римский царь Нума Помпилий (вскоре после Ромула в 7 в. до Рождества Христова) устроил в храме Весты на Форуме в Риме своеобразный планетарий. Планеты (в правильном порядке: Меркурий, Венера, Земля с Луной, Марс, Юпитер, Сатурн) носили по нарисованным в храме кеплеровым эллиптическим орбитам, в соответствии с законом площадей и с пропорциональными кубам больших полуосей квадратами времён обращения, специально приставленные к планетам весталки. И если кому нужно было найти на небе Сатурн, то в этом храме Весты надо было стать около весталки, заведовавшей Землёй, и определить направление на ту другую, у которой Сатурн. Но объяснить всю эту сложную небесную механику нуждавшимся в календаре потребителям учёные не умели, поэтому для потребителей они придумали систему эпициклов (разложили описывающие движение планет функции от времени в «ряды Фурье»)»¹.

Доверчивость Арнольда и энтузиазм в отношении новых для него сведений² прекрасно иллюстрируются его увлечением фигурой Тота, к которой он свёл чуть ли не все достижения не только древних математиков, но и Ньютона: «Я узнал очень недавно о великих открытиях такого крупнейшего математика, имя которого неизвестно, он был в Египте у фараона главным землемером и был после смерти объявлен богом, и его божественное имя известно, а его первоначальное имя я, во всяком случае, не знаю. Как египетский бог он назывался Тот. У греков потом его теории стали распространяться под именем Гермес Трисмегист, и в средние века была книга «Изумрудная скрижаль», которая ежегодно издавалась по нескольку раз, было много изданий этой книги, например, в биб-

¹ Арнольд В.И. Что такое математика? – М.: МЦНМО, 2004, с. 52.

² Тураев Б.А. Бог Тот, – Лейпциг, 1898.

лиотеке Ньютона, который тщательно его изучал. И очень многие вещи, которые приписываются Ньютону, на самом деле уже там содержались. Что открыл Тот? Я перечислю некоторое небольшое количество открытий. По-моему, каждый культурный человек должен был бы знать, что был такой Тот, и что он открыл, и какие его великие изобретения. То, что я до этого года не знал об этом – позор. Первая вещь, которую он придумал – это числа, натуральный ряд. До него числа, конечно, были: 2, 3, ... до числа, которым выражалась сумма всего налога, который платили египетскому фараону – число, которое выражает весь годовой налог, существовало, а больших чисел не было. Идея, что числа может продолжать неограниченно, что нет самого большого числа, что всегда можно прибавить единицу, что можно построить систему счисления, в которой записываются как угодно большие числа – вот это идея Тота, это первая его идея. Сегодня мы называем её идеей актуальной бесконечности. Второе открытие, которое тоже очень значительно, – это алфавит. До него были иероглифы, в которых изображались знаками слова, например, «собака». А ему пришла в голову идея, что фонемы, звуки надлежит записывать, установив вместо тысяч иероглифов, которые были для слов, всего лишь несколько десятков иероглифов, например, упрощённой «собакой» изображать звук «с» всегда, «с» в любом слове – это будет похоже на эту самую «собаку», такую упрощённую «собаку». Он придумал египетский алфавит. Все наши европейские алфавиты пошли от него. ... Третье открытие Тота – это геометрия. Геометрия в буквальном смысле – это землемерие. Тоту поручалось фараоном, он должен был знать, участок земли, огороженный, вот такой-то величины, какой урожай принесёт. Это зависит от площади, ему надо было измерять эти площади, проводить межи, воду разделять из Нила, делать отвод воды и всё это практические работы. И он научился. Для этого он придумал геометрию, всё то, что мы сейчас учим, евклидову геометрию, вся эта геомет-

рия – Тота на самом деле. В частности, Тот и впоследствии его ученики измерили при помощи своих геометрических методов радиус Земли. Радиус Земли, который они измерили, был ими получен с ошибкой в один процент относительно современных данных, это колоссальная точность. Вдоль Нила шли караваны верблюдов, от Фив до Мемфиса, они шли почти по меридиану и считали верблюжьих шагов, тем самым, знали расстояние. В то же время можно, наблюдая полярную звезду, померить широты городов и, зная разницу широт и расстоянием по меридиану, можно померить радиус Земли, и они это очень хорошо сделали и нашли радиус с точностью 1%»¹.

В.И. Арнольд, обращаясь к эпизодам истории науки, в своём понимании, совершенно не учитывал наличия хоть каких-то закономерностей, кумулятивности и социокультурной обусловленности открытий. Для него были любопытны любые «чудеса», сочиняемые гуманитариями в истории науки. Поэтому он легко отрицал научные приоритеты Коперника и Ньютона, отдавая всю славу открытий неизвестному учёному древности, чья научная идея не получила продолжения и развития, так как традиция преемственности научного знания и его трансляции фактически отсутствовала. Он не задумывается о технической невозможности сделать приписываемые наблюдения и вычисления, прежде всего в силу отсутствия методологического аппарата и наблюдательных средств. «Итак, откуда взялась теория Коперника? Оказывается, она была хорошо известна ещё за две тысячи лет до его рождения. Египетские жрецы, создававшие в своих пирамидах всевозможные забавные устройства, уже прекрасно знали и в каком порядке идут планеты, и то, что они вращаются вокруг Солнца. В Древнем Риме,

¹ Арнольд В.И. Нужна ли математика в школе? – М.: МЦНМО, 2004, с. 6–8.

в храме Весты в 700 году до новой эры существовал планетарий, в центре которого помещался огонь, символизировавший Солнце, а вокруг него вручную переносили планеты. Египтянам была известна и теория Ньютона, это признавал и сам учёный. В его неопубликованных теологических и алхимических работах есть упоминание о том, что ему принадлежит восстановление египетских доказательств происхождения миров. У египтян была книга, где всё было записано, но она погибла во время пожара Александрийского музея. Пришла демократия, и народ сжёг многие тысячи томов научных книг, не понимая, что тем самым уничтожил знания древних»¹.

Естественно, что при столь наивных представлениях об исторической реальности и методах исторического исследования В.И. Арнольд критиковал не концепцию Новой Хронологии, которую, по-видимому, плохо себе представлял, а её мнимую «прибыльность»: *«Один математик – академик – опубликовал теорию, по которой Куликова битва случилась где-то в районе Москвы! Стало очень модно применять математические методы в истории, но чаще всего это заканчивается печально... Нельзя к этому относиться с юмором, так как это крайне опасный вздор! У нас в Академии наук есть комиссия, которая занимается антинаукой, и ей приходится разоблачать подобные «исследования». К сожалению, лженаука подчас приносит деньги, и она уже превращается в финансовое предприятие»².*

Изучение мотивов научных споров, позиций оппонентов и качества их аргументации – занятие поучительное и полезное. Во-первых, ясно, что за пределами своей специализации и самые выдающиеся учё-

¹ Интервью с академиком В.И. Арнольдом // В защиту науки, 2009, Бюллетень № 5, с. 112.

² Интервью с академиком В.И. Арнольдом // В защиту науки, 2009, Бюллетень № 5, с. 113.

ные могут работать непрофессионально, неправомерно эксплуатировать свой авторитет, приобретённый в другом виде деятельности. Во-вторых, мы понимаем, что дискуссии в гуманитарных науках (в данном случае, исторической) должны подчиняться процедурам и правилам, принятым в науках естественных и математических. То есть, участнику необходимо знать предмет исследования, методы и специфику исследовательской области, о которой высказываешься, и добросовестно знакомиться с позицией оппонента, даже если она представляется изначально неверной. В науке нет ничего вреднее субъективизма, «вкусовщины» и «групповщины», проистекающих от самодовольства и ложной уверенности в собственной интуитивной прозорливости и осведомлённости в любой области знаний.

В заключение этой книги, посвящённой познавательному конфликту в среде математиков по проблеме глобальной хронологии и специфики исторического знания, нам хочется сказать следующее. Научные дискуссии нередко перерастают в затяжные познавательные конфликты. В гуманитарном знании, в связи с его специфическим эпистемическим статусом и отсутствием системы достоверной проверки гипотез, а также большим значением субъективности при интерпретациях, познавательные конфликты имеют свойство затягиваться на длительное время, приобретая идеологический оттенок. При изучении истории научных идей и научных противостояний следует помнить об этом и сохранять, по возможности, эмоциональную дистанцию, без предпочтения одной из сторон.

В научных спорах так же стоит учитывать психологический фактор. Чем бесцеремоннее спорщики, чем чаще они обвиняют оппонентов в «психическом нездоровье» или ненаучных мотивах деятельности, тем беднее и неубедительнее выглядят их концептуальные аргументы. Учёные порой могут забывать, что не только они пришли в науку за Истиной, та же цель может быть и у тех, кого они неистово критикуют.

Благодарности: пользуясь случаем, высказываем свою искреннюю признательность нашим друзьям-математикам – Евгению Евгеньевичу Демидову и Сергею Петровичу Мищенко за внимательное прочтение первого варианта нашей книги и указание многочисленных опечаток в ней. Так же благодарим Анатолия Тимофеевича и Татьяну Николаевну Фоменко за исправление пары фактических неточностей в изложении истории Новой Хронологии.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Н.А. МОРОЗОВ И ЕГО ПРОЕКТ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ ИСТОРИИ	
Революционная и творческая биография Н.А. Морозова (4). Рождение историологии (11). Базовые положения историологии (14). Структура научно-исследовательской программы в истории (22).	4
ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ ИСТОРИОЛОГИИ М.М. ПОСТНИКОВЫМ	
Научная биография М.М. Постникова (27). Формирование интереса к историологии и её популяризация (29). Постниковская версия историологии (35).	27
ОТЗЫВ Г.Е. ШИЛОВА НА ЛЕКЦИЮ М.М. ПОСТНИКОВА	
Научная биография Г.Е. Шилова (40). Философские представления о науке (43). Отзыв на доклад М.М. Постникова «Был ли древний мир?» (45). Возможные мотивы непринятия историологии Г.Е. Шиловым (66).	40
НОВАЯ ХРОНОЛОГИЯ	
Научная биография А.Т. Фоменко (71). Научная биография Г.В. Носовского (74). Рождение Новой Хронологии и её оценка в математическом сообществе (75). Отличия НХ от историологии (80). Методы и базовые идеи НХ (84). Анализ способа рассуждений и аргументации авторов НХ (103).	70
КРИТИКА НОВОЙ ХРОНОЛОГИИ ИСТОРИКАМИ	
Религиозно-идеологическая критика (107). Метаморфозы археолога А.О. Добролюбского и атмосфера исторического сообщества (118). Начало противостояния историков и новохронологов (126). Критика методологии Новой Хронологии Е.С. Голубцовой и В.М. Смириным (133). «Мето-	107

дологическая критика» С.В. Илларионова (139).

РЕАКЦИЯ МАТЕМАТИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА НА НОВУЮ ХРОНОЛОГИЮ

Спектр мнений (170). А.Н. Колмогоров о сохранении «красивой сказки» (173). С.П. Новиков – «персональный» критик А.Т. Фоменко и Новой Хронологии (186). В.И. Арнольд об истории науки (197). 170

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 207

Авторы:

Баранец Наталья Григорьевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии Ульяновского государственного университета. Область научных интересов – философия и методология науки, история и социология науки, история русской философии. Автор более 250 научных трудов. Среди них монографии: *Философское сообщество: структура и закономерности становления (Россия рубежа XIX–XX веков)*, – Ульяновск, 2003; *Метаморфозы этоса российского философского сообщества в XIX – начале XX века. В 2-х ч.: Ч. 1*, – Ульяновск, 2007; *Российское философское сообщество и трансляция философского знания на рубеже XIX–XX веков*, – Ульяновск, 2007; *Философское сообщество в России: историко-методологические очерки*, – Ульяновск, 2007; *Метаморфозы этоса российского философского сообщества в XX веке. В 2-х частях: Ч.2*, – Ульяновск, 2008; *Российское философское сообщество и трансляция философского знания в XX веке*, – Ульяновск, 2008.

Личная страница в Интернете: <http://staff.ulsu.ru/baranetz/>

Верёвкин Андрей Борисович – кандидат физико-математических наук, доцент кафедры алгебро-геометрических вычислений Ульяновского государственного университета. Область научных интересов – история и философия математики, абстрактная алгебра, алгебраическая геометрия и комбинаторика. Автор более 100 научных трудов, в том числе книги: *История и философия математики*, – Ульяновск, 2013. В соавторстве с Н.Г. Баранец написал две монографии: *Методологическое сознание российских учёных в XIX – начале XX века*, – Ульяновск, 2011; *Российские математики о науке и философии*, – Ульяновск, 2012.

Личная страница в Интернете: <http://staff.ulsu.ru/verevkinab/>

Издатель
Качалин Александр Васильевич
432042, Ульяновск, ул. Доватора, 16

Подписано в печать 27.12.2014.
Формат 60x84/16. Бумага офсетная.
Печать ризографическая.
Гарнитура Bookman Old Style.
Усл.печ.л. 12,08.
Заказ № 14/126
Тираж без объявления.

Отпечатано в издательско-полиграфическом
центре «Гарт» ИП Качалин А.В.
432042, Ульяновск, ул. Доватора,16.